

Н. А. Хотинский

КОВЫЛЬ – ТРАВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Москва
«Мысль»
1988

ББК 63.2
X85

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор исторических наук *Р. Г. Скрынников* и
доктор географических наук *П. А. Каплин*

Художник

И. В. Тарханова

Фотографии

В. А. Мачуговского, Е. П. Кассина

X 1905000000-085 КБ-54-9-1987
004(01)-88

ISBN 5-244-00219-8

© Издательство «Мысль», 1988.

OCR – Aspar, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора
Тайны Куликова поля
Письменные источники
Новая информация
Летопись Непрядвы
Волны кочевников
Дыхание природы
Русь перед битвой
К Дону Великому
Где же Непрядва?
Злая сеча
Восемь дней «на костях»
Радость и плач великие
Связь времен
Будущее Куликова поля
Вместо послесловия
Литература

*Моему отцу
Александру Макаровичу Сибиряку
посвящается*

Куликовская битва принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди.

Александр Блок

Сражение в устье реки Непрядвы, Куликовская битва, Мамаево побоище, Задонщина. Все эти названия обозначают одно и то же волнующее событие нашей древней истории: победу русского воинства над монголо-татарскими ордами в верховьях Дона 8 сентября 1880 года. «Усть Непрядва» — наиболее точный летописный ориентир, отправная точка, от которой надо вести поиск места сражения и Куликова поля. А эти два понятия, как будет показано, не вполне точно совпадают в географическом плане.

Куликовская битва — важнейшая веха на пути становления и развития Руси. Светлый образ победы на Непрядве сопутствовал всей последующей истории нашего государства. К этому яркому событию прошлого, озаренному сполохом всеобщего духовного подъема, предельной мобилизации сил и массового героизма, наша страна постоянно обращалась в самые трудные, драматические моменты своей истории.

С именем Дмитрия Донского, олицетворяющего Куликовскую победу, шли русские полки на Бородино. С именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова прошли советские воины по Красной площади во время памятного Октябрьского парада 1941 года, чтобы вступить в бой с фашистскими ордами, рвавшимися к Москве.

Так осуществлялась связь времен, так прошлое помогало настоящему и будущему. Именно поэтому в наши дни историко-патриотической теме придается особо важное значение. В разработку этой темы помимо историков все чаще стали включаться специалисты самых различных научных направлений. Все больший размах получает содружество философов, историков, археологов, этнографов с географами, биологами и представителями других естественных дисциплин. Широкая публикация древнерусских летописей и иных древних письменных источников имеет исключительно важное значение для развития подобного объединения ученых. Природоведы — географы, климатологи, зоологи, ботаники — все чаще обращаются к древним письменным материалам, черпая из них важные сведения по истории природы и ее изменений человеком. С другой стороны, некоторые представители обществоведческих дисциплин — археологи, этнографы — уже не мыслят успешной разработки своих тем без привлечения сведений по истории природы.

И все же в развитии междисциплинарных работ существуют некоторые трудности. Общеизвестно, что на стыках различных наук рождаются новые идеи и открытия, наиболее интенсивно развивающие науку в целом. Наряду с этим происходит процесс все большей дифференциации науки — разделения ее на все большее количество самостоятельных ветвей. При этом каждая ветвь рождает столь сложную научную терминологию, что ученые как бы перестают слышать друг друга даже в близких, сопредельных областях знаний.

В этих условиях особо важную роль призвана сыграть научно-популярная литература, как бы «переводящая» сложные научные идеи и разработки на общедоступный язык. Но и в этой сфере существуют определенные трудности, приводящие к тому, что научно-популярных книг, посвященных междисциплинарной тематике, выпускается пока мало.

Какими бы обширными знаниями не располагал автор, он неизбежно должен вторгаться на «чужую территорию», в области, менее ему известные. Такие вторжения могут вызвать негативную реакцию у специалистов отдельных научных дисциплин, которые сразу заметят погрешности «обобщителя».

И все же междисциплинарный синтез необходим, даже если при этом будут допущены некоторые неточности. Более того, генерализация не исключает, а предусматривает нанесение менее точных мазков на отдельных участках создаваемой автором общей картины. Недопустимо только вольное обращение с фактами для придания описанию художественного колорита.

Такой подход определил жанровые особенности книги, соединяющей популярный, общедоступный рассказ с его обоснованием, точными ссылками на научные факты.

Сближение обществоведческих и естественных дисциплин стимулируется идеей о том, что проблема взаимодействия между природой и обществом является по существу главной темой современной науки. Теоретический фундамент для такого подхода был заложен К. Марксом: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹. Он ясно предвидел, что «впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание. Это будет *одна наука*»².

Именно такой двусторонний подход был использован при освещении эпохи Куликовской битвы. Несмотря на многочисленные публикации по данной теме, она, по моему глубокому убеждению, далеко не исчерпана. Авторами абсолютного большинства книг и статей о Куликовской битве являются историки, которые дали подробный анализ летописей и иных письменных источников со своих профессиональных позиций.

Но до сих пор эти древние документы не рассмотрены с географической точки зрения. В то же время в них содержатся хотя и краткие, но довольно частые и исключительно ценные сведения о рельефе, растительности, климате, гидрологии района сражения. Обращение к этим природоведческим данным позволяет иногда по-новому прочесть некоторые страницы древних текстов.

Кроме того, надо ясно понимать, что следы Куликовской битвы сохранились не только в древних письменных документах. Они прослеживаются и в самой природе района Непрядвы, земли и ландшафты которого еще хранят важные свидетельства прошлого. Это касается не только Куликова поля, но и других полей великих битв прошлого, которые еще ждут всестороннего изучения.

География сражения на усть Непрядве, история природы этого района по существу не изучены. Перспектива восстановления событий эпохи Куликовской битвы связана не только с дальнейшим изучением письменных документов, но и с получением совершенно новых, географических и археологических, данных. Источником такой новой информации послужили для автора результаты комплексного изучения природы и истории района Непрядвы. Эти работы ведутся здесь с 1981 года объединенной группой природоведов, археологов, историков и других специалистов — сотрудников Института географии АН СССР и Государственного Исторического музея. Такое объединение ученых различного профиля знаменует начало нового, междисциплинарного этапа изучения эпохи Куликовской битвы.

Участники совместных работ исходили из предпосылки: разработка проблемы эпохи битвы на усть Непрядве должна осуществляться в более широких пространственно-временных рамках, чем до сих пор. Пространственные рамки темы определяются в первую очередь необходимостью точной привязки места Куликовской битвы к конкретному географическому району. Новые материалы позволяют внести ясность в эту дискуссионную проблему, как и в вопрос о происхождении названия Куликова поля.

Расширяя пространственный диапазон исследования, географы рассматривали район усть Непрядвы как типичный участок лесостепи, познание которого позволит получить важные сведения о динамике природных условий на границе леса и степи в прошлом. Для историков подобный подход также может представить интерес, особенно в плане уточнения взаимоотношений между «лесными» и «степными» племенами и народами в древности.

С учетом новейших сведений об изменении климата аридной зоны Евразии рассматриваются причины дальних миграций и нашествий кочевых племен. На примере детального изучения небольшого района автор пытается вскрыть некоторые закономерности природных и исторических процессов прошлого, типичных для более обширных пространств.

Значительное место в книге уделено описанию самой Куликовской битвы. В этом разделе время как бы до предела сжато, так как письменные источники предоставляют редкую возможность проследить за событиями Великого сражения с точностью до часа. По мере возможности автор пытался отказаться от стереотипного описания общеизвестных военных действий и сосредоточить внимание на географических аспектах битвы. Подобный подход потребовал расширения временных рамок исследования и анализа истории природы и истории заселения района Непрядвы в течение последних тысячелетий. Это позволило выявить древние корни ландшафтов эпохи битвы, пути их хозяйственного освоения и перспективы дальнейшего развития.

В заключительной части книги автор привлекает внимание читателей к природоохранным проблемам Куликова поля. Следы эпохи битвы сохранились не только в недрах земли района, но и в его современных ландшафтах. Несмотря на многовековую распашку земель и вырубку лесов, здесь еще сохранились уникальные участки ковыльных степей и балочных дубрав — прямые потомки растительности эпохи сражения.

Обращается внимание на удивительную способность древней природы к самосохранению и самовозобновлению. Но эта способность не беспредельна: все более усиливающийся антропогенный пресс может окончательно стереть остатки ландшафтов прошлого.

Назрела необходимость не только охранения, но и восстановления некоторых черт ландшафта Куликова поля, соответствующих эпохе битвы. Этой цели служит разрабатываемый сейчас проект «Куликово поле». Он предусматривает создание первого в нашей стране ландшафтно-исторического заповедника, сочетающего интересы дальнейшего развития хозяйства и туризма района Непрядвы с охраной и восстановлением его древней природы.

Настало время уделить внимание восстановлению не только памятников древней архитектуры, но и памятников древней природы, что в совокупности явит нам истинную картину истории и культуры прошлого. В первую очередь это относится к районам великих освободительных битв нашей страны.

ТАЙНЫ КУЛИКОВОГО ПОЛЯ

Седые волны ковыль-травы мерно колыхались на склоне балки Нижний Дубик, рассекающей знаменитое Куликово поле. Здесь туманным утром 8 сентября 1380 года в районе устья реки Непрядвы началось величайшее сражение средневековья, закончившееся разгромом монголо-татарских орд. Сокрушив несметную силу, объединенная русская рать под предводительством Великого князя московского Дмитрия Ивановича расчистила путь к национальному освобождению и последующей консолидации Руси.

...Трудно было как-то осознать реальность этой величественной картины, так как в сознании укоренилось представление о том, что естественная растительность Поля давно нарушена многовековой деятельностью человека. И это действительно так, но здесь, на

Дубике, куда нас привела сотрудница музея «Куликово поле» Валентина Александровна Лабзина, каким-то чудом уцелело целое море метровых ковылей. Тех самых, упоминаемых в летописях и сказаниях ковылей — свидетелей великой битвы!

Это означало, что, несмотря на грандиозные антропогенные изменения, в ландшафтах района еще сохранились вполне реальные следы первозданной природы прошлого. К ним можно отнести и небольшие участки порослевых балочных дубрав — прямых наследников многовековых дубов, еще существовавших здесь, по свидетельству писателя М. Н. Макарова, в начале прошлого века¹. Эти бесценные ботанические реликты эпохи Куликовской битвы могут быть использованы при восстановлении былых ландшафтов района.

Память о прошлом хранится и в глубинах земли Куликова поля. На протяжении многих веков из этой земли выпаживались многочисленные предметы вооружения, образки и кресты участников Куликовского сражения. Большинство этих реликвий, к сожалению, утрачено к настоящему времени. Но и сейчас память земли о былом полностью не стерлась.

Об этом свидетельствует находка археологами и географами историко-геологического слоя, соответствующего эпохе Куликовской битвы. Он был обнаружен во многих местах района Непрядвы, и в частности в пойменных отложениях этой реки, вблизи ее впадения в Дон, примерно там, где происходила переправа русских войск, шедших на Куликово поле. Открытие не было случайным, так как именно пойма Непрядвы и Дона сразу привлекла к себе внимание. Дело в том, что пойма рек постоянно нарастает вверх за счет ежегодного отложения приносимых паводковыми водами осадков, которые образуют своеобразную «пойменную летопись», в которой зафиксирована важная палеогеографическая, а иногда и археологическая информация о событиях прошлого.

Уже первое обследование берега Непрядвы в 1981 году принесло интересные археологические находки: в отвалах и осыпях пятиметровой отвесной стенки поймы была найдена неолитическая керамика и, что особенно важно, фрагменты древнерусских сосудов, близких по времени к эпохе Куликовской битвы. Здесь также была обнаружена пыльца древней растительности, по которой можно судить об изменении ландшафтов района устья Непрядвы за последние тысячелетия. Таким образом, пойма Непрядвы и ковыльный склон балки Нижний Дубик оказались взаимосвязанными звеньями единой истории природы и общества, прослеживаемой от прошлого к настоящему времени.

«...И была сеча великая и сражение великое, какое не бывало от начала русским князьям», — свидетельствует летописец — современник Куликовской битвы. Ему вторит немецкий историк конца XV века А. Кранц, назвавший это событие «величайшим сражением в памяти людей»². Более 150 лет — после разгрома на реке Калке (1223 год) и последовавшего затем страшного опустошительного нашествия Батыя (1237 — 1240 годы) — Русь ждала и копила силы, чтобы выйти на Куликово поле и бросить вызов могущественной Орде.

Историко-патриотическая тема Куликовской битвы, 600-летний юбилей которой широко отмечался в нашей стране, вызывает неослабевающий, поистине всенародный интерес. Научная и художественная литература, посвященная этому важнейшему этапу нашей истории, исчисляется сотнями статей и книг. Писатели и поэты, художники и скульпторы стремятся донести до нас образы великого события прошлого.

Но основной вклад в изучение эпохи Куликовской битвы, безусловно, сделан историками. Большие успехи достигнуты ими в исследовании письменных памятников Куликовского цикла, таких, как «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», и летописей. Возможности анализа этих документов прошлого еще далеко не исчерпаны.

Изучение историками одних только письменных источников еще не дало ответов на многие кардинальные вопросы, связанные с эпохой Куликовской битвы. Вызывает дискуссии точное определение места сражения, не найдены погребения павших воинов,

поскольку, как считают многие, в древней литературе нет соответствующих прямых указаний.

Не вполне была ясна и ландшафтная обстановка в районе сражения. Контуры лесных и степных участков Поля рисовались часто произвольно, без учета рельефа, а также почвенных и палеогеографических данных. Обычно в центре района битвы показывалось обширное безлесное «пятно», обрамляемое (в зависимости от вкуса автора) более или менее облесенными участками. Подобные «кабинетные» схемы упрощают и искажают ландшафтную ситуацию района Куликовского сражения, которая была более сложной.

Этот недостаток отмечался самими историками, указывавшими, что схемы диспозиции войск во время Куликовской битвы, как правило, составлялись без учета природной обстановки. Полки располагались на месте бывших лесных массивов, глубоких оврагов и т. д. Приведенный пример показывает, насколько слабо была изучена история ландшафтов района битвы. Это касается не только растительности, но и рельефа, почв, гидрологии и других компонентов природы.

Восполняя этот пробел, с 1981 года, как уже отмечалось, в районе Непрядвы начала работать объединенная группа археологов, палеогеографов, почвоведов, геоморфологов, палеоботаников и других специалистов. Эти совместные исследования продолжаются и в настоящее время. Они направлены на решение некоторых дискуссионных проблем эпохи Куликовской битвы на основе изучения истории природы, заселения и хозяйственного освоения местности в течение последних тысячелетий.

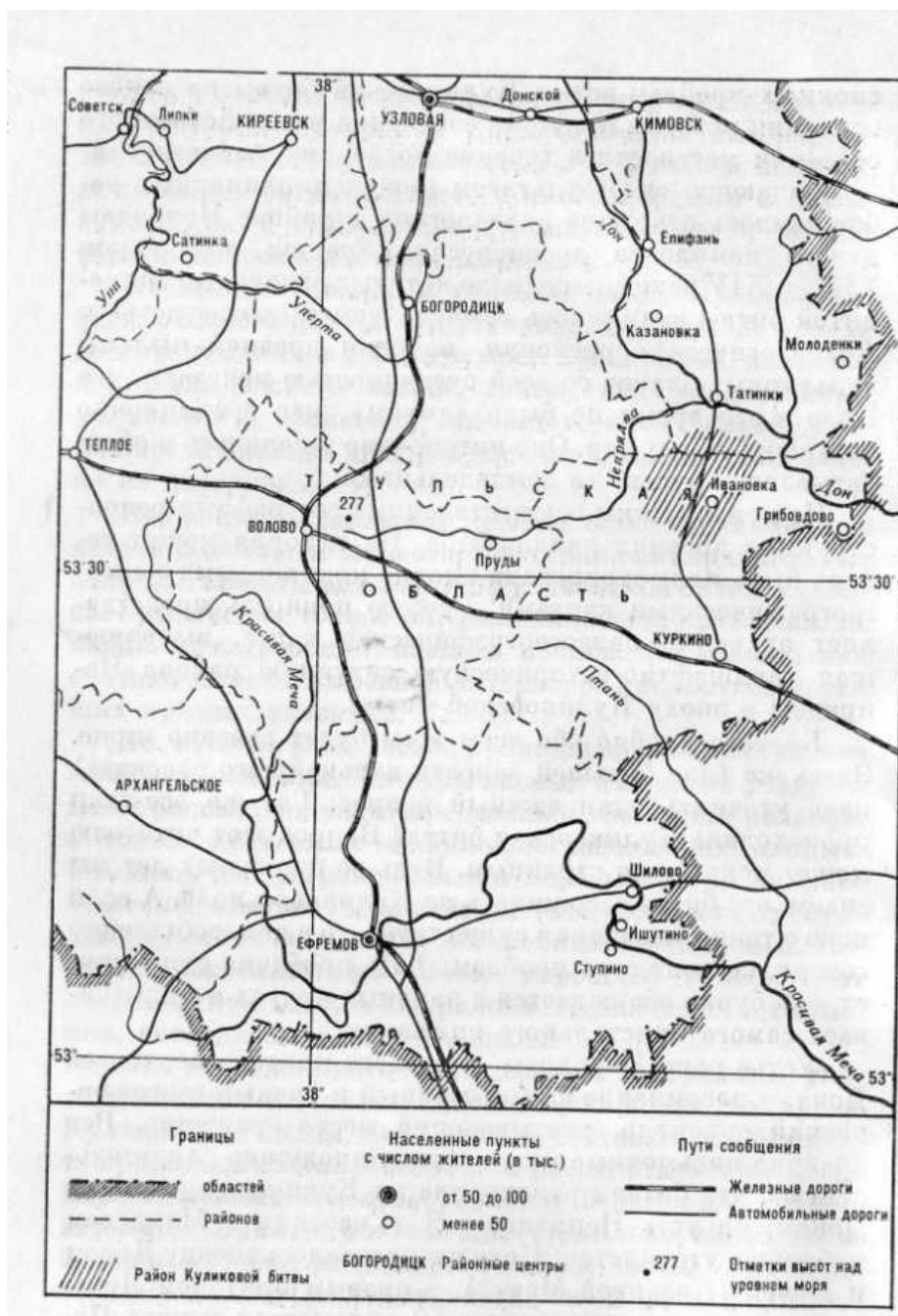
Выдающимся результатом междисциплинарных работ явилось открытие археологами в районе Непрядвы целого комплекса древнерусских селищ и городищ XIII — XIV веков, население которых задолго до знаменитой битвы занималось земледелием и скотоводством. Археологические раскопки, находки древней пыльцы культурных злаков со всей очевидностью показали, что Поле в это время не было «диким», как традиционно считалось до сих пор. Оно интенсивно заселялось и обрабатывалось русскими земледельцами.

Не менее важны осуществленные географами реконструкции древних ландшафтов. Их история может теперь быть иллюстрирована вполне конкретными палеогеографическими картами. Особую ценность представляет археолого-палеогеографическая карта, выявляющая ландшафтно-историческую ситуацию района Непрядвы в эпоху Куликовской битвы.

Более подробно обо всем этом будет сказано ниже. Здесь же (для большей ясности дальнейшего рассказа) надо уточнить один важный вопрос. Где же все-таки происходила Куликовская битва? Вопрос этот читателю может показаться странным. Ведь со школьных лет мы знаем, что битва свершилась на Куликовом поле. А если поле с таким названием существует, то в чем, собственно говоря, состоит суть проблемы? Но проблема существует, она бурно обсуждается в научных кругах и заслуживает самого пристального внимания.

Устье реки Непрядвы — правого притока верховьев Дона — несомненно самый важный и точный географический ориентир, указывающий место сражения. Все древние письменные источники единодушно свидетельствуют, что битва происходила на Куликовом поле «за Доном, на устье Непрядве». В «Сказании о Мамаевом побоище» уточняется: Поле располагалось между Доном и Мечей (Красивой Мечей) — правым притоком Дона, расположенным примерно в 50 километрах южнее Непрядвы. Но этих географических ориентиров недостаточно, чтобы точно определить, или, как говорят ученые, локализовать, место сражения.

Важные уточнения были сделаны в начале XIX века С. Д. Нечаевым — человеком прогрессивных взглядов, связанным с декабристами. Он был большим энтузиастом изучения эпохи Куликовской битвы, хорошо знал географию района Непрядвы, на правом берегу которой располагалось его поместье.

Карта юго-восточной части Тульской области

В статье, опубликованной в «Вестнике Европы» за 1821 год, С. Д. Нечаев писал следующее: «Куликово поле... по преданиям историческим заключается между Непрядвой, Доном и Мечёю. Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями древнее наименование. О нем еще напоминают некоторые в сем краю селения и урочища, например село Куликова на Дону, сельцо Куликово в самой середине поля, овраг Куликовский по правой стороне Непрядвы и т. д.». Далее: «Весьма вероятно, что тут происходило решающее сражение. На небольшом пространстве, начиная от берегов Непрядвы и впадающей в нее речки Ситки до истоков вливающихся в Дон речек Смолки и Курцы (крестьяне.— Н. Х.) выпаживают наиболее древнее оружие, бердыши, мечи, копии стрел, также медные и серебряные кресты и складни»³.

Именно здесь, по его мнению, «после долгого порабощения России раздались в первый раз победные клики наших предков, ... родилась утешительная надежда — освободить Отечество от ига иноплеменного». Он настаивал на необходимости

возведения памятника прошлому — храма с инвалидным домом — непосредственно на месте сражения. «Достоверно только то, что памятник Дмитрию Донскому *должен* * (* *Здесь и дальше в цитатах курсив Н. Л. Хотинского.*) находиться... между речками Непрядвою, Доном и Рыхоткой, ибо *на сем только пространстве* выпахивались прежде кости человеческие, и ныне еще изредка попадаются отрывки кольчуг, оружия, серебряные и медные кресты и складни — *явные признаки великой сечи...*»⁴

С. Д. Нечаев, таким образом, внес существенные уточнения. Он отнес поле битвы к междуречью Непрядвы, Дона и Рыхотки. В северной части этой территории, на правом берегу Непрядвы, по его мнению, и развернулись основные события Куликовского сражения. При этом шедшие на битву войска Дмитрия Ивановича переправились через Дон «ниже устья Непрядвы, там, где впадает в Дон с одной стороны Табола, а с другой Рыхотка»⁵.

В северо-восточной части правобережья Непрядвы С. Д. Нечаев, как и М. Макаров, обратил внимание на сохранившиеся остатки древнего дубового леса, которые он связал с упоминаемой в письменных источниках Зеленой дубравой. Той самой, в которой скрывался засадный русский полк, решивший исход сражения. Возвышенность, расположенную южнее Зеленой дубравы, на правом берегу балки Смолки, С. Д. Нечаев и М. Макаров, согласно народным преданиям, называли Красным холмом. С этой возвышенности Мамай наблюдал «человеческое кровопролитие и самоубийство». Здесь теперь расположен мемориальный комплекс музея «Куликово поле».

Таким образом, уже в начале XIX века сформировалось представление, что битва произошла на Куликовом поле, расположенном на водораздельной территории, с запада, севера и востока ограниченной Непрядвой и Доном, а с юга — речкой Рыхоткой. Эта схема локализации Куликовской битвы на правом берегу Непрядвы никем не оспаривалась и продолжала господствовать до последнего времени. Однако недавно отдельные ученые высказали сомнение в правильности оценки С. Д. Нечаевым как исторических свидетельств, так и географических ориентиров. Указывая на отдельные противоречивые или неясные места в летописях и сказаниях, они считают возможным, что битва происходила не на правом, а на левом берегу Непрядвы⁶.

В этой главе мы не станем разбирать все аргументы этих исследователей. Рассмотрим их в дальнейшем, по мере описания самой Куликовской битвы. Остановимся только на главном.

В. А. Кучкин считает, что примененные С. Д. Нечаевым методические приемы вполне корректны и логичны даже с позиций современной науки. Но его определение местоположения Куликова поля по названиям двух селений и оврага не может быть принято, так как эти названия появились не раньше XVII века. С этим можно частично согласиться: указанные топонимы действительно поздние. Однако они почему-то не появились на левобережье Непрядвы, где, казалось бы, они скорее должны быть, если бы битва происходила здесь.

Вряд ли, кроме того, можно отрицать значение передаваемой из поколения в поколение народной молвы, на которую и ссылался С. Д. Нечаев. Еще более весомы и неопровержимы его ссылки на находки многочисленных орудий и других связанных с битвой предметов именно на правобережье Непрядвы. На левом берегу таких находок не обнаруживается. Здесь, по свидетельству историка М. В. Фехнер, специально изучавшей этот вопрос, за все время найдено лишь два ядра XVI века.

С. Д. Нечаев (в полном согласии с текстом «Сказания о Мамаевом побоище») определяет положение Куликова поля — как места битвы — между Доном и Мечей. При «левобережном» варианте логичнее было бы отнести Поле к междуречью Дона и Непрядвы. Выход из этой коллизии оппоненты Нечаева видят в том, что автор «Сказания», определив Куликово поле как «место то тесное между Доном и Мечею», просто ошибся. Ведь это широкое междуречье никак нельзя назвать тесным. Если же

место действительно было тесным, то неверно отнесение Поля к огромной территории от Дона до Мечи.

Но не будем торопиться винить автора «Сказания». Ведь ход его мысли вполне логичен: от крупного географического ориентира он переходит к частной характеристике. Отнеся Куликово поле к широкому междуречью Дона и Мечи, он конкретизирует специфику непосредственного места сражения, которое действительно было относительно тесным.

В дополнение приведем лишь небольшой отрывок из «Сказания». В нем, по мой взгляд, довольно определенно указывается на место сражения. На это свидетельство почему-то не обращалось внимания. В Киприановской редакции текста сказано, что русские войска перед самым началом битвы «возложиша на себя доспехи и сташа на поле Куликове, на усть Непрядве реке. Бе же то поле велико и чисто и *отлог велик* имеа на усть реки Непрядве»⁷.

Такой «великий отлог» — крутой откос, обрыв, спуск — действительно существует в районе устья Непрядвы. Он расположен на ее правом берегу, протягиваясь от села Монастырщина ниже по течению Непрядвы, а затем Дона на многие километры. На левобережной стороне Непрядвы, в районе ее устья, никакого «великого отлога» нет: здесь простирается низина, полого поднимающаяся в северном направлении.

Так, как поведало «Сказание», могли говорить лишь свидетели, находившиеся на правом берегу Непрядвы, который действительно как бы обрывается почти 40-метровым откосом к устью этой реки. Со стороны левобережья этот «великий отлог» предстает в виде великого подъема, крупного возвышения рельефа.

Что это — вымысел, ошибка автора или переписчика? Нет, это точная характеристика рельефа район важное письменное свидетельство того, что битва происходила на правом берегу Непрядвы. Ошибка допущена не в древнерусском тексте, а в его современном переводе, где приведенная выше цитата звучит так: «Было то поле большое и чистое, пологое к устью реки Непрядве»⁸. Своеобразие и точность первоначальной характеристики рельефа явно обедняется. «Великий отлог» неожиданно становится пологим, что явно затушевывает, искажает географическую значимость древнего текста для определения места сражения. Этот пример указывает на необходимость внимательного и бережного отношения к переводам древнерусских летописей, касающихся описаний природы района, что имеет существенное значение для решения неясных вопросов.

Вызвавшая дискуссию статья В. А. Кучкина еще раз привлекла внимание к нерешенным вопросам эпохи Куликовской битвы. Она подчеркнула важность изучения не только правобережья, но и левобережья Непрядвы.

Аналогичную роль сыграла и статья геохимика К. П. Флоренского «Где произошло Мамаево побоище?». Он совершенно верно указал на необходимость «резко увеличить изучение Куликова поля на местности» и наметил контуры программы исследования природы района битвы. На основе мелкомасштабной почвенной карты К. П. Флоренский в целом правильно отметил высокую залесенность левобережья Непрядвы и более открытый, безлесный характер ее правобережья.

Однако его последующий вывод несколько неожиданный: орды Мамаея пошли па сближение с русскими войсками не через степные, удобные для них пространства правобережья, а через лесные чащобы левого берега. Правда, К. П. Флоренский оговаривается, указывая на необходимость уточнения использованной им почвенной карты и на отсутствие у него данных о залесенности оврагов и балок⁹. Но ведь именно такие данные могут иметь решающее значение при оценке достоверности ландшафтных реконструкций этого автора. В частности, им оценивается ширина открытого поля, где могла совершиться битва, для левого берега в 8 километров, для правого — в 16 километров¹⁰. На основе этих и других соображений он считает, что Куликовское сражение происходило на левобережье Непрядвы.

Подобные ландшафтные построения и расчеты К. П. Флоренского не подтверждаются крупномасштабной (1 : 10000) почвенно-растительной картой. Ее составил почвовед А. Л. Александровский на основе изучения многочисленных почвенных разрезов района. На этой карте хорошо видны залесенные и степные участки, существовавшие в районе устья Непрядвы в эпоху Куликовской битвы.

Мы еще вернемся к этому важнейшему палеогеографическому документу, проливающему новый свет на многие события Куликовской битвы. Заметим только следующее. Крупному сражению на левом берегу по существу негде было развернуться, так как почти вся эта территория была лесной. Ширина степных участков не превышала здесь одного километра. Даже если учесть, что часть лесов была вырублена русскими земледельцами в XIII — XIV веках, трудно представить возможность возникновения здесь в это время грандиозного антропогенного поля. Тем более что никаких указаний на этот счет в письменных источниках не содержится. Они скорее свидетельствуют об обратном: битва происходила на Поле, не тронутым рукой человека.

Короче, у нас нет никаких серьезных оснований отказываться от высказанного более 150 лет назад мнения Степана Дмитриевича Нечаева, определившего место «решительного сражения» на правом берегу Непрядвы. Этот район в указанных ранее традиционных географических рамках мы и будем в дальнейшем называть Куликовым полем. Но вопрос о происхождении этого названия требует дополнительного разъяснения.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Великое значение разгрома Орды на Куликовом поле как переломного этапа истории молодой Руси было сразу понято и оценено современниками этого события и их ближайшими потомками. Ни одна битва средневековья не привлекала столь пристального внимания древнерусских летописцев. Об этом свидетельствует создание целого комплекса удивительных по своей красоте, возвышенности и эмоциональной напряженности древних письменных документов. Они объединены теперь под названием Куликовского цикла — выдающегося памятника истории и древней русской литературы.

Весть о победе распространилась по всей Руси. Ее принесли не слухи, а непосредственные участники битвы — оставшиеся в живых воины. Они вернулись домой в большинство русских княжеств, так как на усть Непрядве сражалась почти вся Северо-Восточная Русь, Создатели и хранители истории — летописцы запечатляли в своих письменах эти взволнованные рассказы о долгожданной первой крупной победе над Ордой.

Многие видные современные историки и специалисты по древней русской литературе — А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, Л. А. Дмитриев, А. Н. Кирпичников, В. И. Буганов и др. — приходят к важному заключению, что непосредственно после битвы появилось несколько посвященных этому событию письменных документов¹.

Некоторые из них должны были в первую очередь появиться по «свежим следам» в Москве — главном организационном и идеологическом центре противостояния Орде. Великий московский князь Дмитрий Иванович хорошо понимал и подчеркивал значение куликовской победы именно для будущего.

Эти ранние свидетельства о битве на усть Непрядве оказались безвозвратно утраченными. Постоянно терзаемая и опустошаемая внешними врагами, постоянно горевшая, деревянная Русь потеряла многие страницы своей летописной и литературной истории. Уже через два года после Куликовской битвы хан Тохтамыш обманом захватил и сжег Москву. В пламени пожара сгорели многие бесценные летописи, и среди них, вероятно, первые рассказы о Великом сражении. «Свещенническнй иноческый чин овех изсекоша, а других плениша, и церкви разграбиша, и книги множество отсюда снесено в осаду пожгоша...»² Погибло большинство московских летописцев (иноческый чин).

Это только один пример трагической истории нашего великого историко-литературного наследия. А сколько бесценных реликвий погибло только в Москве в Смутное время, при пожаре 1812 года. Многие княжества и земли Северо-Восточной Руси вообще не смогли сохранить своей древней летописной истории. Каким же должен был быть мощным пласт историко-литературного наследия средневековой России, если эти и другие драматические события не смогли стереть память о прошлом!

Ярким тому примером являются летописные и историко-литературные памятники Куликовского цикла. Ядро этого цикла образуют следующие произведения средневековой Руси: «Задонщина», Краткая и Пространная летописные повести, «Сказание о Мамаевом побоище». Все они целиком посвящены описанию Куликовской битвы. К ним примыкают: «Житие Сергия Радонежского», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и другие произведения, в которых этому событию уделяется большое внимание.

К величайшему сожалению, письменные источники, связанные с событиями 1380 года, дошли до нас преимущественно в значительно более поздних списках, чем время самих событий. Сейчас, таким образом, мы располагаем поздними списками действительно существовавших древних документов или их современными реконструкциями, осуществляемыми историками на основе анализа и сопоставления летописных и иных данных. Но это ни в коей мере не ставит под сомнение достоверность большинства исторических фактов, отраженных в памятниках Куликовского цикла, хотя потеря некоторых из них вполне вероятна.

Будем предельно точными при обосновании этого тезиса. Обратимся сначала к свидетельствам современных историков. «По общему мнению, источники, освещающие великую битву, основаны на многих достоверных фактах», — отвечает А. Н. Кирпичников³. Аналогична позиция Л. А. Дмитриева, считающего, что основные произведения Куликовского цикла покоятся на твердом фундаменте достоверных, а не вымышленных исторических фактов⁴.

Но полного единогласия в этом вопросе нет. Существует мнение, что «летописи, повести, предания, возникшие на протяжении XIV — XVI вв., не содержат описания хода Куликовской битвы; даже самое раннее из них — «Задонщина», ближайшее к битве, создано автором не на основе строгих свидетельств документов и очевидцев, а «по делу и по былинам», когда факты осмысляются поэтически»⁵. «Не во всем достоверные» — выражение, которым стали характеризовать некоторые историки отдельные памятники Куликовского цикла. Эти противоположные взгляды отражаются иногда без дискуссии на страницах одного сборника⁶.

Что делать в подобной ситуации географу, взявшемуся за описание эпохи Куликовской битвы? Какую позицию занять в этом основополагающем вопросе? Количественный критерий не может служить серьезным аргументом, иначе научные проблемы решались бы голосованием. И все же в данном случае надо присоединиться к большинству историков, доводы и фактология которых кажутся более убедительными. Поэтому я разделяю мнение, что «средневековая русская нежитийная литература, свободная в интерпретации подробностей, не знала, как считает современное литературоведение, вымышленных сюжетов»⁷.

В правильности выбранного пути меня в первую очередь убеждает... география эпохи битвы на усть Непрядве. Все природоведческие описания в произведениях Куликовского цикла отличаются удивительной достоверностью. Столь точные характеристики ландшафтов, климата, гидрологической сети района просто невозможно выдумать в «келейной тиши». Можно, конечно, возразить, указав, что эти сведения были получены позднее. Но когда? Ведь после битвы русское население покинуло Куликово поле, которое стало заселяться вновь лишь в XVII веке. Невозможно представить, что в XV — XVI веках кто-либо специально мог приезжать сюда для познания географии района и придания большей достоверности «былинному» рассказу о сражении.

Наиболее ранним произведением Куликовского цикла принято считать «Задонщину», или «Слово Софония». Отмечается сходство «Задонщины» с другим выдающимся историческим и литературным произведением Древней Руси — «Словом о полку Игореве»⁸. Этот короткий взволнованный рассказ о битве и победе на усть Непрядве приписывается Софоню Рязанцу, который, вероятно, был писателем-летописцем и современником событий на Куликовом поле. Рассказ эмоционален, красочен, но не всегда последователен: автор не придерживается строгой хронологии событий.

Создается впечатление, что Софоний как бы спешит выразить «жалость (т. е. любовь.— Н. Х.) и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу», братьям и друзьям, сыновьям земли Русской⁹. Возможно, это литературный прием, своеобразная форма рассказа. Но, скорее всего, автор просто не располагал еще достаточно полной информацией, он как бы торопился откликнуться на весть о столь значительном событии истории Русской земли.

Историки-литературоведы склоняются к выводу, что «Задонщина» была создана в 80-х годах XIV века¹⁰. Некоторые ученые сомневаются в столь древней датировке. Они отрицают авторство Софония на том основании, что это имя упомянуто в тексте «Задонщины» в третьем лице: «Аз же помяну рязанца Софония». Но, как наблюдательно заметил академик Б. А. Рыбаков, «если летописец говорит о ком-то в третьем лице... то, по всей вероятности, он говорит о себе, называя себя «он»»¹¹. В такой, можно сказать, вежливой форме утверждалось авторство в летописной литературе.

До нас дошло шесть списков «Задонщины», и самый древний из них — Кирилло-Белозерский. Он составлен монахом-летописцем одноименного монастыря Ефросином в 1480 году, ровно через сто лет после Куликовской битвы. Таким образом, столетний юбилей сражения был достойно отмечен в древней русской литературе. Список Ефросина, который впервые назвал этот литературный памятник «Задонщиной», содержит лишь первую половину «Слова Софония». Используя этот текст, а также другие, более поздние списки «Задонщины», ученые восстановили первоначальный вариант произведения¹².

Краткая летописная повесть — лаконичный, примерно на три страницы современного текста, рассказ. В нем нет эмоциональной приподнятости, столь характерной для «Задонщины». Зато здесь исключительно, стройно и последовательно изложены главные события Куликовской битвы. Повесть входила в летописный свод 1408 года, созданный по инициативе митрополита Киприана. Списком этого свода была пергаменная Троицкая летопись (конец второго десятилетия XV века), которая погибла в московском пожаре 1812 года.

Теперь текст Краткой повести реконструирован на основе сохранившихся выписок Троицкой летописи¹³. Рассказ восстановлен и путем использования летописного аналога этого произведения из так называемой Симеоновской летописи (список второй четверти XV века). Важное заключение историков: автор Краткой летописной повести, изложенной в Своде 1408 года, «воспользовался уже существовавшими в его время несколькими письменными источниками, посвященными Куликовской битве»¹⁴.

Пространная летописная повесть — более обширное произведение, примерно в пять раз превышающее объем Краткой повести, которая почти полностью в него вошла. В ней обнаруживаются новые важные подробности не только о самой битве, но и о предшествовавших ей и последующих событиях. Некоторые из них отмечаются только в данном тексте и оцениваются как «вполне достоверные»¹⁵. По структуре, последовательности изложения событий это столь же стройное произведение, как и Краткая летописная повесть.

Здесь много церковно-религиозной риторики. Постоянно подчеркивается мудрость бога, активно вмешивающегося в земные, в том числе военные, события. Роль помощи русскому войску «свыше» подчеркивается до такой степени, что их собственные

инициативы и действия как бы отступают на второй план. Но в целом общая картина эпохи Куликовской битвы представлена довольно ярко и выразительно.

Пространная повесть известна в Софийской I и Новгородской IV летописях (списки 70-х годов XV века) и восходит к своду 1423 года. Некоторые ученые относят возникновение повести к еще более раннему времени: она могла появиться «через год-два после славной победы»¹⁶.

«Сказание о Мамаевом побоище» — главный, наиболее крупный памятник Куликовского цикла. Оно дошло до нас в большом количестве списков. Самый древний из них относится к началу XVI века. Наиболее близким к первоначальному и несохранившемуся оригиналу произведения современные историки считают так называемую Основную редакцию «Сказания». Затем следуют Летописная (входящая в Вологодско-Пермскую летопись), Киприановская (Никоновская летопись) и Распространенная редакции.

«Сказание» — наиболее полный рассказ, охватывающий в целом эпоху Куликовской битвы: от начала подготовки Мамаем нашествия до его разгрома и появления на горизонте Руси новой угрозы — хана Тохтамыша. Подробно описываются военно-политическая обстановка накануне сражения, мобилизация русского войска, путь его движения к Куликову полю.

Наиболее яркие страницы «Сказания» посвящены захватывающему рассказу о самой битве, в котором события разворачиваются с точностью до одного часа. Только здесь упоминаются имена и действия многих участников сражения. Из этого произведения мы узнаем много новых фактов, складывающихся в единую многокрасочную картину. Блестяще владея жанром исторического повествования, автор переходит от описания деталей к их обобщению, широко использует прямую речь действующих лиц, цитирует тексты посланий и т. д. Церковно-религиозная риторика занимает обширное место в «Сказании». Особенно ее много в Киприановской редакции, все время подчеркивающей активное участие митрополита Киприана в событиях эпохи Куликовской битвы, что, как считают историки, не соответствовало действительности. Именно это постоянное, часто назойливое церковное витийство вызвало протест В. Г. Белинского. Он считал, что в «Сказании» «нет ни тени, ни признака поэзии: это скорее памятник даже не красноречия, а простодушной риторики того времени, которой вся хитрость состояла в беспрестанных применениях к Библии и выписок текстов из нее»¹⁷.

Однако за религиозными наслоениями нельзя не видеть главный план «Сказания», ярко и образно повествующего о великом событии нашей истории. Церковная риторика не имеет здесь определяющего значения: она не способна затушевать роль активных, решительных действий самих героев сражения. Кроме того, ее характер меняется: автор все чаще обращается к религиозным и историческим личностям Древней Руси — митрополиту Петру, Борису и Глебу, Ярославу Мудрому, Александру Невскому и другим своим соотечественникам. Он постоянно подчеркивает национальный характер победы на Куликовом поле. Большинство историков и литературоведов справедливо рассматривают «Сказание о Мамаевом побоище» как одно из наиболее интересных и значительных историко-литературных памятников Древней Руси.

Диапазон датировки этого произведения очень велик: от 90-х годов XIV века до начала XVI века. Наличие в «Сказании» многих новых фактических подробностей свидетельствует, как считают некоторые ученые, о его создании вскоре после событий 1380 года. Знаток памятников Куликовского цикла А. А. Шахматов полагал, что в основу «Сказания» положен не дошедший до нас текст «Слова о Мамаевом побоище», созданного не позднее конца XIV века¹⁸. В это время еще были живы многие участники сражения.

историк-литературовед Л. А. Дмитриев считает: «...есть основания утверждать, что в большинстве подробностей и деталей «Сказания» исторического характера, не имеющих соответствий в Пространной летописи, перед нами не вымыслы, а отражение фактов, не

зафиксированных в других источниках»¹⁹. Нельзя впадать в заблуждение и понимать само слово «сказание» как вымышленную сказку, былинку или легенду. Великий собиратель и ценитель русского слова Владимир Иванович Даль ясно сказал, что это слово может означать «вполне достоверный рассказ, повесть, предание»²⁰.

Однако некоторые ученые ставят под сомнение реальность многих событий и лиц, упомянутых в «Сказании о Мамаевом побоище». Это якобы касается рассказов о встречах князя Дмитрия Ивановича с игуменом Сергием Радонежским, о гадании перед битвой, о поединке Пересвета с могучим татаринном, о действиях засадного полка и т. д. Отнеся время возникновения «Сказания» к началу XVI века, они говорят о возможности «искажения и даже придумывания фактов» в этом произведении²¹.

Такой подход, на мой взгляд, умаляет роль этого выдающегося памятника древней русской литературы как исторического документа.

Мы находим, например, все больше подтверждений истинности и исторической значимости Скифского рассказа Геродота. Его указание на скифов-пахарей (склотов) легло, в частности, в основу крупного научного открытия — определения ареала праславянского населения на правом берегу Днепра²². Вызывавшие дискуссии и недоверие некоторые свидетельства античных авторов — Страбона, Арриана и других — о географии Причерноморья оказались вполне достоверными при внимательном их изучении. Разночтения в оценке местоположения многих приморских городов, рек, лиманов вполне логично объясняются теперь благодаря учету колебаний уровня Черного моря в прошлом²³.

Еще один, более близкий пример. Известно, сколь бурная полемика велась вокруг такого выдающегося литературно-исторического памятника Древней Руси, как «Слово о полку Игореве». Много раз оно объявлялось некоторыми досужими исследователями подделкой или чисто художественным, иносказательным, «былинным» произведением, не отражающим реальные исторические факты прошлого.

Теперь, в свете отмеченного недавно всенародно тысячелетнего юбилея «Слова о полку Игореве», ясно видна вся тщетность попыток принизить значимость этого великого памятника. Очищенный от домыслов, он предстает перед нами во всем величии своей литературно-исторической истинности.

Почему же, все более доверяя свидетельствам Геродота, Птолемея и других великих историков, географов и писателей античного времени, мы ставим под сомнение важнейшие отечественные свидетельства прошлого? Автор «Сказания» дает характеристики многим конкретным участникам битвы. Это яркие, живые образы, каждый из которых имеет свое неповторимое лицо: стремительный, вездесущий дозорный Семен Мелик; мудрый многоопытный воевода Владимир Боброк; удалой, бесстрашный князь Владимир Андреевич и многие другие. Ярко дан образ Великого князя Дмитрия Ивановича. Он тверд в решениях, храбро сражается плечом к плечу с воинами, глубоко скорбит о гибели товарищей. Последнее, конечно, не очень вяжется с представлением о твердокаменном полководце. Но в том и состоит прелесть донесенных до нас образов, что живую реальность их ощутит всякий, кто непредвзято вчитается в страницы древних текстов.

Высказываемые в общей форме сомнения в достоверности многих частей «Сказания» сужают сферу исследования всей эпохи Куликовской битвы. В этих условиях дискуссия может зайти в тупик. Не исключена возможность, что некоторые ее участники станут объявлять истинными только те разделы произведения, которые подкрепляют их индивидуальные позиции, а прочие — отбрасывать как поздние и недостоверные вставки. Я не стал бы говорить об этом, если бы подобные тенденции уже не проявились.

«Сказание о Мамаевом побоище» пользовалось огромной популярностью в средневековой Руси, неоднократно переписывалось и распространялось в многочисленных вариантах и редакциях вплоть до XIX века. В конце XVII века оно было включено в «Синописис» — первую печатную краткую историю Древней Руси.

Кроме рассмотренных произведений особое внимание привлекают материалы по эпохе Куликовской битвы, приведенные первым собирателем древнерусских текстов В. Н. Татищевым в пятом томе его «Истории Российской»²⁴. Здесь мы находим новые важные свидетельства, отсутствующие в других письменных источниках. По общему мнению, В. Н. Татищев располагал дополнительными летописными материалами, не сохранившимися до наших дней. Он обладал уникальным архивом летописей, многие из которых сгорели в его имении в XVIII веке, в их числе ценнейшие Раскольничья и Галицынская.

Материалы В. Н. Татищева о Куликовской битве даже не включаются в число основных памятников Куликовского цикла и почти не используются исследователями. Причина — точно не известны использованные В. Н. Татищевым источники, поэтому тексту нельзя полностью доверять. И все же его свидетельства, построенные на фактическом, не вымышленном летописном материале, заслуживают пристального внимания и изучения. Они хорошо согласуются с другими произведениями Куликовского цикла и получают подтверждение даже в среднеазиатских письменных памятниках средневековья²⁵.

Главный вывод из этого обзора первоисточников таков: сразу же после Куликовской битвы возникло несколько письменных памятников в честь этого великого события. Церковно-религиозная пелена, покрывающая письменные памятники Куликовского цикла, не может заслонить их значения как важнейших исторических документов. Их авторы располагали не только повсеместно распространенными слухами, но и собственной информацией, полученной от непосредственных участников битвы. Абсолютное большинство фактов, приведенных в ранних и основанных на них более поздних произведениях, отвечает реальным событиям прошлого.

Тем более это относится к природно-географическим и иным «нейтральным» сообщениям. Ведь возможным последующим редакторам исходного текста было абсолютно безразлично: откуда светило солнце, куда дул ветер, где находилась Непрядва, в котором часу началась битва и т. д. Конечно, нельзя полностью исключить возможность более поздних правок и вставок, преувеличения или преуменьшения роли отдельных личностей, ошибок при переписке текстов. Но все это не затронуло корней и ствола прекрасного литературно-исторического древа средневековой Руси — Куликовского цикла.

В дальнейшем рассказе мы используем древнерусские тексты (и их переводы) перечисленных основных произведений. Эти документы (с комментариями специалистов) собраны в книге «Сказания и повести о Куликовской битве». Привлекаются также упомянутые материалы В. Н. Татищева.

НОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Первое и по существу единственное историко-археологическое описание района Куликова поля дал в конце прошлого века Н. И. Троицкий¹. Его внимание в первую очередь привлекли берега Непрядвы. Именно здесь, а не на водоразделах, он искал и находил следы далекого прошлого. Во время полевых исследований в 1884. 1886 и в 1887 годах Н. И. Троицкий собрал интересные сведения о геологии, рельефе и археологии района. Это позволило ему восстановить некоторые черты древней истории и природы края. Сделанные им около ста лет назад выводы сохраняют определенный интерес до наших дней.

В первобытное время вся неширокая долина Непрядвы была покрыта водой, и русло этой реки было гораздо шире, чем теперь. Возвышенные берега Непрядвы были в ту пору покрыты лесами. От них, по свидетельству Н. И. Троицкого, в конце XIX века сохранились лишь жалкие остатки. В береговых откосах он обнаружил пласты валунной глины, принесенной древними ледниками. В отложениях ледникового времени были найдены зубы мамонта — у села Монастырщина, расположенного на правом берегу Непрядвы.

Ниже часто встречаются выходы известняка, под которыми иногда залегают каменноугольные слои.

Археологические находки позволили Н. И. Троицкому предположить, что на лесистых берегах Непрядвы первобытный человек поселился очень рано. Следы доисторической культуры — каменные орудия — довольно часто обнаруживаются в этой местности. В верховьях Непрядвы, например, им было найдено шесть каменных наконечников стрел, которые он отнес к неолитическому времени. Теперь его вывод подтверждается находками целого комплекса неолитических стоянок в районе Непрядвы.

После неолита, как считал Н. И. Троицкий, в долине Непрядвы жили угро-финские племена, от которых и пошло название Непрядва. Эти племена поклонялись «священным» камням. Такие камни еще существовали в конце XIX века в верховьях Непрядвы, а также на Красном холме. С ними местные жители связывали предания о Кудеяре, Мамае и т. д.

Позднее на берегах Непрядвы появилось славянское племя вятичей, расселившееся в верховьях Зуши и Оки на западе и до среднего течения Оки на севере. В центре области, занятой вятичами, располагался уже известный летописцу град Дедославль (позднее — город Дедилов, а затем село Дедилово Богородицкого уезда) на реке Шивороне, притоке Упы.

Местом игрищ вятичей была «Веселая горка» — пологий холм на левом берегу лощины «Платошина», расположенный между непрядвинскими селами Непрядивом и Ростовом. Этими краткими сведениями ограничивались знания в конце XIX века о древней природе и истории заселения района Непрядвы.

Современные исследования нашей объединенной группы археологов и географов велись на профессиональном уровне. Какими же методами мы узнавали о прошлом Куликова поля? В первую очередь геоморфологами М. П. Гласко и Л. Н. Былинской было проведено изучение геологии и рельефа района². По их наблюдениям, Куликово поле относится к северной части Среднерусской возвышенности, геологическую основу которой образует так называемый Воронежский выступ фундамента. Здесь близко к поверхности залегают известняки девона и карбона, перекрытые маломощным слоем мезозойских и четвертичных (ледниковых) отложений.

До позднего мела в районе Куликова поля плескались волны морского бассейна. К началу ледникового периода (около одного миллиона лет назад) в результате врезания рек в осушенную морскую равнину сформировался равнинно-эрозионный рельеф. Днепровский ледник (около 300 тысяч лет назад), истощив свою энергию, не оставил здесь выразительных ледниковых форм рельефа.

Таким образом, рельеф района имеет очень древний возраст. В настоящее время это холмисто-увалистая равнина с максимальными высотами до 230 метров над уровнем моря. С запада, севера и востока Куликово поле окаймляется широкими долинами Непрядвы и Дона. Равнина расчленена балками, среди которых наиболее крупные — Дубик, Смолка, Рыхотка и Курца. Склоны их, как правило, длинные и пологие. Смыкаясь, они образуют плосковыпуклые, сглаженные формы водораздельных пространств.

Изучение этих и других балок Куликова поля показало, что за последние тысячелетия форма их почти не изменилась и здесь не было активно действовавших постоянных водотоков.

Таким образом, рельеф Поля во время битвы был примерно таким же, как и теперь. Бытующее представление, что Куликово поле раньше было пересечено глубокими реками и изрезано болотами, не подтверждается ни геологическими, ни геоморфологическими данными.

Не обнаруживаются и следы сильной заболоченности района, в частности топяного болота по берегу Смолки, в котором якобы мог утонуть всадник с лошастью. Упоминание в летописях о существовании на подходах к Куликову полю «гатей» не обязательно надо рассматривать как указание на непроходимые болота, так как, по Владимиру Далю, они сооружались не только на торфяниках.

Не менее важное значение имели почвенные исследования в районе Непрядвы. Почвы, по знаменитому выражению В. В. Докучаева, есть зеркало ландшафта и климата. Они хранят важную информацию по истории растительности, климата, гидрологического режима прошлого. Установлено, что все почвы в большей или меньшей степени обладают «памятью» о растительности, под которой они образовались в прошлом. Она наиболее устойчива, консервативна у так называемых тяжелых почв, сформировавшихся на глинах и суглинках. У легких, песчаных почв память недолговечна: она не исчезает полностью, но стирается до такой степени, что современными методами часто не улавливается.

Почвенный покров Куликова поля обладает сравнительно хорошей «памятью», так как здесь в основном распространены суглинистые почвы. Благодаря этому почвоведом удалось восстановить характер былой естественной растительности района, несмотря на то что в настоящее время она почти полностью уничтожена человеком.

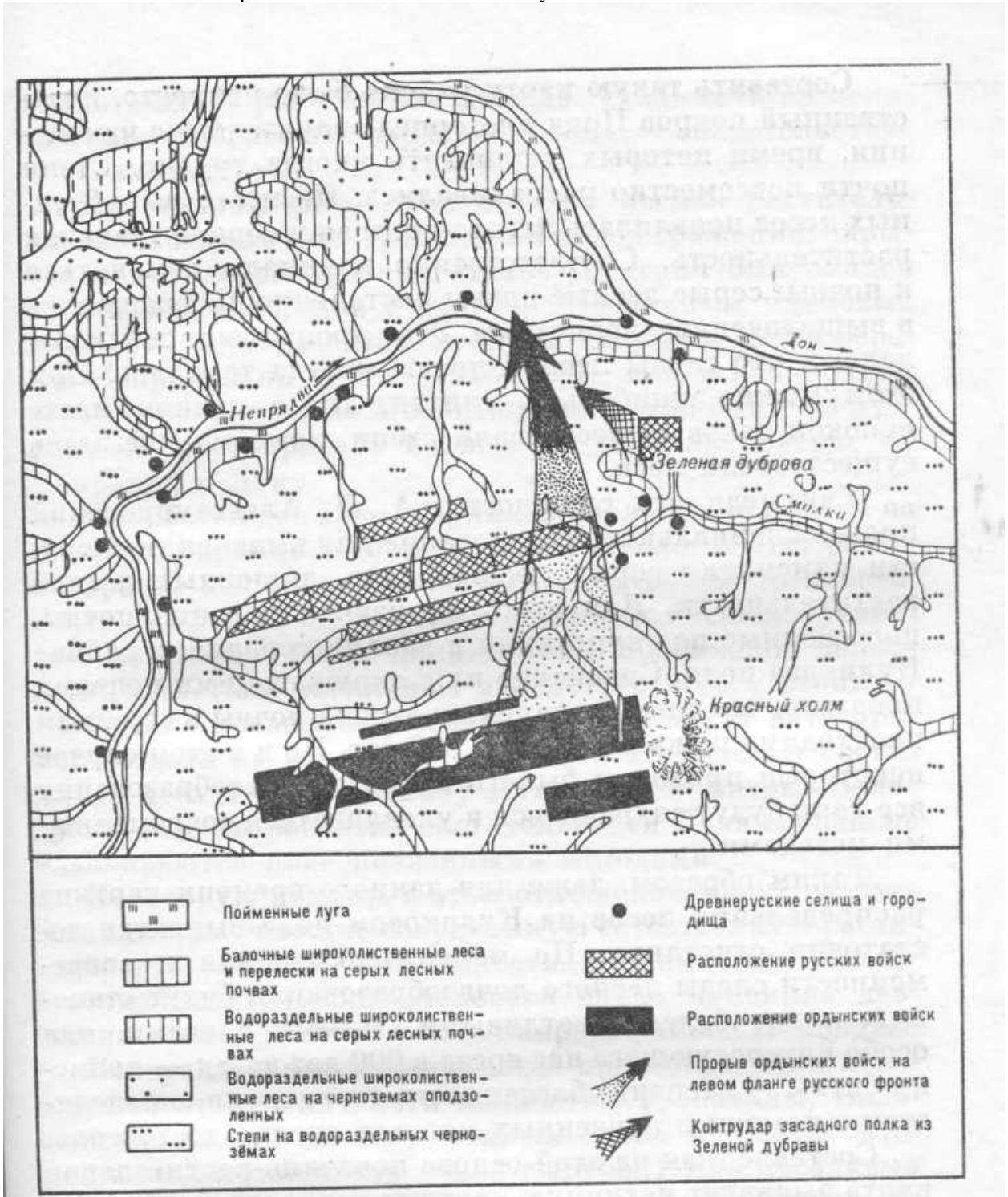

Схема растительности, почв, древнерусских поселений XIII—XIV вв. и
расположение войск на Куликовом поле

Выявлены два основных типа почв района: серые лесные, образовавшиеся под дубравами, и черноземы — под степями. Распределение этих почв в пространстве было детально изучено А. Л. Александровским по многочисленным почвенным профилям. Он составил первую подробную почвенную карту правобережья и левобережья Непрядвы. Она достаточно точно отражает характер распределения лесов и степей до времени их коренного изменения человеком в XVII — XVIII веках.

Составить такую карту района было непросто. Естественный покров Поля претерпел значительные изменения, время которых установить иногда трудно. Степи почти повсеместно распахивались. На месте вырубленных лесов появлялась лугово-степная и сорная травяная растительность. Соответственно начинали изменяться и почвы: серые лесные почвы постепенно превращались в выщелоченные черноземы. Этот процесс мог зайти так далеко, что следы лесной почвы иногда терялись. При этом можно ошибиться, считая, что в данном месте испокон веков существовали степи, хотя раньше здесь существовали леса.

Учитывая эти сложности, А. Л. Александровский провел специальное исследование для выяснения скорости изменения серых лесных почв, лишенных лесной растительности. Для этого он изучал древние почвы, погребенные под курганами и валами городищ в районе Куликова поля. Сравнение их с окружающими почвами показало, что для превращения лесной почвы в чернозем необходимо по крайней мере 800 лет. Но и в этом случае некоторые признаки бывшего лесного почвообразования все-таки будут сохраняться и улавливаться современными методами.

Таким образом, даже для данного времени картина распределения лесов на Куликовом поле выявится достаточно отчетливо. По мере приближения к современности следы лесного почвообразования будут становиться все более отчетливыми. Иными словами, для особо интересующего нас срез в 600 лет назад — времени битвы — степень облесенности территории определяется с помощью почвенных методов вполне достоверно.

Составленная на этой основе почвенно-растительная карта выявляет истинную картину распространения лесов и степей в районе Непрядвы в эпоху Куликовской битвы. Она существенно приблизила нас к решению таких важных проблем, как определение места сражения и характера расположения и движения полков во время битвы. С ее помощью можно наметить заповедные участки для восстановления первозданной растительности Поля,

Исследование почв показало, что Куликовская битва происходила в лесостепном районе, где степь преобладала. Такой вывод хорошо согласуется с древними письменными свидетельствами. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает: «...было то поле чистое и великое очень». Здесь рос степной ковыль. «...Лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом», — свидетельствует «Задонщина».

На степном фоне существовала лесная растительность. Засадный полк, решивший исход сражения, скрывался в Зеленой дубраве. Князь Дмитрий был найден раненым под березой в дубраве. По данным писцовых книг XVI — XVII веков, дубравы тянулись вдоль берегов Непрядвы на многие километры. Еще в начале XIX века старожилы села Монастырщина помнили, что дубрава их простиралась прежде на несколько верст по Непрядве и Дону.

И в настоящее время Куликово поле расположено на северной окраине лесостепи. Для археологов этот район интересен как зона постоянных, с глубокой древности, контактов южных степных и северных лесных племен, для географов — как динамически подвижная полоса взаимодействия различных экосистем: леса и степи.

Однако почвенные исследования не могут дать прямого ответа на вопрос, какой точно характер и состав имели леса и степи в эпоху Куликовской битвы. Более древние этапы развития растительности Поля вообще не улавливаются пока почвенными методами.

Некоторую помощь в этом отношении могут оказать ботаники, изучающие современную естественную растительность. Но их возможности ограничены. Хозяйственная деятельность человека давно изменила девственное лицо растительного покрова района Непрядвы. Водораздельные пространства правобережья и левобережья этой реки почти полностью распаханы. Большинство немногих современных лесов являются вторичными (возникшими после вырубок) или посадками последнего столетия. Небольшие фрагменты былых обширных степей сохранились кое-где лишь по склонам балок и долин. Но и там они в значительной мере утратили свой естественный облик в связи с повсеместным распространением сорной растительности.

И все же ботаники пытались восстановить древнюю историю степей Куликова поля на основе их сопоставления с участками сохранившихся целинных степей в Центральночерноземном заповеднике³. Но эти реконструкции не опирались на фактические данные о характере и времени изменения растительности в прошлом.

Прочесть страницы древней истории растительности помогла палеоботаника; во многих геологических отложениях до наших дней сохранились ее древние следы — остатки древесины, семена, плоды, отпечатки листьев. Но наиболее полная информация о былой растительности запечатлена в «пыльцевой летописи», где «буквами» является микроскопическая пыльца. Мириады мельчайшей пыльцы распыляют цветущие растения. Достаточно сказать, что лишь одно соцветие сосны дает за лето миллионы пыльцевых зерен.

Пыльца различных видов подхватывается воздушными потоками, перемешивается и оседает на землю, где она сохраняется в течение многих тысячелетий. При этом образуются сочетания, или спектры, пыльцы, отражающие характер растительности обширных территорий. Это удивительное свойство пыльцевых спектров академик В. Н. Сукачев, основоположник пыльцевого метода в СССР, назвал «великим даром природы». Оно позволяет ученому, не выходя из лаборатории, установить под микроскопом характер растительности того района, откуда был получен образец почвы.

Конечно, при этом учитываются различия в дальности разноса пыльцы различных растений. У сосны, например, пылевые зерна разносятся по воздуху на многие сотни километров, а у дуба — всего на несколько километров. Эти и другие особенности пыльцевого анализа изучает и учитывает специальная научная дисциплина — палинология, бурно развивающаяся в настоящее время. Усилиями большого коллектива советских палинологов были составлены карты древней растительности территории СССР в голоцене * (* Голоцен — самый молодой этап развития Земли, охватывающий последние десять тысяч лет.).

Изучая находки древней пыльцы, исследователи могут не только читать летопись древней растительности, но и восстанавливать климатические, почвенные, гидрологические и другие условия прошлого, поскольку растения всегда чутко реагируют на изменения природной среды.

В последнее время палинология получила новый импульс для своего развития. Совершенствование пыльцевого метода позволило с его помощью выявлять «обратную связь» — определять степень антропогенного изменения естественных ландшафтов в течение последних тысячелетий. Удастся, в частности, выявлять пыльцу сорной растительности, указывающую на различные стороны хозяйственной деятельности человека. По этим находкам можно установить, чем питался, что выращивал человек в прошлом, каков был уровень его агрокультуры.

Обнаруживаются следы пожаров, рубок леса, нарушения почвенного покрова при интенсивном выпасе скота. Появилась возможность определять древнюю пыльцу

культурных злаков; это позволяет уточнять и дополнять исторические — часто фрагментарные — сведения о ранних этапах развития земледелия в различных районах нашей страны. Применение пыльцевого анализа на Куликовом поле имело решающее значение для восстановления истории его древних ландшафтов и их антропогенного изменения в течение голоцена.

Пыльца большинства растений сохраняется в земле в течение многих десятков и даже сотен тысячелетий. Она хорошо сохраняет свою индивидуальную форму, по которой специалисты могут определить семейство, род, а иногда и вид древнего растения. Особенно много древней пыльцы встречается в отложениях органического происхождения — торфах, озерных илах и т. д. Постоянно нарастая, такие осадки образуют непрерывную, ежегодную летопись истории растительности.

Таких «идеальных» осадков мы первоначально не обнаружили на территории Куликова поля. Обширные заболоченные пространства простираются далеко к востоку и северо-востоку от нашего района, на левом берегу верховьев Дона. Проводить пыльцевой анализ в тех краях не имело смысла, так как оттуда трудно уловить все характерные черты истории растительности Куликова поля. Пыльца некоторых древесных пород, например дуба, липы, вяза, разносится по воздуху всего на несколько километров. Недалеко летит пыльца и многих травянистых растений. Поэтому для изучения древней пыльцы необходимо было найти геологические разрезы, расположенные в непосредственной близости от Куликова поля.

И тут на выручку пришла Непрядва! Ее пойма (мощностью в пять-шесть метров) являлась интересным объектом для поисков древней пыльцы. Уже первые анализы показали: пыльца здесь есть! В дальнейшем ее удалось обнаружить по всему вертикальному разрезу поймы в районе села Монастырщина. Это позволило проследить историю развития растительности района за последние шесть тысяч лет. Именно такая археологическая и радиоуглеродная датировка была получена в основании поймы Непрядвы.

Но пыльцевая летопись поймы Непрядвы оказалась неполной: отдельные ее страницы как бы истлели, а некоторые вообще отсутствовали. Эти «перерывы» связаны с тем, что иногда в прошлом река сильно мелела. Весной вода уже не заливала пойму, и здесь прекращалось накопление осадков с пылью соответствующего времени. Поскольку эти спады уровня вод охватывали всю гидросеть района, надежд, на нахождение более полного, непрерывного разреза пойменных осадков не оставалось.

Надо было попытаться найти в районе Непрядвы хотя бы небольшие болотца, рост которых не прекращается даже при сильном пересыхании. Несколько обследованных нами заболоченных участков оказались малоинтересными: торфяные слои здесь были тонкие и охватывали малый интервал времени. Наконец было обнаружено два небольших торфяника. Один из них находился в верховьях долины небольшой речки Сури, на левобережье Непрядвы, другой — на правобережной части поймы Непрядвы, напротив села Большая Березовка.

Оба болота, к сожалению, утратили свой естественный облик: местное население давно добывало здесь торф. Болота пересохли, их поверхность изрезана глубокими ямами, а верхние торфяные слои сняты во время торфодобычи и частично выгорели. И все же сохранилась надежда найти более или менее ненарушенный участок торфяной залежи.

Особый интерес вызывал торфяник у села Большая Березовка, так как он находился в непосредственной близости от северной окраины Куликова поля. Это небольшое болото (около трех с половиной гектаров) возникло на месте древней старицы Непрядвы. Когда-то оно было осушено и теперь поросло березой, ивой и другими кустарниками. Кое-где встречаются заросли камыша, тростника и таволги. Старые ямы торфодобычи поросли осокой.

Надежд найти совершенно не тронутое рукой человека место на болоте не было. Но опыт подсказывал, что в перемычках между ямами могут сохраняться участки с естественным напластованием торфа. После долгих поисков такой участок был найден.

Здесь под метровым слоем торфа залежали озерные органогенные осадки — сапропеля. Возраст вскрытых озерно-болотных отложений был определен радиоуглеродным методом в шесть тысяч лет. Самые верхние слои торфяной залежи, относящиеся ко времени после Куликовской битвы (т. е. моложе 600 лет), оказались почти уничтоженными. И все же временной интервал в 600 — 6000 лет был представлен достаточно полно, так как накопление осадков здесь не прекращалось. Пыльцевой анализ этих отложений позволил восполнить пойменную летопись Непрядвы и выявить историю растительного покрова района за последние шесть тысяч лет.

Исследование любого процесса истории природы и человека основывается на точном знании времени событий прошлого. Иногда это время хорошо определяется по археологическим находкам. Но они не всегда встречаются там, где это необходимо. Кроме того, по мере движения в глубь веков археологические часы становятся все менее точными, так как возраст древних культурных слоев не всегда определяется достаточно надежно. В этих условиях неоценимую помощь оказывает радиоуглеродный метод датирования, позволяющий с высокой надежностью определить возраст органического материала в диапазоне последних 40—50 тысяч лет.

Радиоуглерод — изотоп углерода ^{14}C — образуется в атмосфере под действием космических лучей и накапливается растениями, животными и другими организмами в период жизни. После их отмирания начинается процесс распада изотопа. Скорость этого распада хорошо известна ученым. Это позволяет, сравнивая содержание радиоуглерода в мертвом и живом объекте, устанавливать его возраст.

Точность радиоуглеродного датирования довольно высока: ошибка обычно не превышает трех процентов полученного результата. Например, для одной тысячи лет назад она может составлять плюс-минус 30 лет, для пяти тысяч лет — 150 лет, для десяти тысяч — плюс-минус 300 лет. С помощью различных методов можно добиться еще более точных результатов датирования. Не всегда радиоуглеродные часы работают с абсолютной точностью. Они иногда могут запаздывать или, напротив, забегать вперед. Ученые исследуют причины подобных отклонений и учитывают их в своих хронологических построениях.

Конечно, с летописными датами, фиксирующими события прошлого с точностью до года, радиоуглеродный метод соперничать не может. Но летописные данные относятся к сравнительно короткому периоду нашей истории. Кроме того, огромные территории вообще не охвачены древними письменными свидетельствами. В этих условиях метод ^{14}C оказывает существенную помощь в уточнении хронологии истории природы и общества. Примером может служить опыт использования радиоуглеродных дат при палеогеографических исследованиях в районе Куликова поля.

Особо важное значение имели проведенные здесь в последние годы под руководством М. И. Гоняного археологические раскопки. Концентрируясь в основном в долине Непрядвы и Дона, они выявили поистине огромный комплекс селищ и городищ XIII — XIV веков, неизвестных по письменным источникам. Мы еще вернемся к обсуждению результатов археологических исследований, вносящих новые черты в историю заселения южных окраин Северо-Восточной Руси и в историю эпохи Куликовской битвы.

ЛЕТОПИСЬ НЕПРЯДВЫ

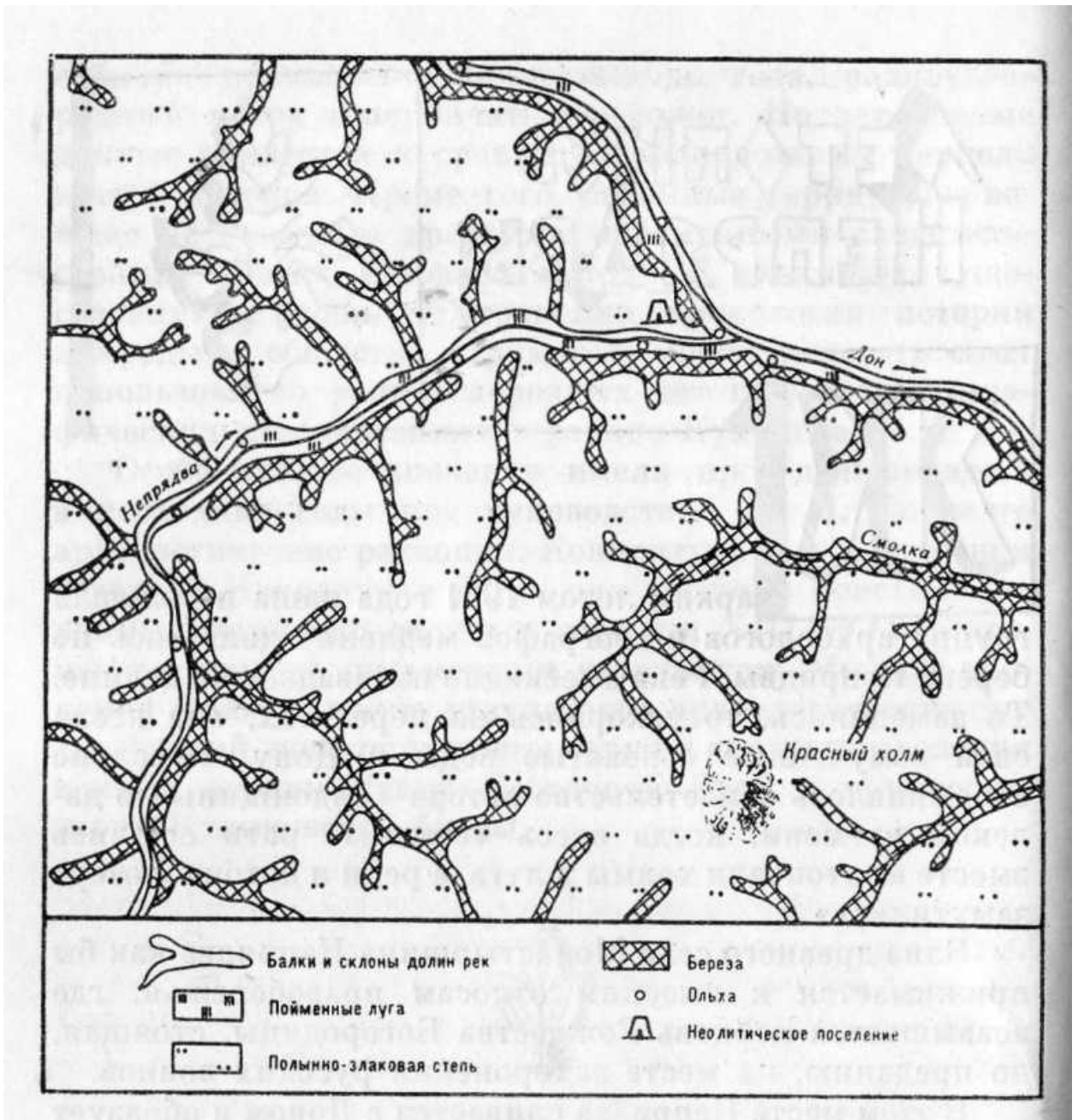
Жарким летом 1981 года наша небольшая группа археологов и географов медленно двигалась по берегу Непрядвы. Река змеевидно извивалась по долине. То замедляясь, то ускоряясь на перекатах, она несла свои взмученные сероватые воды к Дону. Невольно

вспоминалось свидетельство автора «Задонщины» о далеком времени, когда здесь «сильные рати сошлись вместе и затоптали холмы и луга, а реки и потоки и озера замутились»¹.

Близ древнего села Монастырщина Непрядва как бы прижимается к высоким откосам правобережья, где возвышается церковь Рождества Богородицы, стоящая, по преданию, на месте захоронения русских воинов.

В этом месте Непрядва сливается с Доном и образует широкую асимметричную долину: правый ее берег крутой с выходами известняков девона, левый — пологий с комплексом речных террас. Пойма на левом берегу достигает ширины 300 метров. Отвесным, пяти-, шестиметровым уступом она возвышается над уровнем вод в Непрядве. Изучение вертикальной стенки поймы геоморфологами и почвоведомы показало, что она сложена буровато-серыми суглинками, подстилаемыми ожелезненными глинами. В средней части разреза поймы ясно выделялась темная полоса гумусированных суглинков, которая оказалась мощной луговой погребенной почвой. Во время ее образования пойма Непрядвы почти не перекрывалась паводками и уровень вод в этих реках был ниже современного.

Наиболее древние археологические находки были обнаружены в самых низах пойменных отложений. Здесь найдены фрагменты гребенчато-накольчатой керамики, относящейся к древнейшим неолитическим культурам Русской равнины². Радиоуглеродный возраст слоя с этой керамикой оказался равным 6340 ± 90 лет, что соответствует началу неолитической революции в центре Русской равнины.

Ландшафтная карта Куликова поля в эпоху неолита (3—4-е тысячелетие до н. э.)

Несколько выше стала встречаться иная, в основном ямочно-гребенчатая керамика, характерная для огромного ареала неолитических культур, распространившихся в конце 4-го — начале 3-го тысячелетия до нашей эры на значительной части лесной зоны Русской равнины. Соответствующая этой керамике неолитическая стоянка находилась на берегу древнего (исчезнувшего позднее) старичного озера.

В таких же условиях располагались и другие появившиеся в это время неолитические поселения в районе долины Непрядвы. Эти поселения имели сезонный характер, так как уровень вод в Непрядве и Доне был выше современного, и пойма на длительное время заливалась паводковыми водами. Хозяйство неолитических племен района имело присваивающий характер и было основано в первую очередь на рыболовстве, а также на охоте и собирательстве. В культурных слоях были обнаружены многочисленные кости рыб и диких животных: лося, кабана, бобра, выдры.

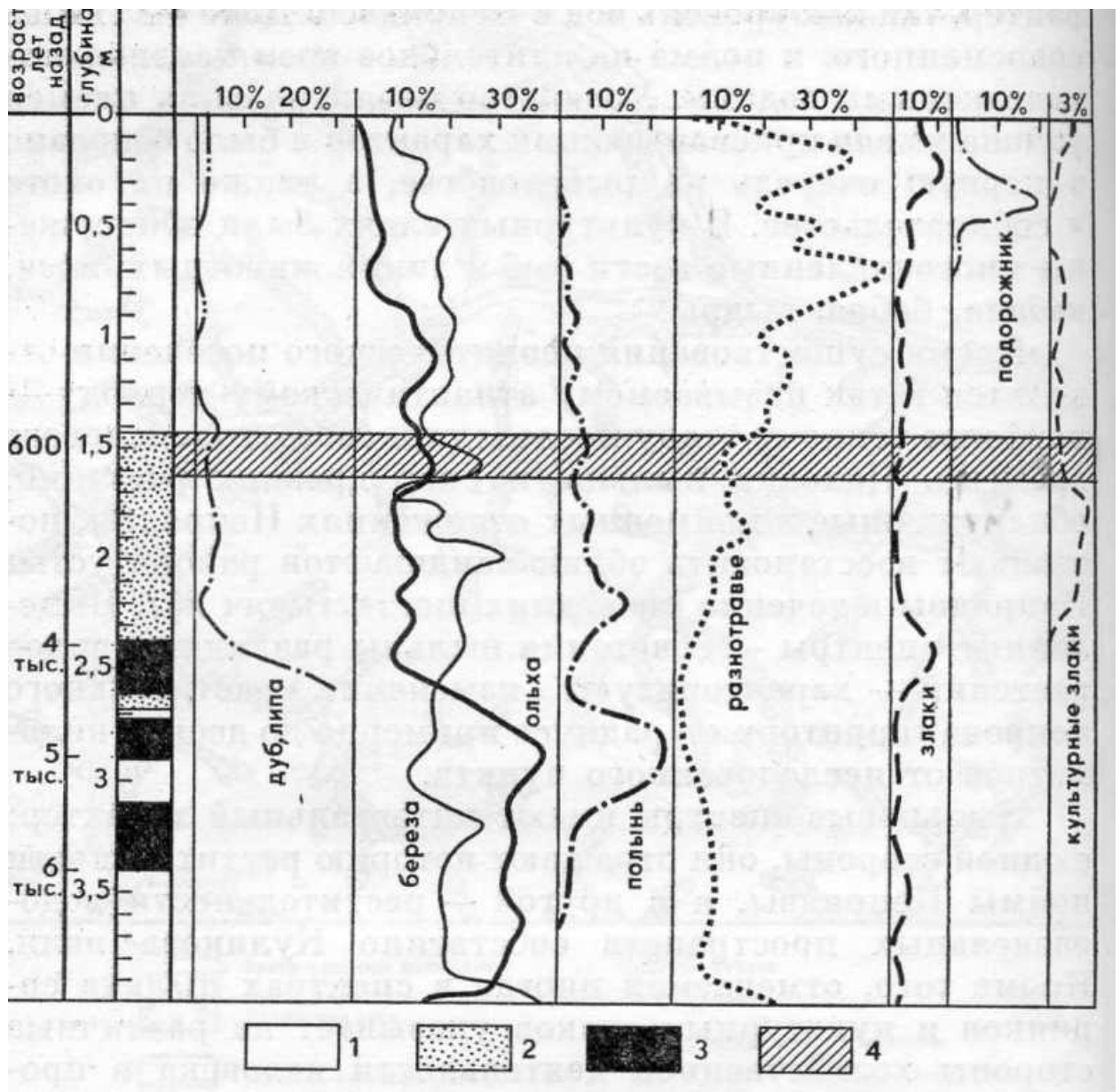
Время существования неолитического поселения относится к так называемому атлантическому периоду — наиболее теплому этапу послеледникового, голоценового времени. Находки пыльцы и спор древних растений, обнаруженные в пойменных

отложениях Непрядвы, позволяют восстановить облик ландшафтов района устья Непрядвы в течение последних шести тысяч лет. Выделенные спектры — сочетания пыльцы различных видов растений — характеризуют изменение растительного покрова территории в радиусе примерно до десяти километров от исследованного пункта.

Пыльцевые спектры имеют интегральный характер: с одной стороны, они отражают историю растительности поймы Непрядвы, а с другой — растительности водораздельных пространств собственно Куликова поля. Кроме того, отмечаемая иногда в спектрах пыльца сорняков и культурных злаков указывает на различные стороны хозяйственной деятельности человека в прошлом.

С учетом этих соображений историю растительного покрова района можно реконструировать следующим образом. В эпоху неолита на Куликовом поле господствовали в основном сухие степи с большим участием полыней, характерных в настоящее время для более южных районов. Среди лугового разнотравья встречались гвоздики, лютики, шалфей, тысячеголовник, лапчатка, клубника, различные виды кипрея и клевера, щавель кислый и другие растения, которые в период цветения создавали пеструю гамму красок. На этом фоне кое-где колыхались от ветра седые перья ковылей, уже существовавших на Поло около шести тысяч лет назад.

Леса были представлены небольшими березовыми колками, подобными тем, которые теперь сохранились только в лесостепи Западной Сибири. Эти лесные островки тяготели к балкам и другим увлажненным понижениям рельефа. Дубрав в это время на Куликовом поле еще почти не было.

Пыльцевая диаграмма поймы Непрядвы

Пойма Непрядвы — Дона в неолите заросла ольшаниками из ольхи клейкой с типичным травостоем из осок, кипрея, лютиков, василистника. Вдоль берега и стариц белели заросли таволги вязолистной, здесь также росли реликты каменноугольной эпохи — хвощи, ужовники, гроздовники. Каких-либо ясных следов изменения естественной растительности под воздействием хозяйственной деятельности неолитических племен в районе Куликова поля в это время не обнаруживается. Исключение составляют находки пыльцы крапивы — неизменного спутника человеческого жилья.

Непосредственно над слоем с неолитическими находками, в нижней части погребенной луговой почвы, была найдена ямчатая и гребенчато-ямочная керамика, относящаяся к концу 3-го — началу 2-го тысячелетия до нашей эры. Она может быть отнесена к эпохе ранней бронзы. Здесь найдены кости не только диких, но и домашних животных. Обнаружено глиняное изображение головы тельца с небольшими округлыми ушками, крутым лбом и вытянутой мордой. В это время на Верхнем Дону начало зарождаться хозяйство производящего типа, которое еще имело подчиненное значение на фоне господства присваивающей экономики.

Около четырех тысяч лет назад на Куликовом поле впервые появились значительные участки широколиственных лесов, представленные в основном липовыми

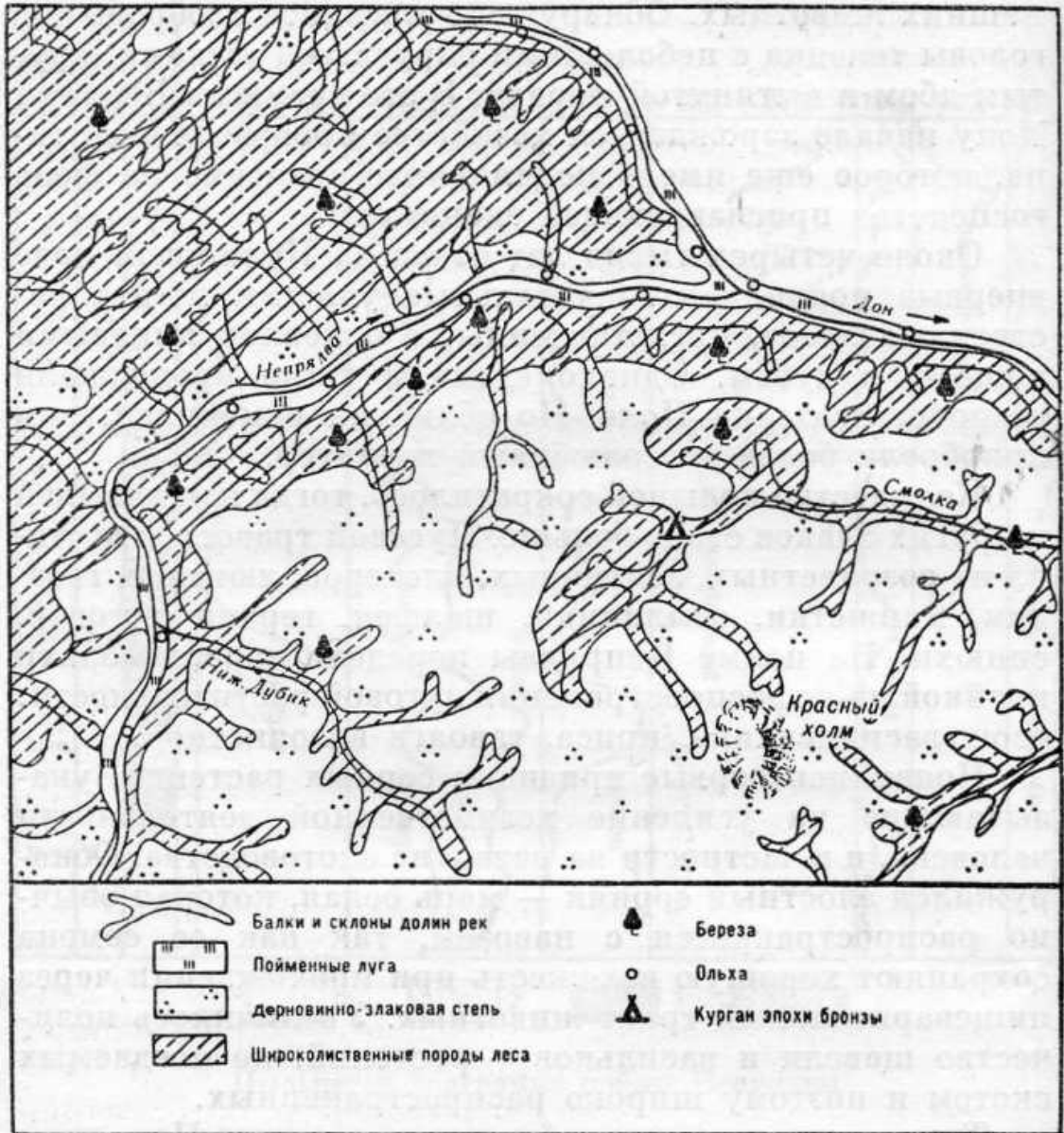
рощами с дубом. Однако степи и тогда продолжали господствовать на Поле. Но облик их изменился: они приобрели более влаголюбивый характер.

Количество полыней сократилось, тогда как ковылей и других злаков стало больше. Луговой травостой состоял из розоцветных, зонтичных, клеверов, лютиков, гвоздик, манжетки, земляники, шалфея, герани луговой, синюхи. На пойме Непрядвы поредели заросли ольхи клейкой из-за распространения луговой растительности: осок, василистника, ириса, таволги вязолистной.

Появились первые признаки сорных растений, указывающие на усиление хозяйственной деятельности человека, и в частности на развитие скотоводства. Обнаружился злостный сорняк — марь белая, которая обычно распространяется с навозом, так как ее семена сохраняют хорошую всхожесть при прохождении через пищеварительный тракт животных. Увеличилось количество щавеля и васильков — растений, не поедаемых скотом и поэтому широко распространенных.

Темпы накопления пойменных осадков Непрядвы резко снизились. Река обмелела настолько, что даже весенние паводковые воды почти не заливали пойму. Радиоуглеродная датировка — 3930 ± 50 лет назад — отмечает время пересыхания старичного водоема, на берегу которого существовало поселение начала эпохи ранней бронзы.

В эпоху бронзы (2-е тысячелетие до нашей эры) пойменные стоянки в районе долины Непрядвы исчезли. В это время степную и отчасти лесостепную зону Евразии охватил жесточайший экологический кризис. Напрасно люди молили у ясного неба ниспослать на землю живительную влагу. Страшнейшая засуха выжгла степи. Обмелели реки и озера, вызвав кризис рыболовства — наиболее устойчивого способа добывания пищи первобытными племенами.

Ландшафтная карта Куликова поля в эпоху бронзы (конец 3-го тысячелетия до н. э.)

Массы истощенных людей и животных устремились на север, к спасительной прохладе и влаге лесной зоны. Это «великое переселение народов» эпохи бронзы хорошо прослежено археологами. В южную часть лесной зоны Русской равнины проникли совершенно чуждые ей степные скотоводческие племена фатьяновской, среднеднепровской, балановской культур, а затем поздняяковские племена. То же самое произошло в Западной Сибири, где скотоводческие племена устремились на север, достигнув таежно-болотных районов Нарымского края³.

Некоторые ученые считают, что эти миграции скотоводческих племен были связаны с проникновением степей на север, на территорию части лесной зоны. При этом обращают внимание на обнаруженные здесь кое-где погребенные почвы типа черноземов, не характерных для лесных областей. Эти древние почвы и являются якобы следами распространения степей на территорию лесной зоны в эпоху бронзы.

Казалось бы, все ясно: южные скотоводческие племена двигались на север по привычным «степным дорогам» в результате соответствующего смещения растительных

зон. Однако эта «красивая» концепция не подтверждается результатами пыльцевого анализа — наиболее точного свидетельства изменения растительного покрова в прошлом.

В спектрах пыльцы из отложений эпохи бронзы в южной части лесной зоны Русской равнины и Западной Сибири не обнаружено никаких следов проникновения сюда южной, степной растительности. Со времени окончания атлантического периода (около 4500 лет назад) до наших дней они свидетельствуют о неизменно лесном характере этих территорий. Кроме того, выяснилось, что для продвижения степей на север необходим холодный и сухой, резко континентальный, климат, а не теплый и сухой.

Многочисленные палеогеографические данные, сопровождаемые радиоуглеродными датами, показывают, что наиболее интенсивная миграция степной растительности в северном направлении происходила не в эпоху бронзы, а в конце последнего оледенения — около 10 — 11 тысяч лет назад, в период сильного похолодания и резкого усиления континентальности климата в Северной Евразии. В то время произошло удивительное природное явление — смешение зон и распространение на огромных территориях растительных комплексов, образованных сочетанием тундровых, лесных и степных элементов⁴.

Как согласовать эти палеоботанические данные с, казалось бы, противоречащими им археологическими и почвенными свидетельствами? Факт проникновения скотоводческих племен в лесную зону в эпоху бронзы не подлежит сомнению: он точно зафиксирован результатами многочисленных археологических раскопок. Каким же образом они могли развивать свое скотоводческое хозяйство в условиях лесной зоны?

Дело в том, что леса эпохи бронзы несколько отличались от современных. Некоторое усыхание климата привело к их изреживанию, расширению открытых пространств, занятых травянистой растительностью. Этот процесс частичного обезлесения наиболее активно проявлялся на отдельных территориях, перекрытых плащом лёссовидных суглинков. Примером может служить древнейший малолесный район центра Русской равнины — Владимирское ополье. Об этом удивительно интересном «черноземном» крае Северо-Восточной Руси, имеющем отношение к эпохе Куликовской битвы, мы расскажем подробнее в дальнейшем.

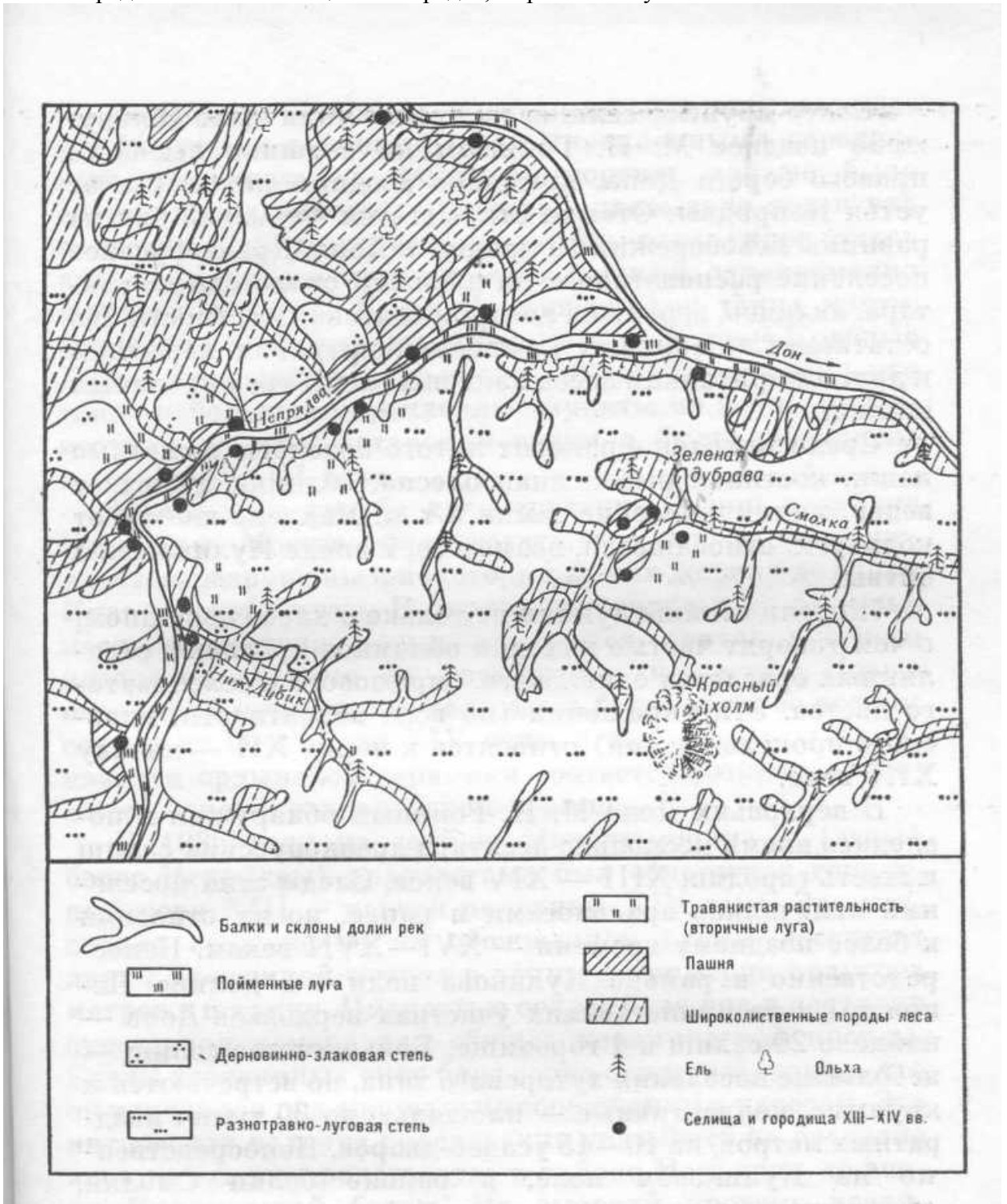
Теперь лишь отметим, что черноземовидные почвы эпохи бронзы образовывались под разреженными лесами и травянистой растительностью местного происхождения, а не под «пришедшими» с юга степями. Новый облик ландшафтов южной части лесной зоны позволил скотоводческим племенам проникнуть сюда и освоить эти территории. Конечно, это был не простой и безболезненный процесс, так как им надо было приспособить степное скотоводство к новым условиям лесной зоны. Но выбора не было: смертельная засуха в степи гнала кочевников на север.

Следы этих миграций степняков отмечаются на Куликовом поле. Они выявляются с трудом, так как долговременных поселений, а также могильников эпохи бронзы здесь не обнаружено. Однако частые находки каменных сверлильных топоров, фрагментов сосудов и других предметов этой эпохи свидетельствуют о том, что район не был безлюдным. В то время произошло понижение уровня воды в Непрядве и Доне. Весенние паводковые воды почти не заливают пойму, где начала формироваться луговая почва.

Особенно сильно пересохли реки в районе Куликова поля 1000—2500 лет назад, когда накопление пойменных отложений Непрядвы по существу прекратилось. По этой причине пока не удастся обнаружить на пойме ни археологических, ни палеоботанических данных, соответствующих этому временному интервалу. «Пыльцевая летопись» восстанавливается только около одной тысячи лет назад.

В то время на пойме Непрядвы продолжалось формирование темноцветной луговой почвы. В верхней ее части археологи обнаружили культурный слой средневекового древнерусского селища XIII — XIV веков нашей эры. Здесь найдены остатки наземного жилища с глинобитным очагом, хозяйственными ямами, скоплениями белоглиняной керамики с линейным и волнистым орнаментом. Исключительный интерес

вызывает находка железных наконечников стрел-срезней. До монгольского нашествия эти стрелы не были известны на Руси. Символично, что рядом со стрелами лежало мирное орудие древнерусского земледельца — коса-горбуша, применявшаяся на Руси для сенокоса и уборки зерновых. Не исключена возможность связи всех этих находок, как и самого средневекового селища на Непрядве, с временем Куликовской битвы.

Ландшафтная карта Куликова поля в эпоху средневековья (XIII—XIV вв. н. э.)

Более крупное селище такого же типа было обнаружено позднее М. И. Гоняным на вершине высокого правого берега Дона, примерно в одном километре от устья Непрядвы. Отсюда открывается чудесный вид на равнины левобережий Непрядвы и Дона. Древнерусское поселение располагалось на площади около одного гектара, являясь,

вероятно, центром сельской местности. По остаткам глинобитных печей, концентрации керамики и другим признакам здесь найдены следы трех наземных жилищ.

Среди находок фрагмент литого браслета, железные ножи, костяная рыболовная блесна, обломки дужек от ведер, цилиндрические замки и т. д. Найдено кольцо от кольчуги, относящееся, возможно, к эпохе Куликовской битвы.

Жители селища думали не только о хлебе насущном, о чем говорят частые находки обломков красивых стеклянных браслетов оливкового, бирюзового и зеленоватого цветов. Эти украшения (по всей вероятности, киевского происхождения) относятся к концу XII — началу XIII века.

В верховьях Дона М. И. Гоняный обнаружил в последнее время несколько десятков древнерусских селищ и шесть городищ XIII — XIV веков. Следы этих поселений отмечались археологами и ранее, но их относили к более позднему времени — XVI — XVII векам. Непосредственно в районе Куликова поля — в долине Непрядвы и на прилегающих участках верховьев Дона — найдено 20 селищ и 1 городище. Большинство селищ — небольшие поселения хуторского типа, но встречаются и крупные, коллективные — площадью до 30 тысяч квадратных метров, на 10—15 усадеб-дворов. Непосредственно на Куликовом поле, в районе балки Смолки, обнаружены остатки четырех небольших селищ, исследование которых только началось.

Первые древнерусские земледельцы появились в районе Непрядвы еще до монголо-татарского нашествия. К рубежу XII и XIII веков относится, вероятно, сооружение городища в районе села Краснобуйцы. Оно было основано на высоком мысу левого берега Непрядвы и служило оборонительным целям: в нем скрывалось местное население во время половецких набегов. В мирное время древнерусские земледельцы жили в незащищенных селищах, одно из которых располагалось в 300 метрах от городища.

Со стороны Непрядвы подступы к городищу защищались крутыми склонами мыса, укрепленными деревянным частоколом. С тыльной стороны, где не было естественных преград, городище опоясывали ров и вал с частоколом. Внутренняя сторона вала укреплялась дубовыми конструкциями, служившими одновременно жилыми клетями. Было обнаружено три таких клетки, в каждой из которых находился очаг. Городище Красные Буйцы просуществовало около 150 лет. Естественно, что такие небольшие укрепленные пункты не могли противостоять монголо-татарским ордам и были разрушены в середине XIII века.

Менее ясна судьба древнерусских селищ в районе Непрядвы. Можно предполагать, что они не были полностью разрушены и некоторые из них дожили до эпохи Куликовской битвы. В период относительного затишья после нашествия Батыея отмечается приток русского населения, видимо из Рязанского княжества. Новые поселенцы просуществовали здесь более века, во всяком случае до 60-х годов XIV века, о чем свидетельствует находка ордынской керамики соответствующего времени на одном древнерусском селище.

В 1986 году на селище Монастырщина-V (левый берег Непрядвы) археологами был обнаружен гончарный горн XIII — первой половины XIV века. Это массивное сооружение из обожженной глины достигает двух с половиной метров в длину и примерно полутора метров в ширину. Полностью сохранился под и частично сушильная камера для обжига керамической посуды. Следы деревянных опор близ горна свидетельствуют, что он находился под специально сооруженным навесом. Эта интересная находка определенно указывает на развитие керамического производства в районе Непрядвы до эпохи Куликовской битвы. На высокий уровень хозяйственной деятельности древнерусских земледельцев края указывают также обнаруженные на том же селище следы металлургического производства.

В районе Непрядвы открыто несколько грунтовых могильников. Один из них раскопала в 1957 году археологическая экспедиция исторического факультета Московского государственного университета на восточной окраине села Монастырщина, в слободке Грызловка. Эти по существу первые профессиональные раскопки на

Куликовом поле выявили 15 погребений, залегающих на глубине около одного метра. Здесь найдены серебряная серьга, стеклянный бисер, стеклянные городские браслеты XII — XIII веков. Обнаружены остатки воротника из византийского шелка. Среди обнаруженных позднее грунтовых могильников в долине Непрядвы обращает на себя внимание погребение вятичской женщины, похороненной по смешанному, христианско-языческому обряду.

Все эти археологические открытия неопровержимо свидетельствуют о заселении и освоении района Непрядвы древнерусским населением в XIII — XIV веках.

Находки пыльцы растений из отложений соответствующего времени показывают, что на Куликовом поле существовали влаголюбивые остепненные луга с небольшими дубравными перелесками. Следы антропогенного изменения растительности становятся все более ясными и многочисленными. Резко возрастает количество растений, связанных с выпасом скота, таких, как василек (луговой, шероховатый, фригийский), щавель (малый и кислый), короставник полевой, мак и другие виды, не поедаемые животными.

Однако наибольшее значение имеют находки пыльцы культурных злаков. Они начинают встречаться в пойменных отложениях Непрядвы несколько ниже средневекового культурного слоя XIII — XIV веков, т. е. несомненно раньше эпохи Куликовской битвы. Здесь была обнаружена пыльца ржи, пшеницы и ячменя, а также пыльца сорной растительности, сопутствующей пашенному земледелию. Посевы были сильно засорены вьюнком посевным, горцом вьюнковым, представителями семейства крестоцветных. Наиболее часто встречался василек синий — типичный сорняк озимой ржи.

Вся эта «пашенная» пыльца появляется как бы внезапно и в довольно большом количестве. Это указывает на то, что земледелие здесь не развивалось постепенно, на местной основе, а было принесено русским населением, уже хорошо владевшим навыками сельскохозяйственной обработки земли и распахавшим значительные территории. Пашня этого времени располагалась, вероятно, на пойме и прилегающих участках долины Непрядвы, где находились плодородные и легкие в обработке почвы, дававшие хорошие урожаи зерновых культур.

На высокий уровень пашенного земледелия указывает находка железного плужного ножа, обнаруженного в 1985 году М. И. Гоняным на крупном селище, расположенном на левом берегу Непрядвы, к западу от села Монастырщина. Наряду с этим прогрессивным методом обработки земли, сохранялись элементы древней, подсечно-огневой системы земледелия. Об этом свидетельствуют частые находки спор папоротника-орляка, споровое возобновление которого активизируется после пожара, по золе.

Подсечное земледелие осуществлялось следующим образом: «Деревья сначала подрубались (подсекались) топором и сохли на корню несколько месяцев. Затем высохшие деревья на этом участке сваливались на землю и поджигались, древесина прогорала, превращаясь в золу, верхний слой почвы разрыхлялся. В результате земля оказывалась хорошо удобренной золой, относительно рыхлой, а семена сорняков погибали. Поэтому урожай первого года был очень высоким, гораздо выше урожаев при переложной или трехпольной системах земледелия. Однако уже на второй-третий год сбор зерна резко падал, почва «спекалась», ее структура была резко нарушена. При таком хищническом методе земледелия новое поле могло служить не более нескольких лет, а затем его забрасывали, и лишь через несколько десятилетий можно было после проведения подсечных работ сжигать выросший за это время лес и вновь засеивать этот участок. Подсечная система требовала огромных трудовых затрат, обширных массивов леса, она не способствовала улучшению обработки земли и росту техники» °.

Эта малоэффективная система земледелия вряд ли получила широкое распространение в лесостепных ландшафтах района Непрядвы, богатого плодородными черноземными почвами. Однако существование здесь в XIII — XIV веках очагов подсечной системы свидетельствует, что в это время не произошло еще «полного отказа

от подсеки» за счет повсеместного перехода Северо-Восточной Руси к пашенному земледелию⁶.

Впервые отдельные участки целинных степей края были вспаханы, вероятно, в XII веке. Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты, полученные в разрезе упомянутого ранее Березовского болота. Первое появление пыльцы культурных злаков фиксируется здесь в отложениях, имеющих возраст 930 ± 30 лет. В течение сравнительно короткого времени, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, долина Непрядвы интенсивно заселялась и осваивалась древнерусскими хлеборобами.

Время опустошительного набега орд Батыея отмечается по исчезновению пыльцы культурных злаков. Пашня на короткое время забрасывается, но затем снова восстанавливается. Не исключено, что она просуществовала вплоть до эпохи Куликовской битвы. Во всяком случае некоторые древнерусские селища существовали еще в 60-х годах XIV века, о чем свидетельствует находка на одном из них ордынской керамики этого времени.

Комплекс археологических и налгеографических данных ясно показывает, что район Непрядвы в XIII — XIV веках нельзя относить к «дикому полю», как считали раньше. Более того (судя по находкам), можно говорить не о каком-то захолустье, а о высокоразвитом — по тому времени — крае с широкими экономическими и культурными связями. Новые археолого-палео-географические свидетельства дополняют историю заселения южных окраин Северо-Восточной Руси в XII — XIV веках. Они служат примером возможности восполнения «пробелов» в летописных и иных письменных материалах.

В свете этих данных становится ясным происхождение названия Куликова поля. Можно предполагать, что оно произошло от слова «кулига». Это слово, по В. Далю, означает вид кулика и одновременно «ровное место, чистое и безлесное, отличное растительностью, травую, ягодами, *урожаем хлебал*, а также «пожню» — покос, сенокос на низменных, нередко пойменных лугах, по речкам. Ясно, что у В. Даля речь идет о пойменной кулиге: «...река дала кулигу, колено, образовав по одну сторону сухую кулигу, мыс, по другую — морскую заводь, пойменный лужок»⁷. Ясно, что под «коленом» надо понимать речную меандру, а под «заводью» — старичный водоем, т. е. два элемента ландшафта, типичных для древней истории долины Непрядвы.

Таким образом, название Куликова поля имеет не «птичью», а ландшафтно-сельскохозяйственную основу, связанную с рельефом местности и деятельностью поселившихся здесь древнерусских хлеборобов. Первоначально оно, вероятно, относилось к низинным косимым лугам и пашне на пойме Непрядвы, а в дальнейшем — после битвы — было перенесено на водораздельную, ранее безымянную часть правобережья реки, для обозначения района сражения.

После Куликовской битвы происходит отток русского населения из района Непрядвы. Пашня забрасывается, что подтверждается исчезновением пыльцы культурных злаков. Позднее русские земледельцы поселяются не только в долинах, но и на водораздельных территориях края, где они начинают распахивать целинную степь. Этот этап отмечен следами интенсивных рубок леса и частых пожаров.

Уровень паводковых вод в Непрядве и Доне резко повышается. Пойменная луговая почва прекращает свое существование: она быстро перекрывается негумусиро-нанпными суглинками, которые продолжали накапливаться до настоящего времени. В этих суглинках зафиксирована история растительности Куликова поля за последние 200—300 лет. Пыльцевые спектры отмечают заметное сокращение количества дубов и исчезновение вяза. Сохранившиеся участки степей представляли собой, как и ранее, остепненные луга, из состава которых почти полностью исчезла полынь.

На интенсивное развитие животноводства указывает увеличение не поедаемых скотом растений. В большом количестве появляются различные виды подорожника — свидетеля существования разветвленной сети пешеходных троп, дорог и т. д. Существование на Куликовом поле пашни отмечается по пыльце культурных злаков, при

этом количество сорняков уменьшается, возможно, в связи с совершенствованием агрокультуры.

По историческим источникам, переломным этапом в хозяйственном освоении района был XVII век, когда резко возросла заселенность территории и водораздельные пространства были распаханы. Вместе с тем пыльцевые спектры отмечают близкие к нашему времени периоды запустения Поля, когда пашня здесь резко сокращалась или даже исчезала. Возраст этих периодов может быть установлен дальнейшими палеогеографическими и историческими исследованиями.

ВОЛНЫ КОЧЕВНИКОВ

Степная зона Евразии простирается широкой полосой от «восхода солнца» (тихоокеанских окраин Китая) до Дуная. По этой степной дороге с глубокой древности прокатывались следовавшие друг за другом волны кочевников-скотоводов, часто сметавшие бывшие на их пути местные племена. Эти миграционные потоки вызывали великие переселения народов, резко менявшие этническую картину огромных территорий Евразийского суперконтинента.

Наиболее мощные и частые миграционные цунами зарождались в континентальных глубинах Центральной Азии. Отсюда они распространялись в основном на запад и, достигая южно-русских степей, затухали лишь на придунайских равнинах, где степная зона выклинивается. Но иногда направление пути скотоводов менялось. В эпоху бронзы (2-е тысячелетие до нашей эры) отчетливо прослеживается волна перемещения южных степных племен на север, в лесные районы Русской равнины и Сибири.

С VII века до нашей эры в причерноморских степях господствовали скифы, которые были вытеснены сарматами, разгромленными в свою очередь гуннами в VI веке нашей эры. Гунны дошли до придунайских степей, совершая до середины V века нашей эры глубокие вторжения в Западную Европу. Позднее, в VII—XII веках нашей эры, в степи Причерноморья вторглись новые кочевники: торки (гузы) из Приаралья и кыпчаки (половцы) из западносибирской Барабы. Северный Прикаспий в этот период был заселен тюркоязычными племенами, объединявшимися в Хазарский и Огузский каганаты.

Киевская Русь, охватывавшая в основном лесостепные районы, издавна стояла на пути движения кочевых племен на запад. С востока, из Приаралья, сюда неоднократно вторгались тюркские племена: печенеги — в X веке и в первой половине XI века, а затем (с 1055 года) — вытеснившие их в Венгрию половцы. В начале XIII века половцы-кыпчаки занимали земли от Днепра до Иртыша. С тех пор летописцы стали называть южнорусские степи половецкими или кыпчакскими. Борьба со степняками-половцами, то обострявшаяся, то затухавшая (вплоть до возникновения зыбких союзнических отношений), велась в целом успешно вплоть до вторжения на Русь монголо-татарских орд.

Эта мощная и страшная сила кочевья накопилась в континентальном ядре Азии. В начале XIII века здесь образовалась огромная Монгольская империя Чингисхана, в течение 15 лет захватившего и опустошившего Китай, Среднюю Азию, Иран и Афганистан. В 1222—1223 годах монголо-татарские войска через Иран и Закавказье проникли в степи Северного Кавказа, впервые явив свое лицо Европе.

Первое столкновение русских с монголо-татарами произошло в 1223 году на небольшой степной речке Калке (ныне Кальчик), впадающей в Азовское море. Здесь объединившиеся перед лицом грозного врага русские и половецкие войска потерпели полное поражение. От этого времени все древнерусские летописцы начинают отсчитывать время монголо-татарского владычества на Руси. После битвы на Калке победители дошли до Дона, но дальше не пошли и, повернув обратно, ушли в заволжские степи. В войне 1229—1230 годов монголо-татары сломали сопротивление восточноевропейских степных кочевников — половцев и аланов. В 1237 году, преследуя их остатки, они вторглись в

Северо-Восточную Русь, находившуюся в ту пору в стадии экономического и культурного расцвета.

Княжеские междоусобицы, феодальная разобщенность, недооценка масштабов надвигавшейся грозы — все это ослабило Древнюю Русь, и она не смогла противостоять жестко централизованной, «неведомо откуда появившейся» и невиданной доселе великой силе новоявленных кочевников. Нашествие 120-тысячной орды возглавлял Батый — внук Чингисхана, унаследовавший от своего предка жестокость, организаторские способности, стремление к химерической цели — мировому господству.

«Считая себя сильнее всех, он стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. ...Он одолел самих куманов (половцев.— *Н. Х.*) и подчинил себе их страну». Так свидетельствует венгерский монах Юлиан — современник эпохи нашествия Батыя — и далее продолжает: «Ныне же находясь па границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских...»¹

Не зная бродов и торных дорог на Русь, войско Батыя действительно должно было ожидать зимних холодов. Зима 1237 — 1238 годов выдалась, вероятно, малоснежная, и татарские кони, приспособленные к стуже, могли, как обычно, добывать себе прокорм «из-под копыт». О собственном пропитании кочевники не беспокоились, уповая на скорую и богатую добычу. Как только холодный панцирь прочно сковал землю и реки, орды Батыя ринулись в глубь Северо-Восточной Руси.

Один за другим пали цветущие русские грады: Рязань, Коломна, Москва и, наконец, 7 февраля 1238 года Владимир — центр Северо-Восточной Руси. Четырнадцать крупных городов лежало в развалинах и пепелищах².

Из Торжка Батыевы орды двинулись к Великому Новгороду, но, не дойдя 100 верст, повернули обратно, уйдя летом 1238 года в половецкие степи. Но уже вскоре, в 1240 году, монголо-татары нанесли свой новый сокрушительный удар, сровняв с землей Киев и опустошив русские земли. Связь формировавшегося Русского государства с южными морями и с Византийской империей была полностью прервана на многие столетия.

Выжженная и опустошенная земля, руины городов, почти полное уничтожение населения — все это поражало воображение даже современников сурового нравами средневековья. Плано Карпини — посол папы Иннокентия IV, посетивший поверженную Русь в 1245 году, писал о великом «избиении земле Руссии». Он поражался количеству костей человеческих, усеявших поля русские³.

Здесь мы временно прервем рассказ о последствиях Батыева нашествия на Русь и обратимся к поиску причин, вызвавших частые и грандиозные перемещения кочевых племен по степным дорогам Евразии. Вопрос этот, занимавший умы многих ученых — философов, историков, этнографов, археологов, природоведов, остается до сегодняшних дней окончательно не выясненным. Причина в том, что данная комплексная проблема не освещалась, как правило, в целом, а рассматривалась обычно под узкопрофессиональным углом зрения различными исследователями. Обычно подчеркивались и противопоставлялись друг другу либо социальные, либо экологические аспекты проблемы.

Социально-экономическая сущность хозяйства кочевников-скотоводов определяла их высокую подвижность, способность преодолевать большие расстояния. Эти перемещения происходили не в абстрактном пространстве или «безвоздушной» среде, а

по вполне определенным местностям, ландшафтно-климатический облик которых в прошлом неоднократно менялся. Эти изменения могли сильно влиять на степень подвижности кочевников.

Современные исследования палеогеографов, археологов, этнографов и других специалистов показывают, что характер процессов в системе «природа — общество» определялся сложным переплетением по крайней мере трех главных факторов: социальных, экологических, биологических. Между ними нет четких рубежей, и они взаимосвязаны. Каждый из них играл важную, хотя и неравноценную, роль на различных этапах истории развития человечества.

Подобная позиция была, в частности, представлена на первом в СССР совещании по проблеме «Природная среда и первобытный человек в плейстоцене и голоцене», организованном Институтом географии АН СССР в 1973 году и собравшем подавляющее большинство отечественных экспертов в области истории древнего человека. Подводя итог этому важному совещанию, академик И. П. Герасимов призвал к отказу как от доктрины «географического детерминизма», так и «социального догматизма» и к необходимости всесторонней оценки проблемы палеоэкологии человека с позиций самых различных научных дисциплин (см. кн.: «Первобытный человек и природная среда». М., 1974. С. 311).

Социальный фактор с его экономическими, политическими, демографическими и культурными аспектами, как это установлено классиками марксизма-ленинизма, выдвигается на первый план. Это главная сила, определявшая и определяющая не только развитие общества, но и «осмысленность» характера взаимосвязей в системе «природа — общество».

Только достигнув определенного социального уровня развития, первобытные племена, населявшие степную зону Евразии, смогли совершить великий экономический скачок: перейти от присваивающего хозяйства (охоты, рыболовства, собирательства) к производящему (кочевому скотоводству и отчасти земледелию). Современными экономическими исследованиями установлено, что экономика всегда стремится к функционированию в соответствии с принципами оптимальной стратегии. В соответствии с ними древние племена и народы в любом случае стремились выбрать такую хозяйственную стратегию, которая обеспечивала бы их выживание с минимальным риском и минимальным расходом собственной энергии. Это достигается с помощью информации о природных ресурсах⁴.

Ландшафтно-климатическая специфика степной зоны Евразии способствовала реализации этих принципов в виде развития кочевого и полукочевого скотоводства на протяжении огромного временного интервала: начиная со 2-го тысячелетия до нашей эры до 70-х годов XVIII века⁵.

Система кочевого скотоводства сложилась не сразу. Корни ее находятся в эпохе бронзы, отмеченной грандиозными перемещениями племен в степной, лесостепной и лесной зонах Северной Евразии. Однако как рентабельная хозяйственная структура кочевое скотоводство сформировалось лишь в XI веке⁶.

Кочевничество — тип экономики, при котором основой производящего хозяйства является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами подавляющей части населения⁷. Изобретение колеса, перевозных цельных и складных юрт, наличие массы лошадей и волов как тягловой силы — все это открыло небывалые ранее возможности для относительно быстрого перемещения кочевых племен. Кочевое хозяйство вырабатывало у степняка-скотовода подвижность, выносливость, ловкость и смелость.

«Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гоняются и охотятся. Это и есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все конные воины»⁸. Так свидетельствовал китайский посол Чжао Хун, посетивший Монгольское государство.

Спартанский, военизированный образ жизни кочевников-скотоводов определялся и причинами политического характера. В своих бесконечных странствиях они неизбежно вторгались на земли чужеродных племен, которые в свою очередь могли появиться на их собственных территориях. Конфликты такого рода решались, как правило, силой, что способствовало усилению военизации и объединению отдельных кочевых групп в многочисленные орды. Для управления такими сложными объединениями кочевников потребовалось создание жесткой, строго иерархической системы руководства с вытекающими отсюда социальными неравенствами.

Разбив противника и испытав развращающее влияние захвата плодов чужого труда, победитель начинал утверждаться в своем мнимом превосходстве над другими племенами и народами. Сравнительно мирные кочевья экономического характера все чаще сменялись поработительными, грабительскими нашествиями. Основная часть военной добычи попадала в руки хана и его приближенных, а риск был уделом простого воина-кочевника. В таком извращенном виде принцип оптимальной экономической стратегии «выдерживался» и в данном случае.

Апогея эти милитаристские тенденции достигли в период смены родового строя у степных племен Евразии эпохой «кочевого феодализма». В это время, по Ф. Энгельсу, «война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни»⁹. Переход к классовому обществу в Центральной Азии в XIII веке вызвал настоящий взрыв поработительных нашествий, потрясших весь континент Евразии. Центробежные междоусобные силы в этот период еще не успели разрушить предшествовавшие им процессы концентрации власти в одних руках.

Поразительный на первый взгляд факт: монголо-татары, общее количество которых не превышало двух миллионов человек, смогли сокрушить государства с гораздо более многочисленным населением. Опустошив Русь, орды Батыя вторглись в страны Центральной Европы и прошли по территориям Польши, Чехии, Венгрии, не потерпев ни одного крупного поражения. «Польско-немецко-моравская армия у Легницы и 60-тысячное венгерское войско на реке Шайо были разбиты монголами, выступавшими даже не в полных составах»¹⁰. Только после смерти великого хана Угедея и безуспешного штурма мощных крепостей на побережье Адриатики орды отхлынули на восток, уйдя в причерноморские и прикаспийские степи.

Кроме высокой централизации власти и жесточайшей дисциплины, сковывавших орду «железным обручем» в единый кулак, действовали и другие факторы. Особенности скотоводческого хозяйства позволяли монголо-татарам постоянно находиться как бы па военном положении, в стадии боевой готовности. Высокая подвижность орды позволяла ей быстро перегруппировывать и концентрировать свои силы на решающих ударных направлениях, создавая численный перевес в свою пользу. Мобилизационные возможности оседлого земледельческого населения были ограничены. Сам тип хозяйства, не требующий значительных перемещений в пространстве, определял их меньшую подвижность. Лошадь древнерусского хлебороба, например, была менее приспособлена к военным действиям, чем ордынская. На определенном уровне развития производительных сил скотоводство являлось эффективной формой хозяйства в степной зоне Евразии. Накапливаемый и передаваемый из поколения в поколение опыт кочевий способствовал выработке здесь устойчивых хозяйственных традиций. Утверждался своеобразный хозяйственный стереотип, долгое время наиболее соответствующий природным условиям степных ландшафтов. Этот стереотип глубоко укоренялся в сознании кочевых племен. Он был консервативен и не мог быстро меняться, если только к этому не вынуждали какие-либо катастрофические обстоятельства. Именно поэтому широкомасштабные перемещения скотоводческих племен не выходили, как правило, за пределы аридного пояса Евразии. После каждого военного вторжения в лесные районы кочевники должны были возвращаться в степи. Они не могли, да и не хотели изменять традиционный тип скотоводческого хозяйства.

Ярким примером может служить поведение гуннов — степных кочевников, вторгшихся в Западную Европу в V веке нашей эры. Они дошли до степей Дуная и остановились там, так как дальше, на западе, простирались неведомые им ранее ландшафты, где они не могли вести привычный кочевой образ жизни. И все же их вождь — Аттила организовывал долгие и дальние походы в глубь Европы. Но эти набеги «не были уже направлены на завоевание земель. После походов он, как правило, возвращался «на свои стойбища»»¹¹. То же самое можно сказать о периоде монголо-татарского владычества. «Русь никогда не интересовала Золотую Орду с точки зрения приращения территории. Ее природные условия не соответствовали привычным нормам кочевого хозяйства»¹².

Монголо-татарам не удалось сломить политический строй Северо-Восточной Руси, основанный на совершенно иных формах ведения хозяйства. Созданная ими система ярлыков, сбора дани, баскаков-надзирателей не смогла обеспечить полный контроль над страной. Не только весенняя распутица, бездорожье и бескормица остановили Батю в 100 километрах от Великого Новгорода. Его орды слишком далеко оторвались от степей — экономической базы кочевников. Конечно, решающее значение в освобождении Северо-Восточной Руси сыграло героическое сопротивление ее населения захватчикам, но и географический фактор нельзя не учитывать.

Некоторые исследователи считают, что «при переходе к скотоводству на каждого человека потребовалось в 20 раз меньше площади, чем при охотничьем промысле, а при освоении земледелия необходимая площадь сократилась еще в 20 раз»¹³. Эта интересная формула (в части, касающейся скотоводства) не вполне точна. В его кочевом (не придомном) варианте конкретное пространство приобретает несколько неопределенный характер. Находясь в постоянном движении, кочевник на коне мог охватывать своей деятельностью большие территории, чем пеший охотник.

Активизация перемещения скотоводов-кочевников в пространстве даже при относительно небольшом росте их численности вела к возникновению в степной зоне Евразии очагов своеобразных демографических «взрывов», имевших серьезные политические последствия.

Эти процессы особенно обострялись при возникновении в прошлом крупных экологических кризисов. Они активизировались в первую очередь при усыхании степной зоны Евразии и падении ее биологической продуктивности. И все же возникавшие здесь демографические «перегрузки» имели относительный, очаговый, а не абсолютный и повсеместный характер. Объясняя «великие переселения» в I-м тысячелетии до нашей эры, некоторые ученые считают, что «неудержимый рост численности кочевников и их стад стал все чаще приводить к несоответствию между количеством домашнего скота и размерами пастбищ. Это повлекло за собой перевыпасы и даже полное уничтожение пастбищных угодий», которые «из-за неразумного хозяйничанья сменявших друг друга кочевых орд превратились в бесплодные пустыни и почти полностью обезлюдели»¹⁴. В результате этих социальных причин, усугубленных усыханием степей, кочевникам якобы требовалось все новое «жизненное пространство».

С этим никак нельзя согласиться. Миграции степняков типа нашествий орд Чингисхана и Батю никак невозможно объяснить «неудержимым ростом» их численности. Напротив, историки единодушно свидетельствуют о малочисленности этих орд. «Этот народ (монголы.— *Н. Х.*) общей численностью не более двух миллионов человек в середине XIII века сумел завоевать Китай с его 50-миллионным населением, создать крупнейшее в мировой истории государство, простиравшееся от Черного моря до Тихого океана»¹⁵.

Взгляните на карту: разве огромные просторы степей Евразии не могли поглотить любые демографические «взрывы» и удовлетворить хозяйственные нужды многих миллионов скотоводов? Безусловно, могли, тем более что никакого усыхания степей в XIII веке не отмечается. Не следует преувеличивать и масштабы возможного превращения

степей в «бесплодные пустыни» из-за уничтожения растительности при выпасе скота (скотобоя). В этом случае выявляется некоторая односторонность принципа актуализма, по которому масштабы различных явлений прошлого оцениваются по современным меркам.

Надо отказаться от представления о кочевниках как о примитивных дикарях, не отдававших себе отчета в результатах своей хозяйственной деятельности. Встречающиеся иногда в литературе рассуждения о неумеренном выпасе скота, уничтожавшего растительный покров степи на огромных территориях, превращавшихся в пустыню, вряд ли соответствуют действительности. Располагая многовековым опытом предшествовавших поколений, кочевник-скотовод вполне ясно осознавал последствия действий, подрывающих основы его дальнейшего существования.

Сам факт существования кочевого скотоводства на протяжении нескольких тысячелетий свидетельствует о том, что данная экономическая система учитывала нужды не только текущего, но и будущего времени. «Этот тип хозяйства по своему характеру был экстенсивным, он достаточно жестко зависел от особенностей природно-географических условий... Эта зависимость осознавалась народами Центральной Азии как необходимость целесообразной, планомерной и строгой регламентации... в использовании пастбищных угодий, очень тонкого подхода к бережному их использованию¹⁶. Подобный вывод подтверждается не только современными исследованиями, но и «голосами» из прошлого.

Посланец французского короля Людовика IX монах Рубрук, посетивший монголо-татар в 1253—1255 годах, в книге «Путешествие в восточные страны» писал о них следующее: «Они поделили между собой Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Именно зимой они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные»¹⁷.

О хозяйственном разделе зоны степи свидетельствует и папский посол Плано Карпини, посетивший в 1246 году бывшие половецкие земли: сам Батый в это время кочевал в низовьях Волги, а его приближенные — возле Днепра, Дона и в степях по Яику¹⁸.

Таким образом, в периоды мирного кочевья стада скотоводов более или менее равномерно распределялись по огромным пространствам степей, что, несомненно, резко уменьшало скотобой. В военное время, когда отдельные табуны объединялись в единое громадное стадо, положение менялось. Антропогенная нагрузка на степной ландшафт резко возрастала. Но она была кратковременной, так как после военных походов единое стадо снова рассредоточивалось по бескрайним степям. Специалисты-биогеографы утверждают, что в X — XV веках степная зона европейской части СССР «была занята степью», а «выпас скота был умеренным и поэтому не мог превратить степь в скотобой. Умеренный выпас скота, вероятно, благоприятно влиял на состояние степной травянистой растительности, как бы омолаживая ее и препятствуя образованию бурьянистой растительности»¹⁹.

Конечно, антропогенные ландшафты возникали в степной зоне в периоды активизации кочевий. Но, как правило, они были ограниченными и приуроченными лишь к отдельным участкам (к водопоям, на традиционных путях сезонных миграций или военных походов) и не нарушали естественного облика степей вплоть до середины XVIII века. Поэтому скотобой никак нельзя оценивать как серьезную причину, определявшую крупные перемещения степных народов.

ДЫХАНИЕ ПРИРОДЫ

Экологический фактор всегда играл существенную роль в определении взаимосвязей и взаимозависимостей между обществом и природой. Географическая среда является не просто пассивной стороной этого двустороннего процесса — сферой материальной деятельности человека; «слепая» сила природы обладает собственной активностью, часто выступающей на первый план. Даже на современном уровне развития человечества природа постоянно напоминает о своем могуществе. Свидетельство тому — катастрофические извержения вулканов, грандиозные засухи и наводнения и т. д.

Кризисные последствия пренебрежительного отношения к экологическому фактору на основе представления о возникновении особой, якобы независимой антропогенной среды хорошо известны. Интенсивно изменяя естественную природу, человек попадает в еще большую зависимость от созданной им самим антропогенной среды, которая часто оказывается ему противопоказанной по своим физико-химическим, биологическим свойствам и даже по психоэмоциональным воздействиям.

В советской этнографии трудами Б. В. Андрианова, Н. П. Чебоксарова, М. Г. Левина и др. разработано понятие хозяйственно-культурных типов. «Хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. Это могут быть народы, далеко удаленные друг от друга, но имеющие сходные комплексы культуры, которые возникают в процессе исторического взаимодействия общества с географической средой»¹. До сих пор еще встречаются такие хозяйственно-культурные типы, например в некоторых развивающихся странах, где основу хозяйства составляют охота, скотоводство, земледелие и другие виды деятельности, зависящие в большой мере от окружающей природной среды².

Характер природных условий и их изменения всегда оказывали, особенно в прошлом, существенное влияние на тип хозяйства и способ производства, а через них и на миграционные процессы и образ жизни народов Земли. «Вот этот-то аспект зачастую умалчался, нивелировался, затушевывался советскими исследователями, когда в послевоенный период вновь возросла интенсивность изучения проблемы взаимосвязи природы и общества. Но пренебрежение этим аспектом вело к одностороннему осмыслению идей классиков марксизма-ленинизма. Боязнь сползти на позиции «географического детерминизма» обернулась иной формой упрощенного понимания диалектичности данного процесса — чисто словесным признанием принципов детерминизма при исследовании вклада природы в развитие исторического отношения общества и природы, в превращение отношения почти что в односторонне ориентированную связь этих сфер объективной действительности»³.

Напомним, что представители зародившегося в XVIII веке механистического «географического детерминизма» считали, что разнородность природных условий в различных частях Земли — главная причина, определявшая специфику общественно-исторического развития населения отдельных регионов. Географическое положение, почвенно-растительные условия, климат, реки и т. д. могли, по их мнению, непосредственно определять общественно-историческую сущность различных племен и народов, политику их государственных объединений, характер и чувства людей, сам «дух народов».

Различаются два главных направления «географического детерминизма»: от английского историка и социолога XIX века Бокля и от французского мыслителя-энциклопедиста XVIII века Монтескье. Первое направление, связанное с эпохой расцвета колониального владычества Англии, выродилось в дальнейшем в концепцию геополитики, обосновывающую географическими факторами расовое неравенство, превосходство одних народов над другими. Ядовитым плодом геополитики явилась, например, вторая мировая война, развязанная требовавшими себе «жизненного пространства» фашистами.

Второе — относительно прогрессивное — направление географического детерминизма развивалось в трудах русских историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, географа Л. И. Мечникова и др. Несмотря на методологические ошибки, в их работах приводятся интересные факты и обобщения, касающиеся влияния природной среды на различные стороны хозяйственной деятельности восточных славян. В их трудах указывается на необходимость бережного отношения к природе, на важную роль климата в развитии хозяйственной деятельности человечества.

Еще А. С. Пушкин писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»⁴.

Не отрицая непосредственного влияния природной среды на психологию и физиологию человека, Г. В. Плеханов подчеркнул и выдвинул на первый план ее опосредованное влияние «на состояние общественных производительных сил и, через них, на все вообще социальные отношения людей, со всеми их идеологическими надстройками»⁵. «Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную», развивающуюся «по своим собственным внутренним законам»⁶.

Это, конечно, не означает полного исчезновения прямого влияния природной среды на общество, что иногда утверждается на основе представления о несопоставимости темпов относительно быстрого развития социальных процессов и медленных темпов изменения некоторых природных явлений. Ведь иногда природа демонстрирует ускоренное, даже скачкообразное развитие. Например, климатические колебания, вызывающие резкие похолодания или потепления, переувлажнения или усыхания обширных территорий, бывают столь быстрыми, что общество не всегда успевает на них отреагировать должным образом. Если подобные явления мы наблюдаем сейчас, то можно представить, насколько более значительное воздействие оказывала динамика природы на общество в прошлом.

У читателя может возникнуть мысль, что автор слишком далеко отходит от основной темы книги. Но это не так: рассматриваемые здесь вопросы имеют прямое отношение не только к миграции кочевников, но и к самой Куликовской битве. Классики марксизма-ленинизма, выдвигая на первый план социальный фактор, всегда учитывали географическую среду не только как материальную основу и предпосылку, но часто и как причину определенных общественных явлений. На конкретных примерах они выявляли ее важную роль в развитии социально-политических, экономических, этнических и других процессов.

Вскрывая причины замедленного развития Германии в прошлом, Ф. Энгельс писал в книге «Революция и контрреволюция в Германии»: «Причин такой отсталости германской промышленности было много, но достаточно указать две из них, чтобы ее объяснить: неблагоприятное географическое положение страны, ее отдаленность от Атлантического океана, который превратился в большую дорогу для мировой торговли, и непрерывные войны, в которые вовлекалась Германия и которые с XVI века и до последнего времени велись на ее территории»⁷.

Если положение Германии в центре Западной Европы, удаленной от Атлантики всего лишь на несколько сот километров и имевшей широкий выход к Балтийскому морю, тормозило ее экономическое развитие, то для Северо-Восточной Руси географический фактор имел гораздо более серьезное значение. Расположенная в континентальной лесной глуши Восточной Европы, она была в значительной мере отрезана от активных путей мировой торговли и обмена информацией. После монголо-татарского нашествия Русь надолго потеряла всякую связь с южными морями, с такими важными центрами культуры того времени, как Византия.

К. Маркс в статье «Поражение правительства по финансовому вопросу.— Извозчики.— Ирландия.— Русский вопрос» писал, что «стремление подчинить себе Византийскую империю», относящееся еще к политике Киевской Руси X века, «обусловлено ее историческим прошлым, ее географическим положением, необходимостью для нее иметь открытые гавани в Архипелаге, как и в Балтийском море, если она хочет удержать свое верховенство в Европе»⁸. Вот яркий пример влияния географического фактора на политику Русского государства, издавна стремившегося вырваться из континентальной изоляции к морским путям развития мировой торговли и культуры.

Вначале интуитивно, а затем все более осознанно к этому стремились и кочевые народы, населявшие изолированную от морей и океанов степную зону Евразии. На протяжении многих веков и даже тысячелетий их путь на восток, к манящим морским берегам, был блокирован могучими китайскими государствами и империями. Покорить оседлое, крепко державшееся за землю население этих районов удалось лишь Чингисхану.

Сравнительно более легким представлялся путь на запад, по привычным кочевникам степным просторам Евразии. Обитавшие здесь местные скотоводческие племена не могли серьезно противостоять движению более организованных орд из Центральной Азии. В кровавых битвах они сметались с пути или вовлекались в общее направление потока. Но и здесь кочевников ждало разочарование. Дойдя до западного предела степей, выклинивающихся на Дунайских равнинах, они не достигли заветной цели. До манящего края земли, где волны «последнего моря» отражают лучи заходящего солнца, было еще далеко. Идти дальше на запад кочевники не могли, так как они не в силах были далеко и надолго оторваться от степей — пищевой базы своего скотоводческого хозяйства. В этом отношении государства Западной Европы оказались в более выгодном положении по сравнению с Киевской и Северо-Восточной Русью, расположенными вблизи степных дорог воинственных кочевников.

Хозяйство скотоводов прямо зависело от природных, прежде всего климатических, условий и изменений, определявших биологическую продуктивность степной зоны. Особую опасность для кочевников представляли периоды пересыхания степи, вызывавшие резкое падение биомассы растительной и животной пищи. Бесплодность выжженной степи, пересыхание рек и озер — все это грозило неминуемой гибелью кочевникам. Но они обладали высокой подвижностью и способностью (с учетом опыта предшествовавших поколений) перемещаться в более благоприятные районы. Обычные хозяйственные миграции — летом на север, зимой на юг — сменялись в направлении к ближайшей спасительной прохладе и влаге лесных равнинных и горных территорий. Характер реакции кочевых племен на климатические изменения зависел от их масштаба и продолжительности.

Во время экологических кризисов, подрывавших экономическую основу скотоводства, темпы перемещения степных племен, несомненно, активизировались. Иногда эти миграции, вызванные природными изменениями, достигали огромных масштабов. Уже отмечалось, что усыхание степи во 2-м тысячелетии до нашей эры вынудило некоторые южные племена переселиться на север, в лесные районы Восточной Европы и Западной Сибири. Аналогичные природные изменения вызвали в 1-м тысячелетии нашей эры перемещение на север западносибирских тюрок, якутов и других скотоводческих групп. Проникнув в лесные районы, степные племена вынуждены были частично изменить традиционный тип своего хозяйства, приспособив его к новым ландшафтным условиям.

Голод, вызванный усыханием степей в 1-м и в начале 2-го тысячелетия нашей эры, по мнению некоторых дореволюционных и современных ученых (Е. Брикнера, М. Боголепова, П. Тутковского, М. Косарева и др.), был главной причиной, толкавшей орды кочевников в западном направлении. Именно этим объяснялись нашествия на Европу гуннов, аваров, венгров, печенегов, половцев, монголо-татар⁹.

Однако оставалось непонятным: каким образом могли осуществить победоносные, всеокрушающие нашествия толпы охваченных голодом степняков на обессиленных бескормидей лошадях? На это явное несоответствие обратил внимание Л. Н. Гумилев. По его мнению, наиболее мощные вторжения кочевников (гуннов, монголо-татар) на запад связаны не с пересыханием, а, напротив, с увлажнением степной зоны. «Успешные завоевания и вторжения в Китай, Иран и Европу совершали не скопища голодных людей... а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл. Поэтому такие исторические события совпадали с улучшением климата в степи. Ухудшение же климата было причиной миграции мелких групп, обычно оседавших на степных окраинах»¹⁰.

Таким образом, по Л. Н. Гумилеву, крупные миграции кочевых племен происходили при увлажнении степей, а мелкие — при их усыхании. На этой основе он предпринял оригинальную, но довольно рискованную попытку восстановить историю климата степной зоны за последние две тысячи лет. Наиболее мощные передвижения кочевников были связаны с периодами расцвета степей. Оптимальные условия возникали здесь, по мнению Л. Н. Гумилева, из-за смещения путей атлантических циклонов в южном направлении. При этом они орошали в основном аридные районы Северной Евразии, вызывая повышение уровня вод в Арале и Балхаше.

Ослабление миграционных потоков, напротив, указывает якобы на то, что циклоны начинали проходить по более северным траекториям, увлажняя лесные районы. Потеряв атлантическую влагу, степи усыхали, а кочевники, утрачивая силу, становились менее подвижными. В эти периоды, по мнению Л. Н. Гумилева, должен был повышаться уровень Каспийского моря, так как его водный баланс определяется в основном Волгой, водосбор которой расположен в северных, лесных районах. Таким образом, получается, что подъемы уровня Каспия совпадают с периодами иссушения степей, а спады — с временем их увлажнения. В дальнейшем, опираясь на сведения о колебании вод в Каспии, Л. Н. Гумилев оценивает характер и значимость миграций кочевников.

Однако в этих умозаключениях видятся существенные изъяны и натяжки. Вряд ли можно утверждать, что крупные перемещения кочевых племен связаны только с периодами увлажнения степей, а мелкие — с их усыханием. Ведь в этом случае мощные передвижения кочевников (болгар, хазар, венгров, печенегов и половцев), происходившие в степях в действительно засушливый период (VII—XII века), придется отнести к разряду незначительных. С другой стороны, если считать, что высокое положение уровня Каспийского моря соответствует усыханию степи, даже грандиозные монголо-татарские нашествия XIII века второстепенны. Ведь гидрологическими исследованиями точно установлено, что «со второй половины XII в. начинается подъем Каспия, который в течение почти семи столетий поднялся более чем на 8 м»¹¹.

Пытаясь выяснить причину столь явных противоречий, я обратился к работам палеоботаников. Ведь именно они лучше, чем кто-либо, могут судить о характере изменения облика степей в прошлом. Изучение находок древней пыльцы растений позволило Т. А. Абрамовой и В. И. Турманиной выделить следующие четыре периода в истории растительности Северного Прикаспия за последнее тысячелетие¹².

Первый период: VII—XII века. Характер древней пыльцы этого времени определенно свидетельствует о засушливых условиях региона. Основной фон растительности Прикаспия образовывали южные степи и полупустыни. Леса почти полностью исчезали. На древних картах того времени Каспийское море изображается в виде небольшого овала, в юго-восточной части которого выделялось отдельно Абаскунское море, существовавшее в V—X веках¹³. Этот контур усохшего Каспия хорошо согласуется с современными палеогидрологическими исследованиями, также выявляющими спад уровня вод в морском бассейне. Этот спад, именуемый дербентской регрессией, достигал восьми метров (современный уровень Каспия — минус 28 метров) и продолжался с конца V века нашей эры до XII века нашей эры¹⁴. Климат первого периода оценивается как теплый и засушливый.

Второй период: XIII — XVI века. Характер древней пыльцы резко меняется. Увеличивается количество пыльцы древесных пород, что указывает на появление долинных лесов — тугаев. Степи и полупустыни также меняют свой облик. Они становятся более увлажненными, благодаря чему широкое распространение получают лугово-разнотравные сообщества.

Биологическая продуктивность растительного покрова резко увеличивается. В полном соответствии с этим на древних географических картах региона увеличиваются размеры Каспия, появляются ранее не отмечавшиеся озера, реки, лесные массивы. Рожи лесов и отдельные деревья рисуются в междуречье Волги и Урала и даже в низовьях Эмбы¹⁵. Все это совпадает с подъемом уровня Каспия, где происходила так называемая позднейшая трансгрессия, которая с небольшими колебаниями продолжается до настоящего времени. Увеличение влажности и похолодание — характерные черты климата второго периода.

Третий период: XVII — первая половина XIX века. Спектры пыльцы указывают на дальнейшее увлажнение степей и полупустынь. Появляется все больше лесных участков из дуба, вяза, липы и клена. На многих картах этого времени рисуется большое количество лесных массивов, рек, озер. Побывавших в степях Прикаспия путешественников поражали обильные пастбища и многочисленные стада скотоводов — калмыков и казахов.

Уровень Каспия продолжал оставаться высоким. Климат был настолько холодным и влажным, что многие ученые относят это время к «малому ледниковому периоду». В лесных районах Русской равнины этот холодный период начался раньше — в XIII—XIV веках, когда здесь стали деградировать не только теплолюбивые широколиственные леса, но и ельники.

Четвертый период: последняя четверть XIX—XX век. Пыльцевые спектры отложений свидетельствуют о резком изменении растительности Северного Прикаспия. Исчезают многие лесные массивы. Степи усыхают, превращаясь в полупустыни. В литературе приводятся многочисленные примеры пересыхания рек и болот, обмеления и засоления озер, расширения площади сыпучих песков. Эти изменения совпадают с падением уровня Каспия, которое только в последние годы сменилось подъемом.

Таким образом, выявляется совершенно иная картина по сравнению с рассмотренной ранее схемой: трансгрессиям Каспия последнего тысячелетия соответствуют периоды увлажнения степей и полупустынь, а регрессиям — их усыхание. Пути циклонов с Атлантики на восток действительно могут смещаться, занимая то более северное, то более южное положение. Но их влияние часто не ограничивается какой-либо узкой полосой. Несущий влагу циклонический фронт может иметь широкую протяженность и охватывать как гумидную (лесную), так и аридную (степную) зону.

Именно такие обширные циклоны определяли климат Восточной Европы в периоды похолоданий. Одновременно увлажнялись степи и поднимался уровень Каспия. Кстати, трансгрессии (наступления) моря были связаны не только с увеличением осадков, но и с уменьшением испарения с поверхности моря из-за снижения температуры воздуха.

В периоды потеплений циклоническая деятельность снижалась. В летние месяцы над большей частью Европы простиралась область высокого давления — восточная периферия Азорского антициклона, расположенного в Северной Атлантике. Антициклональный летний режим определял потепление климата, сокращение осадков не только в степной, но и частично в лесной зоне Восточной Европы. В результате происходило падение уровня Каспия. Каспийское море является, таким образом, своеобразным барометром. Подъемы его уровня соответствуют падению давления, усилению циклонической деятельности и увлажнению степей, спады — росту давления и антициклонального режима и уменьшению осадков в аридной зоне.

«Барометр» Каспия хорошо выявляет бывшие лан-дшафтно-климатические изменения в степях Русской равнины, которые, однако, нельзя уверенно распространить

на всю аридную зону Евразии. В наше время известны случаи, когда при увлажнении степей в европейской части СССР происходило их иссушение к востоку от Урала, и наоборот.

Поэтому особую ценность представляют конкретные палеогеографические факты, добытые недавно в Центральной Азии — исходном регионе движения кочевников на запад. Китайские ученые, основываясь на чередовании лёссов и древних почв в четвертичных отложениях Китая, выявили четыре периода опустынивания восточной части сухих степей и полупустынь Евразии: современный; 400—600 лет назад; 1000—1200; 1500 — 1900 лет назад ¹⁶. Советские ученые установили, что резкое потепление климата в Монголии началось в конце XIII века — значительно позднее нашествий Чингисхана и Батыя ¹⁷.

Несмотря на отмеченные неточности, Л. Н. Гумилев высказал интересные идеи о необходимости учета ландшафтно-климатических изменений в степной зоне при изучении миграций кочевников. Монголо-татарские нашествия XIII века действительно проходили не по выжженной и бесплодной, а по цветущей и богатой пастбищами степи. Поэтому «ужасы голода» никак нельзя принять за серьезную причину, толкнувшую кочевников на запад. Более ранние перемещения кочевников крупного масштаба могли происходить и в периоды иссушения степи. Резкие климатические изменения, безусловно, усиливали миграцию. Дело, конечно, не в самом климате, а в его определяющем влиянии на биологическую продуктивность степи, которая сильно менялась во времени и в пространстве.

Эти различия могут пролить свет на некоторые причины перемещения степных племен. Продуктивность равнинных степей — годичный прирост растительной массы — значительно изменяется в направлении с севера на юг и с запада на восток. На севере зоны располагаются луговые степи, продуктивность которых в 2 или в 3 раза выше, чем в сухих степях и полупустынях на юге (см. табл.).

Продуктивность (т/га в год) растительного покрова степной зоны СССР ^{1а}			
Степи	Европейская часть СССР	Западная Сибирь и Казахстан	Забайкалье
Луговые (лесостепь)	19	20	20
Умеренно засушливые	20	16	12
Засушливые	13	15	11
Сухие	15	8	8
Полупустыни северные	6	6	6

Именно продуктивность степей определяла направления сезонных перемещений стад. Летом они двигались на север, к обильным пастбищам луговой степи, зимой — на юг, к бедным сухим степям и полупустыням, где все же можно было найти подножный корм и спастись от холодов и снегов севера. Именно поэтому столица Золотой Орды была основана в низовьях Волги, в зоне сухих степей — исходном и конечном пункте сезонных кочевий.

Существенные различия в биологической продуктивности прослеживаются и в широтном направлении. В резко континентальных областях Центральной Азии распространены в основном низкопродуктивные сухие степи, полупустыни и пустыни. По мере движения на запад степи становятся все более продуктивными за счет лучшего их увлажнения атлантическими циклонами. В западной части степной зоны, на европейской части СССР, преобладают наиболее богатые (до 20 т/га в год) луговые и умеренно засушливые степи. *Богатство пастбищ причерноморских равнин в значительной мере определяло стремление скотоводов-кочевников двигаться по степи в западном направлении.*

Легенды об этих благодатных краях передавались из поколения в поколение, достигая глубинных районов Центральной Азии. Поход войск Чингисхана в половецкую степь убедил монголо-татар в реальности этих преданий. Джучи — сыну Чингисхана — персидский писатель Джузджани в сочинении «Насиры разделы» (1259—1260 годы) приписывает такие слова о половецкой (кыпчакской) земле: «Во всем мире не может быть земли приятнее той, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обильнее этих». Об этой стране, «обильной пастбищами зимой и летом», говорил и Ибн аль-Асир¹⁹.

Отмеченные различия в продуктивности степей в северном, южном, западном и восточном направлениях сохранялись и в прошлом, хотя количественные показатели могли меняться. Границы степной зоны Северной Евразии установились в общих чертах около трех тысяч лет назад и в дальнейшем существенно не менялись.

Для полноты картины рассмотрим еще один фактор, действующий в системе «природа — общество». Речь идет о биологии человека, учет которой важен при решении сложных вопросов этой темы.

Напомним слова Н. Ф. Федорова, от философии которого, — выдвигающей на первый план активность совокупного человеческого разума, — нам не следует полностью отказываться, несмотря на имеющиеся у него неточности и противоречия. Он писал: «Из трех видов эволюции: неорганической (под- и пред-органической), органической (физиологической и психологической) и над-органической (культурной и социальной), ограничивать исторический процесс только последним (тогда как деятельность человеческая простирается и на первые два вида эволюции) есть крайний произвол...»²⁰ К близкому выводу приходят сейчас ученые, и в частности некоторые философы, мнение которых выразила Т. В. Карсаевская: «На современном уровне научного познания вряд ли приемлема абстрактная социологизация в понимании человеческого организма и тенденции его развития... Признание ведущей роли социального детерминирования во взаимодействии биологического и социального не исключает определенного обратного влияния биологических закономерностей на общественную жизнь»²¹.

На это обычно возражают следующее: поскольку биологическая компонента человека стабильна, а социальная — развивается стремительно, то последняя полностью подчиняет себе первую. Однако вряд ли можно говорить о полной консервативности биологии *Homo sapiens* с момента его появления около 40 тысяч лет назад только на основе постоянства строения костной системы. С другой стороны, несомненная замедленность биологического развития может как раз являться важным тормозящим фактором, определяющим некоторые стороны социальной сферы.

Нельзя сказать, что наука уже овладела рычагами, способными разрешить это противоречие, выражающееся в накоплении груза мутаций, врожденных аномалий, генетических болезней, психофизиологических расстройств и т. д. «В настоящее время уже ясно, что попытки до предела «социологизировать» и, так сказать, «онаучить» жизнь потерпели неудачу. Человек как мыслящее и чувствующее существо еще раз доказал, насколько он сложнее тех сциентистских ограниченных представлений о нем, которые когда-либо создавались в прошлом, существуют в настоящем и, наверное, будут создаваться в будущем»²².

Важнейшая функция всех жизненных форм на Земле заключается в стремлении к продолжению себя в потомстве. Этот всеобщий биологический закон, определяющий непрерывность существования видов, относится и к человеческому обществу. Реализация этой задачи в биологическом плане связана прежде всего с воспроизводством потомства, питанием родителей и подрастающего поколения. Для этого человеку всегда была необходима определенная территория Земли, откуда он черпал природные ресурсы главным образом для производства материальных благ.

Для кочевников-скотоводов, как уже говорилось, такая территория должна была быть гораздо большей по сравнению с территорией племен и народов, развивавших иные типы хозяйства. Это обстоятельство оказывало определенное влияние на социальную структуру кочевого общества. Все это вело к политической нестабильности в степной зоне и к «выплескивавшимся» за ее пределы нашествиям.

Конечно, не нужно впадать в крайность, биологизируя процессы, имеющие ярко выраженную социальную окраску. По этому пути идут те, кто пытается сравнить прослеживаемые в истории подъемы и спады в развитии отдельных народов с эволюцией индивидуального живого организма, ограниченной схемой «рождение — расцвет — плодоношение — смерть». Так рассуждал, например, знаменитый арабский писатель, историк и мыслитель Ибн Хальдун (1332 — 1406) — современник эпохи Куликовской битвы. «Государства, как и люди, — писал он, — имеют собственную жизнь. Они развиваются, достигают зрелого возраста, а потом начинают идти к упадку. Эти превращения совершаются не по произволу людей, а по объективным причинам. Каждое государство несет в себе неизбежные причины своего развития и падения»²³.

В конце XVII века наш великий соотечественник — писатель, поэт и историк Н. М. Карамзин, путешествуя по Западной Европе, писал по этому поводу следующее: «Наблюдайте движения природы, читайте историю народов в Сирии, в Египте, в Греции — и скажите, чего ожидать невозможно? Все возвышается или упадет: народы земные подобны цветам весенним; они увядают в свое время — придет странник, который удивлялся некогда красоте их; придет на то место, где цвели они... и печальный мох представится глазам его. ...Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий: одни уступают место другим, и если запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические объединения, процветут наука, искусство и художества»²⁴.

В дальнейшем Н. Я. Данилевский вывел особый «закон», по которому «ход развития культурно-исторических типов похож на многолетние однополые растения, у которых период роста неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения относительно краток и истощает раз навсегда их жизненную силу». «Для римского мира этот период расцвета составляет 400 лет, для Греции — 600 лет, для евреев от времени Самуила до Ездры и последних пророков — от 500 до 600 лет и т. д.»²⁵. В последнее время эти цифры, определяющие якобы периоды подъемов и спадов в развитии отдельных народов и их объединений, были удвоены и «округлены» до 1200 лет²⁶.

Обсуждение этой проблемы может увести нас в сторону от основной темы книги. Поэтому ограничимся лишь одним замечанием. Расцвет былых племен и народов должен определяться не по физиологической мощи людей и их объединений, а по их вкладу в развитие цивилизации, в мировую культуру, в поиск новых, прогрессивных форм развития человечества. Абсурдно считать, что монголо-татарские, фашистские нашествия относятся к периодам расцвета породивших их государств.

Подведем итог затянувшемуся рассказу о причинах миграций кочевников-скотоводов. Несмотря на всю условность выделения чистых типов миграций степняков (имевших часто смешанный характер), можно все же попытаться подразделить их на хозяйственные, спасительные и агрессивные * (* **Подробнее о различных типах и стадиях кочевания степняков см.: Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982.**).

Хозяйственные перемещения имели главным образом социальную основу, так как определялись особенностями экономики кочевников, находившихся в постоянном движении в поисках пастбищ. Такие передвижения скотоводов не выходили, как правило, за пределы степной зоны.

Спасительные миграции определялись экологическими кризисами, возникавшими в степях в связи с засухами и падением биологической продуктивности пастбищ. Гонимые бескормицей кочевники в этом случае иногда уходили за пределы привычной для них степной зоны.

Агрессивные миграции имели в основном социальные корни, они не могут быть объяснены ни хозяйственными нуждами, ни экологическими причинами. Орды воинственных кочевников в этих случаях выходили далеко за пределы степной зоны. В дальнейшем большая их часть должна была вернуться в степи, так как иначе они должны были бы изменить тип своего хозяйства, к чему кочевники еще не были подготовлены.

К этому третьему типу миграций, несомненно, относятся нашествия монголо-татарских орд Чингисхана, Батыя и Мамаю.

РУСЬ ПЕРЕД БИТВОЙ

Страшная туча батыевских орд ушла так же внезапно, как и появилась. Трудно даже представить степень разорения и опустошения земли Русской. В руинах и пепелищах лежали многие города и веси. Оставшееся в живых население скрывалось в лесных и болотных дебрях.

Епископ Владимирский Серапион писал в 1270 году: «Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и дане тяжкыя на ны не перестануть, глади, морове живот наших; и всласть хлеба нашего изъести не можем... Кровь и отец и братья наша, аки вода многа землю напои... множайша же братья и чада наши в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша»¹.

Созданной неимоверными усилиями земледельцев Северо-Восточной Руси системе сельского хозяйства был нанесен страшный удар. Перед монголо-татарским нашествием этот район (благодаря переходу от подсечно-огневой системы земледелия к паровой и трехпольной) находился в стадии хозяйственного расцвета². Особую роль играло испокон веков мало облесенное Владимирско-Суздальское ополье с его черноземовидными плодородными землями. Уже в XII веке этот район отличался от окружающих лесных территорий высоким уровнем пашенного земледелия, пришедшего на смену менее рентабельному подсечному, или лядинному, огневому земледелию.

В XII—XIII веках это ополье, пишет Г. Е. Кочин в книге «Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XIV в.», было житницей северо-востока Руси. Наиболее важными районами интенсивного развития полевого пашенного земледелия здесь были Юрьево Поле и Углече Поле. Благодаря эффективному сельскому хозяйству в этих плодородных районах возникли древнейшие и богатейшие города Северо-Восточной Руси: Ростов, Суздаль, а затем Владимир, Переславль-Залесский, Углич, Юрьев-Польский. Характерно, что большинство этих городов возникало не на больших водных путях, а вдали от них: в центре и по периферии плодородных ополей³. «Появление и рост в XII и в начале XIII в. новых городов — Москвы, Твери, Звенигорода, Клипа, Костромы, Дмитрова, Галича, Нижнего Новгорода и многих других — явилось результатом роста численности населения в районах их возникновения и экономического процветания этих районов»⁴.

Таким образом, ополья Ростово-Суздальской земли сыграли выдающуюся роль в русской истории. Они явились «ядром Северо-Восточной Руси, в котором, судя по археологическим памятникам, в домонгольское время наблюдается наибольшая концентрация населения и где сложилась значительная часть ресурсов, позволивших освоить весь Северо-Восток и в конечном итоге сыгравших определенную роль в формировании демографического ядра Московской Руси»⁵.

Многоплановая система экономики Древней Руси, сочетавшей земледелие, придомное скотоводство, бортничество, охоту, рыболовство и т. д., была хорошо приспособлена к развитию в различных типах ландшафтов. В этом отношении она резко отличалась от более однородного кочевого скотоводства, жестко привязанного к степной зоне. Владея большим спектром различных хозяйственных навыков, крестьяне Древней Руси с успехом осваивали и плодородные земли киевской лесостепи, и рязанские дубравы, и новгородские смешанные леса, и таежные дебри Белозёрья.

Наибольший хозяйственно-культурный эффект достигался не в однородных — степных или лесных — ландшафтах, а в контактной лесостепной зоне. Здесь соотношение тепла и влаги максимально сбалансировано, что определяет высокую биологическую продуктивность растительного и животного мира лесостепи. Зоологам и ботаникам это явление известно под названием «пограничного эффекта».

Только монголо-татарское нашествие не позволило Руси укрепиться в своих плодородных лесостепных районах и «шагнуть» в степь. С утратой богатейшей житницы — киевской лесостепи роль Владимирского ополья как зерновой базы Северо-Востока существенно возросла. Этот район привлек особо пристальное внимание завоевателей-кочевников.

Надежда, что после нашествия Батыя монголо-татары исчезли совсем, не оправдалась. Вскоре они вернулись на опустошенные русские земли и наложили на нее страшное ярмо — непомерную дань, высасывавшую на протяжении многих десятилетий все соки из плодов народного труда. В 1242 году большинство уцелевших русских князей были вызваны в ставку Батыя, где вынуждены были признать свою полную зависимость от Орды. С этого времени они по существу лишались политической независимости и должны были своим верноподданническим поведением добиваться татарского ярлыка — права на княжение, оговариваемого обязанностью выплаты огромной дани.

В 1246 году Батый попытался организовать систему сбора дани на Руси. Она выплачивалась деньгами, чаще мехами, а иногда и людьми, угоняемыми в рабство. Вот как писал об этом Плано Карпини: «В бытность нашу в Руссии был прислан туда один Саррацш, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитывал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платили такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя... И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба»⁶. Эта страшная система обескровливания Руси была упрочена при хане Мункэ. В 1253 году он распорядился произвести «исчисление народу» на русских землях для поголовного охвата населения поборами. Переписи населения, бесчинства оккупантов, экономический гнет — все это вызывало всеобщее возмущение русского народа, выливавшееся часто в восстания.

Русь не была окончательно сломлена. Многие города и земли еще сохраняли свои военные и экономические силы. Князь Даниил Романович Галицко-Волынский оказывал сопротивление ордынцам в Южной Руси. При первой возможности, используя междоусобицы ханов в Орде, русские князья прекращали или задерживали выплату дани.

Ростово-Суздальские земли превратились в опорный район присутствия ордынских надсмотрщиков, сборщиков дани в Северо-Восточной Руси. Избегая леса, они охотно селились на опольях, где чувствовали себя в большей безопасности. Крупная ордынская колония возникла в Ростове Великом. Она вызывала ненависть местных жителей, которые восставали и изгоняли пришельцев из города.

«В лето 1262 избавил бог людей Ростовской земли от лютого томления басурманского и вложил ярость в сердца христианам, не могли долгие терпеть насилия поганых. И созвонили вече, и выгнали басурман из Ростова, из Владимира, из Суздаля и из Ярославля. Ибо те басурмане откупали дань у татар и оттого творили людям великую пагубу. Люди христианские попадали в рабство в резах. И басурмане уводили многие души христианские в разные земли»⁷.

Но сил у ослабевшей, раздробленной Руси было все же еще мало. Отдельные разобщенные восстания и бунты подавлялись карательными набегами кочевников, опустошавших вновь огромные районы. Но эти жертвы не были напрасными.

«России определено было высокое предназначение... — писал А. С. Пушкин. — Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего востока». Этот факт извращается в европейских журналах, замечает он, «но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»⁸. Невольно напрашивается аналогия с нашим временем, когда западные буржуазные журналисты и историки искажают и преуменьшают решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии.

«XIII век был веком громадного напряжения сил всего русского народа. В то время как среднерусские княжества задыхались под игом Орды, на северо-западе на новгородские и псковские земли постоянно нападали немцы, шведы, датчане и литовцы. Эта борьба, длившаяся целое столетие, достигла наибольшего напряжения в первые годы после Батыева нашествия»⁹. Битвы на этом фронте Руси, как хорошо известно, ознаменовались блестящими победами русского войска под водительством Александра Невского. В битве на Неве в 1240 году его полки одержали убедительную победу над шведами. Через два года на льду Чудского озера он наголову разгромил ливонских рыцарей, надолго охладив их пыл продвижения на восток.

Мудрый политик, Александр Невский отчетливо сознавал невозможность успешной борьбы Руси в то время со всеми обступившими ее врагами. Трезво оценивая соотношение сил, он ясно понимал невозможность открытой конфронтации ослабевшей Руси с могущественной Ордой и старался вести по отношению к ней примирительную политику, хотя бы частично ограждавшую Русь от нашествий. Эта политика принесла определенные плоды: по свидетельству историков, «в 40-х годах XIII века на Русь не было совершено ни одного похода татар». Однако отношения с Ордой никогда не были равноправными и мирными. «До середины XIV в. на земли Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было совершено более 20 военных нападений золотоордынцев»¹⁰.

Александр Невский никогда не был организатором системы якобы равноправного «симбиоза Руси с Ордой», что пытались доказать некоторые дореволюционные и современные историки. Корни идеи о возникновении чуть ли не взаимовыгодного союза Руси с Ордой прослеживаются еще в работах Н. Я. Данилевского. «Татарские набеги были тяжелы и опустошительны, но татарская власть была легка, — считает он. — Вся эта буря прошла бы даже, может быть, бесследно (как бы без постоянного вреда, так и без постоянной пользы)». Даже дань объявлялась Н. Я. Данилевским относительным благом, позволившим «внести более строгие формы народной зависимости по отношению к государству, которое после монголо-татарского ига продолжено московскими князьями, а затем и царями»¹¹.

Эту идею развил Л. Н. Гумилев. По его мнению, «две кампании, выигранные в 1237—1238 и 1240 гг., не намного уменьшили русский военный потенциал»¹². Таким образом, небывалые по масштабам и жестокости нашествия Батыева объявляются всего лишь заурядными военными кампаниями. Вполне приемлемый «симбиоз» Великороссии с Золотой Ордой, по Л. Н. Гумилеву, осуществлялся вплоть до 1312 года, когда царевич Узбек «объявил ислам государственной религией, обязательной для всех его кочевых подданных»¹³. До этого времени порядок, установленный на Руси во второй половине XIII века, хотя и был «далек от идеала», но в целом якобы являлся вполне приемлемым. Критику идей Л. П. Гумилева дал Б. А. Рыбаков. Он отметил оторванность подобных дедуктивных «озарений» от исторических материалов, и в частности от летописных источников

Особо важно подчеркнуть, что *последствия нашествий Батыева и последующих кровавых набегов Орды трагическим образом сказались не только на современниках этих*

событий, но и на жизни многих последующих поколений русского народа. Это была глубокая, долго не заживавшая не только физическая, но и морально-психологическая травма. Она иссушала душу народа.

Но Л. Н. Гумилев был прав, когда обратил внимание на усилившуюся угрозу Руси после принятия Золотой Ордой в 1312 году единой религии — ислама. Монгольские племена, как известно, придерживались шаманизма, длительное время оставшегося господствующей формой их вероисповедания. В отношении других религиозных традиций они отличались — до поры до времени — веротерпимостью и гибкостью. Ордынские ханы своими ярлыками определяли права и преимущества русского духовенства, стараясь расположить его в свою пользу. Ярлыки запрещали нарушать права духовенства, которое судилось своим, независимым судом, было свободно от податей. Крестьяне, жившие на церковных и монастырских землях, освобождались от дани и других повинностей. Подобные льготы привлекали сюда многих переселенцев. Число восстановленных и вновь построенных монастырей резко увеличилось в XIV веке.

«Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно — в течение двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели непрерывную летопись... Но внутренняя жизнь поработанного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля»¹⁴.

Объединение разноплеменной массы кочевников под флагом единой религиозной идеологии призвано было придать кочевникам новую силу. С этого времени Русь действительно находилась под угрозой не только экономического, но и духовного поработания. Но центробежные процессы феодальной разобщенности оказались более могущественными. Затяжные политические и династические кризисы начали подтачивать и разрушать, казалось бы, незыблемый ордынский монолит. Такие кризисы особенно обострились в Орде после смерти Менгу-Тимура в 1281 году.

При малейшем ослаблении монголо-татарского гнета русский земледелец быстро набирал силу. Несмотря на все страшные невзгоды, утраты, он упорным трудом создавал материальную основу для освобождения. Специалисты по древнерусскому земледелию свидетельствуют, что к концу XIV века Русь не только восстановила свое сельское хозяйство, но и шагнула вперед. Это произошло благодаря применению эффективных методов хозяйствования: полному отказу от подсеки и «повсеместному применению полевого пашенного земледелия»¹⁵.

В кромешной мгле, окутавшей Россию со времени нашествия Батыея, забрезжил рассвет. Навстречу ему шли объединенные полки Северо-Восточной Руси под водительством Великого князя московского Дмитрия Ивановича на Куликово поле. Они бросили вызов монголо-татарскому владычеству и готовились вступить в открытый бой с Ордой.

К ДОНУ ВЕЛИКОМУ

Уже в начале лета 1380 года до Руси стали доходить слухи о предстоящем нашествии Мамаея, который к тому времени захватил власть в Золотой Орде и кочевал где-то в заволжских степях. Собрав старейшин, он стал расспрашивать их о старых деяниях Батыея. Выслушав старейшин, Мамаея «разъярился» — летопись рисует его как высокомерного и крайне неуравновешенного человека — и «вознесся гордостью свыше Батыея»¹.

Его планы нового нашествия имели еще более зловещий характер. Он намеревался осуществить не просто набег с целью грабежа и увеличения размеров дани, а полностью захватить и окончательно поработить русские княжества: «...какие города наилучше понравятся нам — тут и оседем, и Русью завладеем»². Особую ярость вызывала у Мамаея Москва, ставшая к тому времени центром объединения русских сил против Орды.

Растущую мощь этих сил продемонстрировал Великий московский князь Дмитрий Иванович. Всего два года назад (в 1378 году) на реке Воже (правый приток Оки) он разбил крупный монголо-татарский отряд. В этом бою были убиты некоторые военачальники Мамаю.

Дмитрий Иванович был молод: только через месяц после Куликовской битвы ему исполнилось 30 лет. Письменные источники, несмотря на этикетный характер описания видных деятелей средневековья, доносят до нас живой образ Великого князя московского. Он высок, дороден, темноволос, с окладистой бородой и большими умными глазами. Дмитрий Иванович часто прислушивается к мнению соратников, но в ответственные моменты действует решительно и самостоятельно.

«Молодость (умер 39 лет), с 11 лет на боевом коне, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполненное шумом и тревогой его 30-летнее княжество, и более всего великое побоище на Дону, положили на него яркий отблеск». Такую характеристику дает Дмитрию Донскому историк В. О. Ключевский. (Сочинения. Т. II. Курс Русской истории. Ч. 2. М., 1957. С. 145).

Перейдя Волгу, Мамай со своими ордами вторгся в восточноевропейские степи. Он дошел до Дона и стал кочевать где-то в районе его левого притока — реки Воронеж, намереваясь ближе к осени идти на Русь. Обычно считают, что он выжидал время для объединения своих сил с войсками литовского князя Ягайла и Олега Рязанского. Но гордый Мамай считал, что способен самостоятельно, без помощи союзников, осуществить свои планы. В этом случае вся слава и добыча досталась бы ему одному.

Главная причина задержки нашествия — иная. Мамай ждал осени, когда русские земледельцы соберут урожай. Его приказ гласил: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба»³. Это высказывание Мамаю отмечено лишь в одной — Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Его следовало бы, по логике некоторых исследователей, определяющих достоверность сообщения по многократности его повторения в различных списках «Сказания», считать поздней, не соответствующей действительности вставкой. Ведь широко распространено мнение, что ордынские кочевники почти не занимались земледелием.

Но вот совсем недавно при раскопках золотоордынских городищ Актобе и Сарайчик (Гурьевская область) в культурном слое XIV века ботаники обнаружили пыльцу пшеницы, овса, ячменя и проса⁴. Эти находки наряду с некоторыми письменными данными, несомненно, свидетельствуют о выращивании хлебов в местах более или менее постоянных поселений кочевников этого времени. Приведенный пример показывает, с каким вниманием следует относиться к текстам «Сказания», объявляемым иногда поздним и не вполне достоверным изложением событий эпохи Куликовской битвы.

Узнав о надвигавшейся грозе, Великий князь Дмитрий Иванович сразу принял меры по укреплению Москвы, Коломны, Серпухова и других городов⁵. Москва становится организационным центром подготовки отпора новому нашествию. Вскоре сюда прибывают многие ближайшие князья и воеводы. Среди них первым был будущий герой Куликовской битвы, двоюродный брат Дмитрия Ивановича храбрый и энергичный князь Владимир Андреевич.

Церковь советует Дмитрию Ивановичу задобрить Мамаю, удовлетворив его требование о непомерном увеличении дани: «...сколько можешь собрать золота и серебра, пошли ему и укроти его ярость»⁶. В Орду направляется многоопытный посол Захарий Тютчев. Еще в пути он узнает о заговоре против Москвы (между Мамаем, Ягайла Литовским * (* В польской исторической и научно-популярной литературе имя этого Великого литовского князя пишется и произносится несколько иначе: Ягелло.) и Олегом Рязанским) и сообщает об этом Дмитрию Ивановичу. Зловещее известие о возможном объединении противников не сломало Великого князя, хотя он «впал в великую скорбь и печаль», особенно из-за измены рязанского князя.

Сразу были разосланы гонцы по всем русским землям «собирать всех людей в войско». Первый призыв («да готовы будут против татар») был послан, вероятно, еще в июне, после встречи Дмитрия Ивановича с ближайшими князьями и воеводами на пиру у воеводы Микулы Васильевича. К этому времени были получены точные сведения о неизбежности нашествия Мамаю на Русь. Сбор общерусского воинства был назначен в Коломне, по одним источникам на 11 июля⁷, по другим — на 31 июля⁸.

Высылается в степь первая разведка — сторожевая застава — во главе с испытанными, закаленными в битвах витязями: Родионом Ржевским, Андреем Волосатым, Василием Тупиком, Яковом Ослябьевым и другими. Главная их задача: добыть языка для выяснения ближайших намерений Мамаю. Дозор направился к Тихой, или Быстрой, Сосне — правому притоку Дона. Отсюда до кочевий Мамаю в районе устья реки Воронеж оставалось «рукой подать» — около 120 километров. Позднее именно через Тихую Сосну двинулись на Куликово поле ордынские полчища. Здесь проходили какие-то старые дороги, по которым степняки совершали частые набеги на русские земли. Запись в «Книге большому чертежу» (XVII век) свидетельствует: «А ниже Луковца пала в Сосну река Хвошна, от Ливен верст в пол 30 (т. е. 25 километров.— Н. Х.); а на усть Хвошны брод на Сосне, ходят татаровя на Русь»⁹.

Крепко надеялся Дмитрий Иванович на первую дозорную стражу. Каждый день с нетерпением ожидали ее возвращения. Но степь как бы поглотила витязей, и не было от них вестей. Тревога росла, и вслед был послан второй сторожевой отряд — Климент Полянин, Иван Святослав, Григорий Судок и другие — с приказом быстро выяснить обстановку и немедленно вернуться.

Вскоре долгожданные известия были получены. Второй сторожевой отряд встретил в пути возвращающихся первых разведчиков, которые вели с собой ордынского языка. Пленный поведал, что Мамаю непременно двинется на Русь. Но он не торопится, поджидая Ягайла Литовского и Олега Рязанского, а также осени, когда «возрастут плоды земные».

Нервное напряжение немного спало. Получив важную временную передышку, Дмитрий Иванович энергично занялся делами консолидации общерусского войска. Был разослан новый приказ о сборе в Коломне 15 августа, где каждому полку будет назначен воевода.

...И закружились пылью дороги вокруг Москвы под мерной поступью воинов, стекавшихся сюда из различных княжеств земли Русской. Особое восхищение москвичей вызвали блестяще снаряженные доблестные белозерские полки со своими князьями: Федором Семеновичем, Семеном Михайловичем, Андреем Кемским, Глебом Каргапольским и другими. Все они сложат свои головы на Куликовом поле, ни шагу не отступив на самом решающем и страшном участке сражения. Подошли дружины ярославских князей: Андрея Ярославского и Романа Прозоровского, Льва Курбского, Дмитрия Ростовского. К ним присоединились и устюжские полки и другие войска со своими князьями и воеводами.

18 августа Дмитрий Иванович побывал в Троицком монастыре и получил благословение на битву с Ордой от его основателя — игумена Сергия Радонежского. Этот старец своей подвижнической жизнью, бескорыстием и мудростью снискал огромный авторитет среди различных слоев населения. Он играл видную роль в общественной и духовной жизни Руси. По просьбе Великого князя Сергей посылает с ним на битву двух своих иноков — Пересвета и Ослебя — бывших воинов, «полки умеюща рядити» и способных «к воинственному делу и наряду»¹⁰.

27 августа войско вышло из Москвы в Коломну по трем дорогам, «ибо нельзя было вместиться на одной». На следующий день в Коломне состоялся общевойсковой смотр, на котором каждому полку был назначен воевода. Выйдя из Коломны, русские войска дошли до устья реки Лопасни (приток Оки) и остановились, «перехватывая вести» об ордынцах.

Здесь к Дмитрию Ивановичу присоединился его воевода Тимофей Васильевич с большим дополнительным войском из Москвы. Оставив его у Лопасни ожидать пехоту и другие отставшие дружины, Великий князь сделал свой первый шаг навстречу врагу. Он переправился через Оку — главный южный оборонительный рубеж Руси против кочевников, так называемый Берег. «Бороня Русь», Дмитрий Иванович уже стоял на Берегу в 1373, 1376, 1378 годах¹¹. Своим решительным ходом он разрушил единство противостоящего ему «триумвирата», приведя в замешательство Ягайла Литовского и Олега Рязанского. Вклинившись между ними, Дмитрий Иванович разъединил этих своих противников, так как осложнил возможность их переговоров и совместных действий.

Первого сентября Великий московский князь пришел на место, именуемое Березуй, примерно в 25—30 километрах от Дона. Здесь к нему присоединились литовские князья, перешедшие еще раньше на сторону Москвы. Это были братья и противники Ягайла: Андрей Ольгердович Полоцкий с псковским войском и Дмитрий Ольгердович с переславскими дружинами. Объединение сил общерусского воинства, которому предстояло выйти на Куликово поле, было завершено.

В разведку к верховьям Дона, навстречу ордынским заставам, был отправлен еще один сторожевой отряд. В его состав вошли лучшие витязи: Семен Мелик, Игнатий Креня, Фома Тынина, Петр Горский, Карп Олексин, Петруша Чуриков и многие другие удалые всадники.

Пятого сентября разведка вернулась с новым языком — знатным ордынцем. Пленный рассказал, что Мамай с бесчисленными ордами стоит на Кузьмине гати, не спеша поджидает союзников и ничего не знает о приближении русского войска.

Чтобы добыть столь важного свидетеля, дозорному отряду, несомненно, пришлось переправиться через Дон и познакомиться с местностью в районе Куликова поля. Ведя постоянную разведку, русское командование всегда было хорошо осведомлено о расположении и намерениях противника. Часть сведений они могли, вероятно, получить от своих земляков, живших в ту пору в долинах Непрядвы и Дона.

Трудно, невозможно представить, что все эти рассказы о сторожевых дозорах являются вымыслом или поздней интерпретацией «былинных» слухов, дошедших якобы до авторов «Сказания» спустя более чем век после Куликовской битвы. Я не вижу причин, которые могли бы побудить летописцев измышлять имена участников сражения. От этих вошедших в историю имен мы не вправе отказываться.

Русское войско вышло к верховьям Дона в районе устья реки Непрядвы. Здесь Дмитрий Иванович должен был принять еще одно важное стратегическое решение: переходить ли Дон навстречу Мамаю или оставаться на его левом берегу, заняв выжидательную позицию. Перейдя Дон и оставив его за спиной, русские войска отрезали путь к отступлению. С другой стороны, они прикрывали свой тыл, загоразживаясь Доном от Олега Рязанского, удар которого в спину нельзя было полностью исключить. Взвесив все «за» и «против». Дмитрий Иванович принимает активный вариант действий — решает перейти Дон. Он пришел сюда не для того, чтобы «Ольга смотрети, ни реки Дона стресчи».

Решив перейти Дон. Дмитрий Иванович опирался в первую очередь на охватившую все войско непреклонную решимость сокрушить врага или умереть. Выражая общее настроение, он сказал: «Или землю Рускую от пленения и разорения избавлю, или голову мою за всех положу, честная бо смерть есть лучше злаго живота»¹². Этот энтузиазм подкреплялся военной мощью собранных полков.

Исследователи отмечают возросший профессионализм русского войска ко времени Куликовской битвы. При Дмитрии Ивановиче значительно увеличилось постоянное ядро войска — «двор», состоявший из опытных, закаленных в сражениях воинов. Появились отдельные ударные соединения тяжелой кавалерии. Это была так называемая «кованая рать» — одетые в броню всадники и лошади.

Несмотря на почти полную изоляцию Северо-Восточной Руси, много оружия было получено из заморских стран. «Задонщина» сообщает: «А воеводы у нас мужественные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкесские, а щиты московские, а сулицы (короткое копье.— Н. Х.) немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные». В целом русская рать была хорошо, можно сказать, заботливо снаряжена для решающей схватки с Ордой.

Приказав переправляться через Дон, Дмитрий Иванович велел «мостить мосты и искать броды». Это распоряжение было вызвано в первую очередь необходимостью переправы огромного тележного воинского обоза, а не самих воинов. Наши исследования показали, что уровень вод в Непрядве и Доне был в эпоху битвы низкий, меженный, как обычно бывает осенью на русских реках. Представление, что эти реки в эпоху Куликовской битвы были судоходными, не подтверждается ни палео-географическими, ни историческими данными. В 1389 году, через девять лет после сражения, состоялось путешествие митрополита Пимена в Царьград. Маршрут проходил по Оке и ее притокам к верховьям Дона. На Дону, в районе устья Непрядвы, путешественники оказались в мае. Но даже тогда Дон был настолько мелким, что плоскodonные струги шли по нему незагруженными, а груз следовал сухим путем¹³.

Это ни в коем случае не умаляет значения переправы русского войска на правый берег Дона. Рельеф долины в районе слияния Непрядвы с Доном в любом случае являлся значительным препятствием при необходимости поспешного отступления.

Переправа началась, вероятно, еще 6 сентября и продолжалась на следующий день. Она могла происходить в двух километрах ниже устья Непрядвы, в районе нынешнего села Татинки, или несколько ниже — в районе устья реки Мокрой Таболы. Примерно в это время Дмитрий Иванович с князьями и воеводами обзирал все русские полки с «высокого места» — скорее с высокого правого берега Дона. И увидели они, как «стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить, богатыри же русские и их хоругви точно живые колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся»¹⁴. Разве можно сказать, что в этих строках нет и тени поэзии?*. (* Из этого текста ясно, что смотр состоялся днем 6 или 7 сентября, до заката солнца, которое отражалось на шлемах воинов. 8 сентября этого уже не могло быть, так как утро дня битвы было туманным.)

Сколько же воинов собралось под русскими стягами перед Куликовской битвой? Древние письменные источники донесли до нас явно преувеличенные и противоречивые сведения: от 400 до 150 тысяч бойцов. Ближе всех к истине, вероятно, В. Н. Татищев, по мнению которого русских было примерно 60 тысяч человек. К такой же цифре склоняется большинство современных военных историков, определяющих общую численность русского войска в 50—60 тысяч бойцов¹⁵. Ордынские силы оцениваются примерно в 80—90 тысяч воинов¹⁶.

На Куликово поле вышли полки почти всех княжеств Северо-Восточной Руси. Там не было только дружин князей Олега Рязанского, Святослава Смоленского, Михаила Тверского и нижегородского князя Дмитрия Константиновича.

Отсутствие на Куликовом поле рязанских воинов вполне понятно. Их князь, опасаясь все большего усиления Москвы, вступил в недальновидный союз с Мамаем. При этом надо учитывать трагическую судьбу Рязанского княжества, терзаемого с X по XIV век бесконечными внешними врагами и княжескими междоусобицами. Расположенное на самой южной окраине лесной зоны, рядом с «дикой» степью, оно первым подвергалось ударам кочевников. Княжество неоднократно «стиралось с лица земли». За два года до Куликовской битвы его разорили орды Мамаю и «бысть пустота многа в земли Рязанстей»¹⁷.

Но жизнь здесь каждый раз вновь возрождалась. Стойкость и сила возвращавшихся на опустошенные земли русских земледельцев вызывает восхищение. «Мощь и

жизнеспособность великого княжества Рязанского объяснялись несомненно прочной материальной базой, ее сельским хозяйством. Ко времени нашествия татар Рязанская земля была одним из наиболее сильных княжеств на Руси»¹⁸. Здесь жили сильные и отважные русские люди, и не их, а княжеской виной было отсутствие рязанских полков на Куликовом поле.

Этими же причинами можно объяснить и отсутствие нижегородских, тверских и смоленских дружин. Их князья вели честолюбивую политику за свое первенство в Северо-Восточной Руси. Отношения с Дмитрием Ивановичем были крайне напряженными, а иногда и откровенно враждебными. За пять лет до Куликовской битвы, например, происходил объединенный поход русских князей с Дмитрием Ивановичем против тверского князя Михаила Александровича.

Считается, что на Куликовом поле не было и новгородских полков. В новгородских летописях действительно ничего об этом не сказано. Но в Синодике 1552 — 1560 годов церкви Бориса и Глеба в Новгороде сказано: «...на Дону избивенных братии нашей при великом князе Дмитрие Ивановиче»¹⁹. В «Задонщине» прямо говорится об участии новгородских посадников в сражении. В летописях, использованных В. Н. Татищевым, упоминается, что новгородский полк вместе с псковским был поставлен на правый фланг общерусского войска²⁰. Отсутствие в новгородских летописях соответствующих указаний можно объяснить сложным характером взаимоотношений Новгорода с Москвой после Куликовской битвы. Процесс присоединения Новгородской республики не был спокойным, безмятежным и завершился только при Иване III, в 1478 году.

...7 сентября в шестом часу после восхода солнца примчался из очередного дозора Семен Мелик с дружиной. По пятам за ними гнались ордынские разъезды, которые чуть не настигли их. Увлеченные погоней, татарские всадники не видели ничего, кроме преследуемых. Но вдруг они резко осадили степных коней. То, что они увидели, ошеломило их. Перед ними стояли готовящиеся к битве русские полки, количество и мощь которых они сразу оценили. Только теперь, за сутки до начала битвы, Мамай узнал о близости русской рати. Для раздумий у него было мало времени. Повернуть назад, маневрировать Мамай не хотел: гордыня и ярость заставляли его идти вперед.

Примчавшийся Семен Мелик сообщил, что Мамай уже перешел Гусиный брод, «и одна только ночь перед нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы»²¹. Получив это известие, Дмитрий Иванович с князьями и воеводами уже 7 сентября начал расставлять войска на Куликовом поле. Решение было верным. В туманной мгле утра следующего дня они не успели бы продуманно сделать это. Военачальники уже хорошо ориентировались и ставили русские полки с учетом рельефа, облесенности местности и т. д. Воинам каждого полка Великий князь говорил: «И здесь будьте каждый на своем месте — завтра некогда будет готовиться, уже ведь гости наши близко, на реке Непрядве»²².

ГДЕ ЖЕ НЕПРЯДВА?

Перейдя Дон и разрушив за собой мосты, русские полки вступили на Куликово поле. Каждый из них заночевал на своем, определенном воеводами месте. Темный покров ночи опустился на Поле. Наступила тревожная, для многих воинов последняя ночь. Летописец свидетельствует: «Осень же бе тогда долга, и дни солнични и светли сияющие, и теплота велия бысть же в ту ночь теплота и тихость велия»¹. Трудно более точно описать бабье лето. Именно в сентябре здесь наступают погожие дни.

Глубокой ночью на Куликовом поле происходило загадочное событие. Оно известно под названием Сцены гадания и интересно нам для уточнения некоторых географических ориентиров. В этой сцене участвовали Великий князь Дмитрий Иванович и Дмитрий Михайлович Боброк (Волынский) — «воевода нарочит и полководец изящен и удал зело». Боброк руководил расстановкой полков на Поле. В дальнейшем именно его

выдержка и мудрость сыграют решающую роль на завершающем, самом драматическом, этапе сражения.

Дмитрий Боброк предложил Великому князю выехать в Поле, где по известным ему приметам он попытается предсказать исход сражения. Это было необходимо, чтобы отвлечься от тревожных дум, снять накопившееся нервное напряжение, укрепить веру в победу. Скрытно от всех они отъехали от лагеря и стали в поле посередине — между русскими и ордынскими полками. Вот как описывает эту сцену Александр Блок в поэтическом цикле «На поле Куликовом»:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень,
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не сыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

...Выехав в центр места будущей битвы, оба Дмитрия огляделись вокруг. Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» сообщает, что в первую очередь они обратились в сторону ордынского стана. В той стороне были слышны «крики и стук великий, как будто на торг съезжаются, будто город строят». А еще дальше, в той же стороне, «зловеще выли волки»².

В какой же стороне находился стан Мамаея? Его войска приближались к Куликову полю, несомненно, с южной стороны. Далеко за полночь, т. е. уже в начале 8 сентября, он должен был выйти к Непрядве. На плане Куликова поля, опубликованном С. Д. Нечаевым в начале XIX века, показаны две старинные большие дороги, идущие с юга на север. Одна из них — дорога из Ефремова в Елифань, другая — из Данкова в Богородицк. Обе они сходятся на юго-западной окраине Куликова поля, где на Непрядве имеются многочисленные броды. Сюда и должны были, вероятно, выйти войска Мамаея, независимо от того, по какой дороге с юга они двигались.

Можно, конечно, возразить, заметив, что в XIV веке указанных городов еще не было и дорожная сеть в районе Куликова поля была совершенно иной, чем в начале XIX века. Но многие (даже современные) дороги имеют очень древние корни. Примером может служить Ярославский тракт от Москвы через Загорск, Переславль-Залесский, Ростов Великий, который еще недавно на многих участках был связан со старой дорогой. Старинные дороги закладывались с учетом характера рельефа, наличия бродов и других особенностей местности. В некоторых случаях они являлись причиной, а не следствием возникновения населенных пунктов.

К западу от Куликова поля пролегал Муравский шлях — древний путь проникновения кочевников на Русь⁴. Эта дорога по своему положению и направлению примерно совпадает с современным отрезком Симферопольского шоссе в Тульской области.

Наиболее близко (около 60 километров) Муравский шлях приближается к району Куликова поля в районе верховьев Красивой Мечи. Именно в этом пункте ордынцы, а затем крымские татары сворачивали, вероятно, с древней дороги на восток, выходя в район Куликова поля.

Таким образом, участники Сцены гадания, по всей вероятности, были обращены к юго-западу, где находились войска Мамаю. Справа от них, свидетельствует далее Киприановская редакция, «был переполох великий среди птиц: кричали и хлопали крыльями и каркали вороны, и орлы клекотали на реке Непрядве». Потом обернулись они «на полк русский», и была там «тихость великая» и от множества огней как бы занималась заря. Все это было истолковано Дмитрием Боброком как доброе предзнаменование.

Для нас важно, что Непрядва располагалась справа от наблюдателей, когда они смотрели в сторону Орды в юго-западном направлении. А это могло быть только в случае, если они находились на правом берегу этой реки. На левобережье Непрядвы обязательно должна была оказаться по левую сторону от стоявших там наблюдателей.

Казалось бы, все ясно: поле битвы располагалось на правобережье Непрядвы. Но сторонники «левобережной» концепции ссылаются на другие списки «Сказания о Мамаевом побоище», которые, по их мнению, подводят к противоположному выводу. Указывают, например, на Основную редакцию «Сказания», где отмечается следующая ориентировка. Впереди наблюдателей слышался шум татарского полка, за которым выли волки; по правую сторону — карканье ворон и «трепет птичий великий»; по левую — «гроза велика зело; по реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающие»⁵.

Из этого текста делается вывод, что Непрядва находилась слева от наблюдателей. В этом случае стан ордынцев должен был находиться на западе, на левобережье этой реки, где якобы и произошло сражение. Однако выражение «по реце же Непрядве» указывает, скорее всего, на четвертую, неучтенную раньше сторону ориентировки. Такой стороной могла быть только местность, находившаяся позади участников Сцены гадания. Таким образом, они опять оказывались на правобережье Непрядвы, где и должна была совершиться битва. Конечно, можно говорить, что приведенные цитаты, как и вся Сцена гадания, являются поздними вымышленными вставками, не отвечающими действительности. Но не будем торопиться с выводами и продолжим рассказ о ночных событиях на Куликовом поле.

Дмитрий Боброк продолжал испытание своих примет. Сойдя с коня, он припал ухом к земле и долго вслушивался в таинственные звуки ночи. Ему слышалось: как будто бы плачет земля на два голоса: «Одна сторона земли, как некая женщина, безутешно плакала и кричала неистово по-татарски о детях своих... А другая сторона земли, как некая девушка, плакала и стонала жалобным голосом, как свирель, в скорби и печали великой». И сказал Боброк Великому князю: «Во многих боях я бывал и много узнал военных примет — понятны мне они и известны. Надейся на милость божию — ты победишь татар. Но великое множество воинов твоих христианских погибнет от меча»⁶.

Этим по существу кончается Сцена гадания: только в самом конце описание приобретает религиозную окраску. В основе ритуала испытания примет лежат не христианские, а скорее языческие корни, а также военные традиции прошлого. Это подтверждает и летописец: «Зде читая о приметах, да не помыслиши любезный читатель! Оные военные приметы быти вражбитства или волшебства, богу и вере христианской противная... волшебство бо и вражбитство есть от диавола, злобе всегда ходатаиственно; примета же от искусства человеку бывает»⁷. Сцена гадания явно связана с одухотворением явлений природы. Духовный мир русских людей XIV века, как и древних язычников, был тесно слит с природой, во многих явлениях которой они видели проявление духовных черт. Некоторые черты их психологии и действий нельзя оценивать современными мерками.

Возможно, что именно многоопытный воин Боброк посоветовал Великому князю в ту ночь на Куликовом поле не стоять во время битвы под великокняжеским стягом. «Сказание о Мамаевом побоище» рисует Дмитрия Боброка волевым, сильным, умудренным жизненным опытом. Вряд ли такой живой образ можно придумать спустя полтора столетия после битвы.

Есть все основания верить, что в ночь на 8 сентября 1380 года воевода Боброк и князь Дмитрий выезжали на Куликово поле, где они, чутко прислушиваясь к дыханию природы и человека, укрепили свою веру в победу.

ЗЛАЯ СЕЧА

Едва забрезжил рассвет 8 сентября 1380 года. Чутко дремавшие воины скорее почувствовали, чем увидели, понемногу светлеющее небо. Плотная мгла тумана окутывала Куликово поле.

С этого момента письменные источники дают нам возможность проследить за волнующими событиями приближавшегося сражения с точностью до часа. Мы часто справедливо сетуем на краткость, отрывочность многих страниц нашего далекого прошлого, огорчаемся, что летописцы не всегда подробно описывали важнейшие этапы нашей средневековой истории и роль выдающихся личностей. Валентин Распутин, рассказывая о покорении Сибири Ермаком, заметил, что рядом с этой яркой фигурой не оказалось расторопного историка, который бы сообщил нам из прошлого подробности его военного похода¹.

Но еще хуже, когда из сохранившихся древних письменных родников мы не всегда полностью черпаем живительную влагу. Это в первую очередь касается «Сказания о Мамаевом побоище», многие части которого объявляются некоторыми учеными вымышленными. Но это не былина или сказочное предание, а художественная летопись, фиксирующая события прошлого.

Время представлено в «Сказании» в такой последовательности. Вначале оно отмечается годами, сезонами, месяцами, иногда точными датами. Затем, по мере приближения к битве, время как бы прессуется. Автор начинает фиксировать события почти каждого дня и наконец, в период сражения,— с точностью до часа. Счет времени дня тогда начинался с восхода солнца; оно вошло в тот день около 5 часов 30 минут.

К началу второго послерассветного часа (приблизительно в 6 часов 30 минут) зазвучали сигнальные трубы. Сквозь разрывы метавшихся по Полю ключев тумана воины увидели свои полковые стяги. Загудела земля от топота бежавших к своим знаменам бойцов. Склонилась к земле ковыль-трава, осыпаясь утренней росой. Мгла немного рассеялась, но полки еще не видят друг друга. Еще перед рассветом сторожевые сообщили о приближении ордынцев. Но и без этой вести «слышан был топот конский и шум великий».

Великий князь с воеводами в последний раз объезжает войска, укрепляет их дух и веру в победу. Затем он возвращается под великокняжеский стяг с изображением Спаса Нерукотворного. Какой цвет имело главное знамя общерусского войска? Во всех редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» отмечено, что оно было черным. Некоторые ученые не согласны с этим, считая, что в первоначальном, не дошедшем до нас тексте оно обозначалось как «чермное», т. е. красное. В дальнейшем при многочисленных переписываниях надстрочная буква «м» была утрачена, и красное знамя превратилось в черное.

В летописных материалах В. Н. Татищева говорится еще об одном великокняжеском стяге. Во время утренних воинских перестроений Великий князь «шед под своим белым знаменем»². Около этого стяга он снял с себя «поволоку князю и, возложив оную на любезного своего Михаила Александровича Брянского, и посади его на своего коня, повелел быти ему во свое место под большим знаменем». Этот же эпизод

описывается в «Сказании о Мамаевом побоище», но там Михаил Брянский назван Михаилом Андреевичем Бренком, а великокняжеский стяг — черным.

Видимо, над Куликовым полем в день битвы развевалось не одно общевойсковое знамя. Как бы то ни было, с этого момента Михаил Бренк становится как бы двойником Дмитрия Ивановича. Сам же Великий князь решает сражаться как простой воин в передовых частях. Примерно в это же время была организована засада: двоюродный брат Великого князя, князь Владимир Андреевич, и Дмитрий Боброк с отборными дружинами направляются «вверх по Дону» в Зеленую дубраву. Здесь затаились они почти до самого конца битвы.

Еще в конце прошлого века исследователи отмечали сложность точного определения боевого порядка русских полков на Куликовом поле³. Построение войска на Поле, согласно письменным источникам и традициям того времени, определяется следующим образом. Среди историков преобладает мнение об участии в битве пяти основных полков, расположенных в три линии. В первой линии находились сторожевой и передовой полки. Это войсковое подразделение возглавляли братья Дмитрий и Владимир Всеволодовичи. Здесь также были боярин Николай Васильевич Вельяминов с коломенцами и Семен Мелик со сторожевым отрядом.

Во второй, главной линии русского войска располагались Большой полк и полки Правой илевой руки. Большой полк образовывали владимирские и суздальские дружины во главе с Глебом Брянским и Тимофеем Васильевичем — воеводой Великого князя. В полк Правой руки входили северские и новгородские войска под водительством Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Полк левой руки возглавляли белозерские князья со своими и ярославскими дружинами. Последний рубеж образовывали: Засадный полк — за левым флангом — и, вероятно, общий резерв, расположенный за Большим полком.

При нанесении этой схемы расположения полков на карту Куликова поля допускались значительные погрешности, так как это осуществлялось обычно без учета топографии местности. На это обратил внимание историк А. Н. Кирпичников, отметив, что полки помещаются перед холмами, реками, долинами или на месте существовавших в эпоху битвы лесов. При этом, по его мнению, в традиционной схеме разбивки основной линии войска (на тело и два крыла) есть ошибки⁴. Оценивая ширину относительно ровного и безлесного участка поля в два с половиной — три километра он сузил фронт русского войска. По схеме А. Н. Кирпичникова, впереди находился один сторожевой полк. За ним в одну линию стояли передовой полк и полк Правой руки. В третьей линии находился полк левой руки и Большой полк, за которым находился резерв.

Разделяя мнение А. Н. Кирпичникова о важности учета ландшафта местности, я не могу согласиться с расположением полка Правой руки впереди Большого полка. Ведь в письменных источниках ясно сказано, что эти воинские соединения располагались в одну линию. В разгар битвы, когда Большой полк с трудом сдерживал напор ордынцев, полк Правой руки с литовскими князьями мог продвинуться вперед, так как его дела шли успешнее. Но этого не было сделано, чтобы не нарушить единой линии основного фронта⁵.

Приведенная в книге почвенно-растительная карта А. Л. Александровского показывает, что ширина наиболее удобного для битвы места достигала все же около четырех километров. При этом имеется в виду отрезок между верховьями балки Смолки и средним течением ручья Нижний Дубик. Располагаясь севернее, русские войска должны были все же полностью перекрыть участок более или менее открытого поля шириной не менее шести километров. Ведь неглубокие и малозалесенные отроги балок в этом районе не могли быть серьезным препятствием для фланговых прорывов ордынцев.

К третьему часу после восхода солнца (около 7 часов 30 минут) туман начал редеть. Раздались команды, и русское войско «неспешно» двинулось вперед, навстречу врагу...

Палеогеографические исследования позволяют восстановить ландшафт Куликова поля во время битвы. Это был типичный ландшафт лесостепной зоны Русской равнины. Сглаженный холмисто-увалистый рельеф правобережья Непрядвы, расчлененный довольно густой сетью балок, был примерно таким же, как и в настоящее время. Ранняя осень: еще по-летнему зелены перелески дубрав, опоясывающих, пересекающих и как бы сжимающих Поле. Здесь растут вековые дубы, вязы и липы. Кое-где видна уже желтеющая береза. Только начинают краснеть листья рябины с гроздьями спеющих ягод. По окраинам, опушкам дубрав — липовая поросль, орешник и кустарники. Побуревшая, выгоревшая за лето степь оживлялась только желтыми цветами кульбабы осенней и волнующимся от ветра ковылями. Пашня на пойме Непрядвы безлюдна: урожай хлеба уже собран и обмолочен. На стерне — стаи птиц...

Сквозь редящую пелену тумана выглянуло солнце, осветило ряды русских полков. По свидетельству летописца, то воинство было светлым: блестели доспехи богатырей, белели одежды, которые по традиции на Руси одевали люди в торжественные, а иногда и в трагические моменты жизни. Навстречу им, с южной стороны Поля, медленно ползла темная туча ордынского войска.

Что это — символическое сопоставление в цвете добра и зла, плод воображения поздних интерпретаторов картины сражения? Современные специалисты по древнему вооружению считают, что этот образ мог иметь вполне реальные основания. Татары, испытывая недостаток в металле, часто использовали пропитанные смолой темные кожаные доспехи. Только богатые ордынцы имели кольчуги, остальные же отправлялись на войну без особой защиты тела, свидетельствует Гильон Боплан, видевший вооружение крымских татар XVII века. Обычное вооружение ордынца — сабля, кинжал, лук с колчаном и 20 стрелами, которыми он стрелял без промаха на 60—100 метров⁶. Татарские лошади были некрасивы, но неприхотливы и очень выносливы — однократно могли пройти быстрым ходом 20 — 30 миль. Каждый воин, отправляясь в поход, вел за собой не менее двух запасных лошадей.

Главная сила ордынцев — мощный первый удар, наносимый конницей. При этом они осыпали противника тучами стрел, нанося ему большой урон. Развивая наступление, ордынцы всегда стремились прорваться в тыл противника с флангов. Но этот испытанный прием оказался малоэффективным на Куликовом поле — там негде было развернуться коннице. Русские полки образовали глубоко эшелонированную позицию и навязали противнику прямой бой, в котором получили преимущество. Оно, конечно, не предопределяло исхода сражения в пользу русских.

Ордынцы были сильны не только мощью первого удара, но и умением наращивать ее в течение продолжительного времени. Обладая исключительной подвижностью, они обычно прочно удерживали в своих руках инициативу, постоянно перегруппировывая силы и меняя направление главного удара. Они, видимо, одними из первых начали широко использовать маневр концентрации войск на отдельных участках фронта. Уже во времена Чингисхана монголо-татары могли штурмовать крепости дено и ночью; при этом штурмовые отряды через определенное время менялись. Это выматывало осажденных, постоянно находящихся на крепостных стенах.

Менее ясна картина расположения ордынских полков к началу битвы. Летописец замечает: полки «поганих бредут обапол»⁷. Это обычно переводилось так: «поганые же идут с двух сторон поля». Однако В. Даль придает слову «обапол» несколько иные оттенки: «близко», «рядом», «кругом», а также — «попусту», «напрасно», «без пользы»⁸. Именно в этих последних значениях и надо, вероятно, понимать данное слово. Ландшафтная обстановка заставляла ордынцев двигаться не по краям Поля, а скорее через его неширокий безлесный центр. Это, вероятно, вызвало в их рядах замешательство и необходимость перегруппировки сил, что задержало начало битвы.

Примерно в то время, когда ордынские и русские войска стояли лицом друг к другу, произошел знаменитый поединок инок Пересвета с могучим татариним. «И

ударилась крепко копьями, едва земля не преломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались»⁹. Этот ордынец называется по-разному: обычно — Челубеем, реже — Темир-Мурзой или Таврулом. Об этом поединке упоминается и в летописных материалах, использованных В. П. Татищевым.

Некоторые современные исследователи не верят в реальность этого поединка, хотя все, насколько мне известно, не отрицают участия и гибели Пересвета в Куликовской битве. Описание этого события навеяно якобы традиционными былинными описаниями «пробы сил» богатырей перед битвой. При этом ссылаются на следующий текст «Задонщины»: «Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золотыми доспехами посвечивает, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу»¹⁰. Отсюда делается вывод, что Пересвет какое-то время был еще жив после начала битвы, а не погиб до нее.

Но вряд ли можно так просто не учитывать поединка — важного момента Куликовской битвы. «Задонщина», как уже говорилось, — это короткий эмоциональный отклик автора, где временная последовательность событий часто нарушается. Битва, к тому же, могла начаться одновременно на отдельных участках многокилометрового фронта, где могло происходить несколько богатырских поединков. Но самый главный аргумент в пользу признания реальности поединка — его «ничейный» исход. Возникает естественный вопрос: если автор «Сказания» измышлял весь этот эпизод, то почему он не отдал победы Пересвету? Ведь в этом случае поединок приобретал значение яркого религиозного символа грядущей победы русского войска. Все это склоняет чашу весов в пользу реальности поединка.

Заминка в ордынском войске затянулась. Мамай оценивал характер местности и перестраивал боевые порядки. В шестом послерассветном часу (11 часов 30 минут) «внезапно татарское войско быстро спустилось с возвышенности, но дальше не пошло, ибо не было места, где бы расступиться».

Мамай с приближенными поднялся на высокое место, «на шаломя, и ту стаща, хотя видети кровопролитие человеческое и скорую смерть»¹¹. Таким «высоким» местом считается Красный холм, расположенный в двух с половиной километрах южнее верховьев балки Смолки. Обзор с этой точки довольно ограничен. Еще в начале XIX века М. Н. Макаров верно заметил, что Красный холм не высокое место, а довольно пологая возвышенность¹². И все же летописец не искажил истину: ставка Мамаю во время битвы, естественно, должна была находиться на возвышенном участке рельефа. Ему лишь хотелось подчеркнуть ярость и нетерпение уверенного в победе предводителя ордынцев.

В центре ордынского войска, ошетилившись копьями, шла закованная в латы генуэзская пехота — Мамай чувствовал свою уязвимость в пешем бою. «И так они встали стеной, опустив копя, и каждый положил свое копьё впереди стоящего, передние немного, а задние во всю длину»¹³. Навстречу ордынцам, с другой возвышенности, сходил Великий князь со своими полками. Склоны, по которым спускались два войска, относятся, скорее всего, к отрогам балок Нижнего Дубика и Смолки.

Осыпав русские полки тысячами стрел, ордынцы нанесли свой первый страшный удар. Как здесь не вспомнить слова Н. В. Гоголя: «Азиатское нападение более всего страшно силой первого порыва», чтобы «противостоять ему и продлить битву... нужно было иметь нечеловеческую храбрость и крепость духа». «Нападения их были производимы с таким ужасным криком: многочисленная масса их летела так густо и с такой силой на лошадях бешеных, почти диких, как будто бы была сброшена с крутого утеса и не в состоянии была сама удержать бег; узкий, почти пропадающий меж пухлых щек глаз был быстр и верен; в одно мгновение они могли давать столько изменений ходу битвы, так быстро могли рассыпаться и исчезнуть из виду, так скоро собраться в кучи, так метко высылать летучий лес стрел... и все это сопровождая таким диким оглушительным криком, что вряд ли мог сыскаться предводитель, чей глаз не разбежался бы и голова не закружилась в битве с ними»¹⁴.

И все же русское войско сдержало первый страшный натиск ордынцев.

Первый удар был смягчен стойкостью сторожевого и передового полков, которые были смяты, но все же оградили главный фронт. Под Великим князем убили одного коня, затем другого. Изнемогая под ударами, он отступил к Большому полку. Напряжение битвы нарастало. Мамай пытался прорвать центр русского войска. «И был шум и гром великий от треска копий и ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час оглядеть никак это свирепое побоище. Ибо в один только час, в мгновение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих!»¹⁵

Открытое пространство Поля не могло вместить всех сошедшихся сюда воинов. Задние ряды напирали на передние. «И погибали не только от оружия, но и многие сами себя убивали, и под копытами конскими умирали, и задыхались от великой тесноты...»¹⁶

Нет ли противоречия в письменных источниках, где, с одной стороны, говорится, что поле битвы было «чистое и велико очень», а с другой — о великой тесноте во время сражения? Думается, что никакой ошибки здесь нет. Открытые участки Поля шириной в несколько километров, безусловно, можно оценить как «великие». Вместе с тем на отдельных участках Поля, в местах главных ударов, были сосредоточены огромные массы людей, что вызывало тесноту и давку.

В седьмом часу (около 12 часов 30 минут) еще твердо стоят русские полки, но уже «от сановитых мужей мнози побиени суть, богатыри же русския и воеводы, и удалые люди, аки древа дубравнаа, клонятся к земле под коньские копыта»¹⁷. Ударные группы ордынцев прорвались сквозь Большой полк. Они дважды подсекали черный великокняжеский стяг и убили стоявшего под ним Михаила Бренка. Сам Дмитрий Иванович, получив многочисленные удары, не в силах был больше биться. Он «склонился с побоища» и с трудом дошел до ближайшей дубравы.

К восьмому часу (около 13 часов 30 минут), изнемогая под натиском ордынцев, все еще удерживает позиции Большой полк. Князь Глеб Брянский и воевода Тимофей Васильевич здесь «храбрии и сильнии зело крепче бишесь и не дающе татаром одолевати». На правом крыле князь Андрей Ольгердович не раз бросал свой полк в контратаку и ордынцев «многих избил, но не смеяше вдаль гнаться, видя большой полк недвижущийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати»¹⁸.

Попытка прорвать центр русского войска на широком участке не удалась. Завязнув в глубоко эшелонированных построениях Большого полка, Мамай переносит главный удар на левое крыло русского войска. Здесь стояли храбрые белозерские дружины. С самого севера земли Русской пришли они на Куликово поле и все полегли в этот час, но отступив ни шагу.

Ордынцам все же удалось прорвать левый фланг русского войска. Дрогнули молодые новобранцы московского ополчения, которые, вероятно, стояли на стыке Большого полка и полка Левой руки. Некоторые из них не выдержали страшного напряжения битвы и начали отступать. В образовавшуюся брешь Мамай сразу бросил свои последние конные резервы.

Тогда Дмитрий Ольгердович с резервом «вступи на то место, где оторвался левый полк, и нападе с северяны и псковичи па большой полк татарский»¹⁹. Этот маневр на время укрепил левый фланг русского войска. Но он продолжал прогибаться и местами разрываться под ударами все новых волн ордынской конницы. В этот момент русские были прижаты к крутому откосу Непрядвы.

Кое-где ордынцам удалось, видимо, сбросить их в реку и, преследуя, перейти на ее левый берег. Найденные здесь стрелы-срезни подтверждают такое предположение. В этом случае становится ясным свидетельство «Сказания» о том, что после битвы трупы татар были найдены по обеим сторонам Непрядвы.

К девятому часу (около 14 часов 30 минут) единого фронта на левом фланге русских уже не существовало. «И было видно, как в одном месте русский за татаринном гонится, а в другом — татарин русского настигает. Смешалось все и перепуталось...» —

свидетельствует автор «Сказания о Мамаевом побоище». Чаша весов все больше склонялась в пользу Орды. Мамай уже торжествовал победу и ждал скорого о ней известия. Но весть пришла иная: о неизвестно откуда появившихся свежих силах русских, решивших исход сражения в их пользу.

Солнце понемногу стало клониться к закату. Шел уже четвертый, час непрерывной битвы. За трагическими событиями на левом фланге русских с волнением следили дозорные Засадного полка, затаившегося в Зеленой дубраве. Здесь в течение всей битвы скрывался отборный полк, численностью около семи тысяч. Это был последний резерв русского войска, прикрывавший к тому же огромный обоз и донские переправы. Контуры Зеленой дубравы, остатки которой были вырублены в XIX веке, восстановлены теперь почвоведом. В северной части верховьев балки Смолки они обнаружили «пятно» серых лесных почв площадью около 30 гектаров, которое, вероятно, соответствует этому лесному массиву.

...Слезы застилали взор воинов Засадного полка. Побелевшие от напряжения руки сжимали мечи и с трудом сдерживали свежих лошадей. Застоявшиеся кони как бы чувствовали порыв своих седоков, рвавшихся в Поле, где гибли их друзья и товарищи. Особое нетерпение проявлял князь Владимир Андреевич. Поддавшись первому импульсу, он хотел сразу броситься на помощь своим. Но многоопытный воин Дмитрий Боброк чувствовал, что время еще не пришло. Нужно было хранить силу и ждать, когда ордынцы и их кони совсем измотаются в общей битве.

Зеленую дубраву нельзя представлять в виде какой-то глухой лесной чащобы. Она, как и большинство дубрав на Куликовом поле, была редкостойной, хотя кустарники по ее опушкам могли хорошо маскировать крупное воинское соединение. Часть конницы располагалась, вероятно, в залесенных ответвлениях балки Смолки.

Засадный полк, по всей вероятности, имел дозоры и лазутчиков, выдвинутых в Поле. Они сообщали о ходе битвы, когда фронт переместился в северном направлении и из Зеленой дубравы уже не было видно сражающихся. Иначе как князь Владимир и Дмитрий Боброк смогли бы определить то мгновение боя, когда надо было ввести в битву свой полк?

Итак, пробил звездный час Руси! Случилось это на девятом часу после восхода солнца (в 14 часов 30 минут). «Ветер южный потянул из-за спины нам... и солнце стало сзади», — свидетельствует очевидец²⁰, участник засады. До этого времени отмечалось, что русским трудно было сражаться потому, что солнце и ветер были им в лицо. Солнце действительно в разгар сражения должно было светить «в лицо» русским воинам, обращенным в южном направлении. Затем ориентировка велась из Засадного полка, который по мере прорыва татар на север поворачивался в том же направлении. При этом солнце, естественно, оказалось позади наблюдателей. Примерно также обстояло дело и с ветром, который в течение всего сражения дул в северном направлении. Изменилось лишь направление взгляда воинов в засаде, смотревших вначале на юг (встречный ветер), а затем на север (попутный ветер).

Еще одна интересная деталь. Письменные источники указывают, что князь Владимир Андреевич и Дмитрий Боброк ударили по ордынцам «с правой руки». «Задонщина» сообщает: «И нукнув князь Володимир Андреевич с правыя руки на поганого Мамаю...» Иногда слово «нукнул» неверно переводится, как «громко кликнул клич»²¹. В действительности, по В. Далю, «нукнул» означает понукать лошадь. Удар «с правой руки» оценивается некоторыми историками как указание на расположение Засадного полка не на левом, а на правом фланге русского войска. А при такой ситуации битва должна была бы происходить на левом берегу Непрядвы. Слабость такой позиции становится очевидной, если мы отнесем удар «с правой руки» не по отношению ко всему русскому фронту, а только к Засадному полку. Этот полк имел собственный фронт, ориентированный в конце сражения на запад, а его удар был нанесен направо, в северном направлении.

Вырвавшись из Зеленой дубравы, русские воины «словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок... на ту великую татарскую силу; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем, и были они как лютые волки на овечье стадо нападать и стали поганых татар сечь немилосердно»²². Неожиданный удар ошеломил уже торжествовавших ордынцев. Паника охватила сначала их правый фланг, а затем перекинулась на все войско. И побежали татары дорогами «неуготованными» и многие были побиты, так как не было у них сил сопротивляться, ибо «кони их на побоище истомились».

Ордынцы, по свидетельству Киприановской редакции «Сказания», воскликнули: «Увы нам! Увы нам! Христиане превзошли нас мудростью, лучших и удалых князей и воевод сохранили они в тайне, свежие силы против нас уготовили. Наши же руки ослабели, и плечи устали, и колени оцепенели, и кони наши очень устали, и оружие наше выпало из рук»²³.

Большая часть ордынцев бросилась бежать на юг, в спасительные степные просторы. Те из них, кто успел пересечь на запасных свежих коней, быстро ушли от погони: «...бо кони под ними бяху, яко не быша в бою»²⁴. Остальных русские воины гнали до Красивой Мечи и «множество татар истопиша». Другая часть ордынцев, прорвавшаяся во время боя к Непрядве, попала в смертельный мешок и, видимо, полностью была уничтожена. Письменные источники свидетельствуют: «Одне толпы бежали за Непрядву, множество татар потонуло в реке; другие бежали в направлении к реке Красивой Мечи»²⁵.

Избиение ордынцев на самой Непрядве автор «Сказания» объясняет чудесной помощью святых мучеников Бориса и Глеба. Для подтверждения этой мысли он наивно отмечает, что здесь русские полки не проходили²⁶. Здесь мы явно имеем дело с религиозно-идеологическим искажением вполне реального события. Как было показано, русские и преследовавшие их татары во время прорыва левого фланга не только побывали на Непрядве, по и, возможно, переходили на ее левый берег.

Вечерело. Клубившаяся над Полем пыль медленно оседала, покрывая как бы саваном мертвых и живых. Со всех сторон неслись стопы и крики. Князь Владимир Андреевич, вновь укрепив великокняжеский стяг, стал созывать оставшихся в живых воинов. Начались поиски Великого князя Дмитрия Ивановича. Многие свидетельствовали, что видели его сражающимся во время битвы. «И разсыпашася все всюду и начаша искати». Два простых воина — Федор Зов и Федор Холопов — нашли Великого князя в дубраве под «новосрубленной» березой, «едва дышащим», «аки мертв». Другие списки «Сказания» этих бойцов называют иначе — Федор Сабур и Григорий Халопищев.

Здесь нам опять указан точный ориентир — лес. Вероятно, выбираясь из гущи битвы, Дмитрий Иванович, находившийся в центре, стремился уйти на правый фланг русского войска. Возможно, что он остался в дубраве балки Нижний Дубик, где и сейчас существует лесной массив. Интересно и указание на поврежденное, вероятно в пылу битвы, дерево. Если бы эти небольшие, но характерные детали не соответствовали реальным фактам, то не было бы никакой причины придумывать их летописцам.

Доспехи Великого князя были все иссечены, но сам он остался цел и невредим. Появление живого Дмитрия Ивановича вызвало всеобщее ликование. Зазвучали сигнальные трубы, и со всего Поля к нему стали стекаться оставшиеся в живых воины. «И уже вечеру позду бывшу, он же, забыв болезнь свою, посла всюду искати приатель своих язвенных, да некако без помосчи изомрут»²⁷.

ВОСЕМЬ ДНЕЙ «НА КОСТЯХ»

Наутро Дмитрий Иванович, «отдохнув от труда своего и от поту своего и от болезни своих утешився... все воинство сладкими словесы возвесели, похвали и возвеличи их» славную победу над Ордой. С оставшимися в живых князьями и воеводами он объ-

ехал Куликово поле. И увидели они горы трупов, «как копны, лежащие», и было то зрелище «страшное и ужасное очень». И наехали они на место, где «лежаху в купе восемь князей белозерских убиенных. Бе же сии мужествени и крепки зело, яко нарочитне и славнии удалци, *и яко един единого ради умре*»¹.

Вблизи их лежал «паче всех» любимый Великим князем Михаил Андреевич Бренко и множество князей и бояр Большого полка, «лежаще избиенных». Тут же увидел Дмитрий Иванович побитыми Семена Медика и своего воеводу Тимофея Волуевича. В другом месте они наткнулись на тело Александра Пересвета — инока Троицкого монастыря. Здесь Дмитрий Иванович назвал его «начальником победы»². Встретив Дмитрия Боброка, он вспомнил об испытании военных примет в ночь перед битвой: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть»³.

Потрясенный зрелищем «побоища», Великий князь просил сосчитать всех князей, бояр и служивых людей, павших и оставшихся в живых. И подсчитали 40 тысяч живых и 20 тысяч «избиени и язвени быша»⁴. Такие оценки, приведенные в летописных материалах В. Н. Татищева, близко совпадают с современными подсчетами ученых. В различных списках «Сказания о Мамаевом побоище» приводятся явно преувеличенные цифры участвовавших и погибших в сражении воинов. И все же сражение с участием с обеих сторон около 150 тысяч бойцов, из которых треть полегла на Поле, по средневековым меркам, было действительно грандиозным.

Древние письменные источники донесли до нас далеко не полный перечень павших героев Куликовской битвы, «их же имена суть сия»* (* **Некоторые из перечисленных воинов (отмечено**)**), по мнению историков, погибли в битве с татарами на реке Воже в 1378 году. Но, как указывает М. А. Салмина в статье ««Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»» («Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.— Л., 1966. С. 370), многие имена павших бойцов (отмечено***) входят в список убитых в Куликовской битве, сохранившийся в составе пергаменного Синодика, хранящегося в Государственном Историческом музее. Древняя часть Синодика датируется XIV—XV веками, что указывает на ее **историческую достоверность**.):

князь Федор Романович Белозерский***
 князь Иван, его сын ***
 князь Федор Семенович Белозерский
 князь Иван Михайлович
 князь Мстислав, его брат
 князь Дмитрий Монастырев
 воевода Микула Васильевич ***
 воевода Тимофей Васильевич (Волуевич) ***
 Семен Михайлович ***
 Михаиле Иванов, сын Окинфовича ***
 воевода Андрей Саркизович
 воевода Михаил Бренко ***
 Иван Александрович
 Андрей Шуба
 воевода Лев Иванович ***
 Семен Мелик ***
 Тарас Шатнев
 Дмитрий Мининич **
 инок Александр Пересвет
 Григорий Капустин

и другие; их так много, что никто не перечтет, так как «число их выше моего разумения», — говорит автор «Сказания».

Раненые в тот же день — 9 сентября — были отправлены домой на телегах⁵. Два дня еще стоял Дмитрий Иванович «на костях» — на поле брани, усеянном трупами,

хоронил погибших. Затем, «мало отступя», стоял еще четыре дня, считая оставшихся в живых и деля добычу, взятую в татарском стане.

Трудно установить, где точно первоначально располагался на Куликовом поле Великий князь после сражения и куда переместился он в дальнейшем. Можно предположить, что русские войска после битвы отошли ближе к Дону и Непрядве. Название реки Непрядвы все чаще упоминается в конце рассказов о Куликовской битве. Есть указание, что тела погибших воинов были свезены на берег Дона, где они лежали, как «сенные стога».

И восемь дней жизнь и смерть делили,
Считая страшный итог,
А горы тел, свозимых к Дону,
Росли, как сеной стог.

И не было сил схоронить всех по чести.
Нет сил разделить тела,
И часто друга с недругом сцепленных
Земля как единое приняла.

Реальность захоронения части павших героев сражения не подлежит сомнению.

При захоронении воинов Великий князь со всем воинством громким голосом провозгласили «им вечную память с плачем и со слезами многими». Склонив голову перед свежими могилами воинов, Дмитрий Иванович сказал вещие слова: «Да будет вечная память всем вам, братья и друзья, православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство между Доном и Мечей. Это место суждено вам богом! Простите меня и благословите в этом веке и в будущем и помолитесь за нас, ибо вы увенчаны нетленными венцами от Христа бога»⁶.

Несмотря на все эти и другие ясные свидетельства, могилы русских воинов на Куликовом поле до сих пор не обнаружены. Эти поиски могут осложниться следующими обстоятельствами. Надо учитывать, что значительная часть оставшихся в живых русских воинов была ранена, и пришлось в первую очередь заботиться об их спасении. В такой драматической обстановке трудно было осуществить захоронение в одной огромной могиле (которую пытались найти на Поле) многих тысяч павших бойцов. Ведь для их перевозки с Поля потребовались бы колоссальные физические усилия и несметное количество обозных телег, большинство которых должно было сразу после битвы отправиться домой с ранеными.

Кроме того, письменные источники ясно сообщают, что схоронили, «сколько смогли и успели — о прочих же бог весть». Дмитрий Иванович призывал каждого схоронить лишь близких. И дальше прямо говорится, что многие павшие воины остались непогребенными, и этим был взят «грех на душу», который искупается лишь победой над Ордой⁷.

Следует отметить, что до сих пор серьезных поисков могил русских воинов на Куликовом поле не проводилось. Перед 600-летним юбилеем археологи в спешке — в течение десяти дней — провели раскопки в районе церкви Рождества Богородицы и поспешили объявить это место неперспективным. Был раскопан курган на Смолке и еще некоторые выборочные участки Куликова поля, но эти поиски оказались безуспешными. Необходимо провести планомерные и основательные археологические раскопки.

В частности, надо обратить внимание на так называемый «Полибинский могильник», расположенный у юго-восточной окраины Куликова поля, недалеко от села Полибино. Здесь среди ровных сельскохозяйственных полей четко видны два оконтуренных невысоким валом и примыкающих друг к другу квадрата. В этом месте в юбилейные дни Куликовской битвы проходили торжественные поминальные молебны.

И наконец, если предположить, что могил было много и они были рассеяны по Полю, то останки воинов могли не сохраниться, если могилы не были достаточно глубокими. Грунт во многих местах Куликова поля довольно плотный, и у ослабевших воинов вряд ли были силы копать его на необходимую глубину. По-видимому, во многих случаях тела погибших предавались земле символически — покрывались небольшим ее слоем. Если это так, то останки должны были истлеть и не сохраниться до наших дней. Дальнейшие поиски позволят подтвердить или опровергнуть эти догадки. Во всяком случае надо иметь в виду, что еще более 150 лет назад С. Д. Нечаев справедливо заметил, что «князья и простые воины не могли здесь долго оставаться, чтобы ознаменовать место погребения значительными насыпями»⁸.

Восемь дней стоял Дмитрий Иванович «на костях» на поле Куликовом. Пришло время возвращаться домой, в родные города и села, защищенные от нашествия Мамаю. И сказал Великий князь: «Поедем братья в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: честь мы себе добыли и славного имени!»⁹

Почему, отправляясь домой, Дмитрий Иванович говорил о «Залесской земле»? Ведь Москва в ту пору находилась в лесном краю. Дело в том, что «Залесской землей» называлось Владимирское ополье — обширный, малооблесенный край с плодородными черноземновидными почвами, образующимися обычно в степных условиях. Эти места, как уже отмечалось, были издавна заселены русскими земледельцами. Здесь в XII веке образовалось самое богатое и мощное княжество Северо-Восточной Руси - Владимиро-Суздальское. Тот, кто владел престолом во Владимире, считался Великим князем всей Северо-Восточной Руси.

После нашествия Батю между русскими князьями шла постоянная междоусобная борьба за получение права на княжение во Владимиро-Суздальской земле. В эпоху Куликовской битвы этим правом владел Дмитрий Иванович. Несмотря на перемещение центра политической и общественной жизни в Москву, он продолжал рассматривать Владимиро-Суздальскую землю как главную «вотчину и дедину» Северо-Восточной Руси.

РАДОСТЬ И ПЛАЧ ВЕЛИКИЕ

Войска переправились через Дон и пошли по рязанской земле, где в страхе метался Олег Рязанский, ожидавший великую кару за свою измену. В конце концов он бежал к своему незадачливому союзнику Ягайле, на границу Литвы, и там стал ожидать дальнейших событий. Но Дмитрий Иванович был настроен миролюбиво: он не стал «воевать» рязанскую землю, и так достаточно истерзанную бесконечными набегами Орды. Встретив посольство рязанских бояр, Великий князь отпустил их с миром и прикачал своим воинам не делать никакого зла в этом княжестве. Однако, истины ради, приходится сказать, что отдельные группы рязанцев нападали на обескровленное русское войско.

На рязанской земле некоторые полки отделились от основного войска и пошли в свои княжества прямым путем. 21 сентября русская рать пришла в Коломну. Передохнув здесь четыре дня, оно по первым заморозкам двинулось дальше. В Москву русское войско вступило 28 сентября. Здесь победителей, «одолевших нечистивого и гордого Мамаю», ожидала восторженная встреча. Весть о победе давно уже достигла кремлевских стен, распространилась по всем русским княжествам и ушла в иноземные пределы. Слава, что «Русь Великая одолела рать татарску на поле Куликовом», разнеслась до Дуная, Рима, Царьграда и других отдаленных мест.

И дивились москвичи великому множеству захваченных у Орды коней, верблюдов, волов, овец и оружиею ее и товарам «без числа много». По случаю победы была отслужена торжественная обедня в Успенском соборе Московского Кремля. Щедро одарив всех воинов, Дмитрий Иванович распустил их, «и разыдошась каждо восвоися». Съездив на один день в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому, Великий князь «возвратися во град Москву, почив от многих трудов и великих болезней»¹.

Но кроме всеобщей радости был и плач великий по погибшим. Марья, жена Микулы Васильевича, плакала поутру на забралах стен Московских. Жена Тимофея Волуевича — Федосья — тоже рыдала. Жены воевод Андрея Саркизовича (Марья) и Михаила Ивановича (Аксинья) на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, двигались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую беду: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте, на поле Куликовом, на речке Непрядве»².

Общую тревогу передают слова летописца: «...оскуде бо отнюдь вся земля Руская воеводами и слугами и всем воинство, и о сем велии страх бысть по всей земле Рустей»³. Эти настроения имели серьезные основания: уже через два года на ослабевшую Русь напал хан Синей Орды Тохтамыш, который к этому времени захватил власть в Орде. Появившиеся из-за Волги орды Тохтамыша разбили войско Мамай, который «с великой яростью» готовил новый поход на Москву. После поражения Мамай бежал к Черному морю, в Кафу, и был там убит.

На этот раз ордынский хан действовал решительно. Он стремительно, «изгоном» ринулся на Русь. Быстро летели конные орды Тохтамыша на Москву. Рязанский князь Олег, встретив Тохтамыша у границ своего княжества, пошел и на этот раз на явное предательство. Отводя от себя угрозу, Олег Рязанский провел ордынцев по краю своего княжества. Он показал им пути и броды через Оку и дал проводников «многи, а великому князю ни вести даде»⁴.

Нельзя сказать, что Дмитрий Иванович проявил полную беспечность перед лицом явно ожидавшегося нового вторжения ордынцев, жаждавших реванша за поражение на Куликовом поле. Сразу после победоносной битвы он собрал всех русских князей, которые «учиниша межи собой любовь и заклѣшася вси друг под другом ничего не искати, татаром не клеветати и на Русь не наводити, и асче на кого будет беда от татар, *всем, за едино стоят*»⁵.

Слишком поздно получил роковую весть Дмитрий Иванович. С опозданием разослал он новый призыв о сборе общерусского войска в Коломне. Мобилизационный аппарат еще разобщенной Северо-Восточной Руси в ту пору не был совершенным и действовал медленно. В Коломне Великий князь увидел, что «сила его мала» и он не сможет противостоять Орде.

Минуя Москву, Дмитрий Иванович отошел в Переславль-Залесский, а оттуда через Ростов в Кострому. Ему удалось собрать лишь две тысячи пеших и конных воинов. В Москву он послал приказ не сдавать Тохтамышу город. Тем временем здесь назревала мятеж. Одни жители хотели бежать из города, другие — «во граде сидеть». Началась распря: «...востаха злии человецы друг на друга, сотвориша разбой и грабеж велий»⁶. Тех, кто пытался бежать, грабили и избивали. Город был закрыт, и из него никого не выпускали.

Вскоре прибыл в Москву литовский князь Остей, внук Ольгерда. Он укрепил город, навел в нем относительный порядок и приготовился к осаде. Были сожжены все посады и вырублены все деревья вокруг кремлевских стен. Так обычно в то время делалось, чтобы лишить осаждающих подручного материала для штурмовых отрядов.

23 августа к Кремлю подошли орды Тохтамыша числом около 30 тысяч всадников. Князь Остей с москвичами и множеством сошедшихся со всей округи людей деятельно готовился к отпору. Но не все проявили твердость духа: некоторые «безумнии, упившеся, возлезши на град, ругахусь татаром, плююще и укоряюще их»⁷. Началась перестрелка, во время которой московский суконник Адам с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил одного видного полководца Тохтамыша. Разъяренные ордынцы бросились на штурм, но были отбиты.

Каменные кремлевские стены, оснащенные самострелами и даже пушками, способны были выдержать длительную осаду. Ордынцы это хорошо понимали и пошли на хитрость. Хан Тохтамыш обольстил осажденных «лживыми словесы и лживым миром».

Он клялся им «своим законом бесурманским, яко ни рукой кого коснется, но токмо возмет тое, еже ему с честью принесут»⁸. Князь Остей и воеводы, зная коварный нрав ордынцев, не доверяли этим посулам. Они просили горожан ждать помощи от Великого князя и его брата Владимира Андреевича, указывая, что у хана не так уж много сил.

Но часть толпы не слушала их и силой заставила открыть кремлевские ворота. Последствия были ужасны. Остея заманили в татарский полк и сразу убили. Ордынцы вошли в город, заняли все крепости «и нача вся гражде без милости сеци». 26 августа Москва была полностью разорена и опустошена.

После взятия Москвы орды Тохтамыша рассеялись в разные стороны, убивая и грабя на своем пути. Но на этот раз они уже не чувствовали себя полными хозяевами и опасались далеко углубляться в русские княжества. И все же во время этого набега пали многие города: Владимир, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Звенигород, Можайск, Боровск, Руза и Дмитров. Уцелевшие горожане и поселяне скрылись в лесных дебрях и болотных топях. Часть жителей Переславля спаслась на лодках на Плещеевом озере.

Но недолго бесчинствовали на этот раз ордынцы. В районе Волоколамска на них неожиданно напал князь Владимир Андреевич с семитысячным полком. Татары побежали и сообщили Тохтамышу о силе русской. Хан, помня урок Куликовской битвы, быстро обратился вспять и стал поспешно уходить на юг. По пути он, несмотря на предательство Олега Рязанского, опустошил его княжество и ушел в половецкие степи.

Таким образом, ордынцы стали опасаться открытого столкновения с общерусским войском и начали действовать с большей хитростью и осторожностью. Они всячески старались разжечь междоусобную борьбу русских князей.

Тохтамыш передал ярлык на великое княжение владимирское престарелому нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Активно добивался этого же права и поехавший в Орду тверской князь Михаил — давний соперник Дмитрия Ивановича. Все это подрывало роль Москвы как центра консолидации Русского государства.

В такой сложной политической обстановке Дмитрий Иванович принужден был действовать более гибко и осмотрительно. Посоветовавшись со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, он направляет в Орду своего старшего сына Василия. Несмотря на молодость, Василию Дмитриевичу удалось убедить Тохтамыша вернуть его отцу ярлык на великое княжение во Владимире.

Тяжелое бремя дани — хотя и в меньшем объеме, чем требовал Мамай, — снова легло на Русь.

Означает ли это, что плоды Куликовской битвы были полностью утрачены? Ни в коем случае! Главное доказательство — грандиозный план Мамай полностью поработить Русь не был осуществлен ни им, ни последующими властителями Орды. Напротив, центростремительные силы объединения русских княжеств вокруг Москвы с этого времени все более крепли. Татарские набеги продолжались еще многие годы, но они имели уже эпизодический характер и не угрожали самому существованию формировавшегося государства.

Русь после Куликовской битвы укрепила верой в свои национальные силы, что сыграло важную роль в ее окончательной победе над Ордой. С этого времени русские перестали смотреть на Орду как на непреодолимую силу, как на неизбежное и вечное наказание бога за грехи. Великий князь Дмитрий Иванович возглавил поколение людей, преодолевших синдром страшного нашествия Батые. Да и ордынцы после Куликовской битвы перестали смотреть на русских, как на безответных рабов и данников.

На Куликовом поле был сокрушен сильный и многоопытный противник. Напрасно некоторые современные писатели недооценивают способности Мамай, изображая его как «жалкого авантюриста», пытавшегося остановить «колесо истории». Не следует забывать, что принижение побежденного принижает заслугу победителей.

Куликовская битва существенно обогатила русское войско военно-стратегическим опытом крупных сражений. Выявилась, например, важная роль постоянной разведки местности и намерений противника. Хорошо зарекомендовало себя глубокое эшелонированное построение войска с учетом рельефа и других особенностей местности. Но самым новым словом военного искусства явилось выделение крупного стратегического резерва, в который было выделено более десяти процентов всего войска. Решающая роль подобных резервов проявлялась во всей последующей военной истории нашей страны.

На Куликовом поле, как и на других грядущих полях сражений, русское войско проявило свои типичные, черты: терпение, способность выдерживать невероятные тяготы, беречь силы и наносить удары по уже измотанному, обессиленному врагу. Так было и в Отечественной войне 1812 года. Так было и в Великой Отечественной войне, в решающих битвах под Москвой, под Сталинградом.

Русское войско на Куликовом поле «явилось однородным по национальному составу, что обеспечивало внутреннее единство и высокие боевые качества»⁹. Иногда это мнение оспаривается. Без всяких письменных свидетельств, например, в состав ордынских полков включаются русские «вольные люди», бродники, будущие «казаки», а также отряды литовцев¹⁰. С другой стороны, оказывается, что поволжские монголы, ушедшие от хана Узбека на Русь, якобы «стали ядром московских ратей, разгромивших Мамаю на Куликовом поле»¹¹. Присутствие в составе русского войска на Куликовом поле нескольких сот или даже — что менее вероятно — тысяч «иноплеменных» представителей не может затушевывать национальный характер победы русских. Вместе с тем надо отчетливо сознавать, что эта славная страница русской истории стала неотъемлемой частью истории всего нашего многонационального государства.

Трудно переоценить личный вклад Великого князя Дмитрия Ивановича в победу на Куликовом поле и в дело консолидации русских земель вокруг Москвы. Нельзя серьезно воспринимать мнения некоторых дореволюционных историков, упрекавших его в нерешительности, и даже... трусости¹². Грешат и современные художники, рисующие его таким сухощавым атлетом с волевым, устремленным вдаль всевидящим и всезнающим взором. Художественный символ возможен, но он не должен заслонять истинного образа выдающегося деятеля нашей истории.

Образ Дмитрия Ивановича более сложен. Вот как описывает его летопись: «Сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело»¹³. С юных лет «добродетельне и воздержне во всем целомудренно живяши, пустотных бесед не творяше, глумления, играня не любляше, срамных словес отбегаше, злонравных человек отвращаещеся; ...отечество свое, державу свою, мужеством своим крепко держаше... а умом совершен муж бяше; во бранех же храбр воин и врагом всем страшен являшеся, многия ж враги, возстающие на пь, победи; град же свой Москву стенами каменными огради, и во всех странах славно имя его бяше; княжения Белозерское, Галич, Кострому и Ярославль, а от Рязанския земли град Коломну державе своей приобсчи, град Серпухов и ины построй»¹⁴. Могут заметить, что церковный автор смягчает, пригладивает образ Великого князя, делая из него символ живущего «во Христе» человека. Однако никто не писал о мягкости характера Ивана Грозного, хотя у церковных деятелей было куда больше оснований заискивать перед ним.

Сочетание мягкости и твердости — особая черта характера Дмитрия Ивановича. Он умел сострадать и был решителен в бою. Его храбрость на Куликовом поле и в других военных походах не подлежит сомнению. Великий князь московский не смог в полной мере развить успех Куликовской битвы, так как время еще не пришло. Он еще не обладал той полнотой власти, которая дала бы ему возможность быстро реагировать на действия Орды.

Стремительный бросок конницы Тохтамыша к стенам Москвы застал русских князей врасплох. И дело здесь не в какой-то личной медлительности, неповоротливости Дмитрия Ивановича. Главная причина — военно-политическая и даже экономическая. Северо-Восточная Русь представляла в ту пору систему более или менее самостоятельных княжеств. Ведущая роль Москвы только еще начинала проявляться и укрепляться. Многие еще зависело от желания местных князей и характера их личных отношений с Великим князем московским. Даже в походе на Куликово поле некоторые князья не приняли участия.

В этих условиях еще не сложилась эффективная система мобилизации общерусского войска. Профессиональные воинские соединения княжеских «дворов» были еще малочисленны и не могли в одиночку противостоять ордынцам. Основная тяжесть борьбы в крупных сражениях ложилась на плечи простых людей: земледельцев и городских ремесленников. Для их мобилизации и приведения в «боевые порядки» требовалось немало времени.

Важную роль играл и географический фактор. При подготовке походов значительное время уходило на переговоры между князьями, удаленными друг от друга на большие расстояния. Многие дни и недели уходили на мобилизацию и сбор войска с огромных пространств Северо-Восточной Руси. Пехота — основа русского воинства — не могла, естественно, быстро преодолевать большие расстояния* (* **Проблема влияния географического фактора на характер боевых действий на территории России подробно рассмотрена в книге А. В. Дулова «Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.)» (М., 1983).**).

Иначе обстояло дело у ордынцев. Все время на боевых конях, они быстро объединялись в воинские соединения, готовые выполнить любую волю хана. Его воля никем не оспаривалась: все подчинялось железной дисциплине. Для успешной борьбы с таким противником Русь должна была объединиться вокруг Москвы. На это ушло еще 100 лет. Еще больше времени потребовалось, чтобы преодолеть наследие монголо-татарского ига — континентальную изолированность Руси от морских просторов.

Дмитрий Иванович, подчеркивая независимость от ханской воли, в духовной грамоте-завещании передал право на великое княжение владимирское своему старшему сыну Василию. С тех пор независимый способ передачи верховной власти в Северо-Восточной Руси становится наследным правом московской княжеской семьи. В этой же грамоте он пророчески предсказывал: «А переменит бог Орду, дети мои не имеют давать выходы в Орду, и который сын возмет дан на своем уделе, тому и есть».

Дмитрий Иванович уповал, конечно, не только па всевышний промысел. Будучи дальновидным политиком, он ясно уловил, что междоусобные центробежные силы уже начали подтачивать и разрушать некогда неколебимый ордынский монолит.

Этот наказ был хорошо усвоен его сыном Василием, который при первой возможности прекращал выплату дани. В послании к нему ордынский правитель Едигей пишет: «...а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините — это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды». Далее он осторожно упрекает Василия Дмитриевича, который с начала своего княжения «у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом». В конце послания Едигей буквально выпрашивает, чтобы дань была отдана «по старине и по правде...»

Еще более отчетливо вырисовывается величие Куликовской победы в дальней перспективе. ***Образ этой победы сопутствовал всей последующей истории нашей страны, которая постоянно обращалась к нему в наиболее тяжелые периоды своей истории.***

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

«И в ту пору на Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны часто каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали склонились», — свидетельствует «Задонщина»¹.

После битвы на Куликовом поле пошли затяжные осенние дожди. Они смывали пятна запекшейся крови с земли. Окровавленные ковыли снова становились желтовато-седыми. Заморозки все крепче сковывали землю. Наступившая тишина прерывалась лишь волчьим воем и карканьем воронья, справлявшего свое страшное пиршество. Куликово поле как бы погружалось в вековую тишину, уходило в небытие.

Летописец — спутник митрополита Пимена, проходившего на стругах по Дону мимо Куликова поля через девять лет после битвы, так описывает эти края. Всюду они видели печальную картину запустения: нигде не было видно «ни града, ни села». Там, где еще недавно стояли цветущие русские селения, «нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жаравли и протчая»².

После битвы русское население покидает район Куликова поля. Это отчасти можно объяснить чисто психологическими причинами: воспоминаниями о страшном побоище и представлением о возможности его повторения. Сейчас еще трудно установить, насколько продолжительным был перерыв в заселении района Куликова поля после битвы. История края в XV веке не зафиксирована в известных к настоящему времени письменных и археологических материалах. Исходя из общей политической ситуации и последующей истории, можно думать, что русские земледельцы не могли сюда скоро вернуться. Москва, занятая делом объединения земель Северо-Восточной Руси, еще не в силах была обеспечить безопасность столь дальних заокских территорий. Здесь, как и во многих других лесостепных районах (по крайней мере с XII по XVI век), существовала как бы «ничейная» зона, в которой усиливалось влияние то русских земледельцев, то степных кочевников.

Центробежные силы внутренних и внешних усобиц уже подточили и разрушили к XV веку мощный организм некогда монолитной и могущественной Золотой Орды. «К середине века в нескольких больших улусах утвердились свои ханские династии, и Золотая Орда как единое целое окончательно прекратила свое существование»³. Началась длительная борьба между Крымским ханством и Большой Ордой, образовавшейся в 30-х годах XV века в степях между Волгой и Днепром.

Однако ордынцы были все еще сильны. Их набеги в южные пределы Руси продолжались. Только после великого «стояния на Угре» осенью 1480 года, ровно через 100 лет после Куликовской битвы, Русь окончательно сбросила с себя монголо-татарское иго. После этой победы активно формировавшееся в ту пору Русское государство переходит к решительным действиям по расширению и укреплению своих южных рубежей.

Но на этом борьба за спокойствие степной границы Руси не кончилась. В XVI веке происходили многочисленные опустошительные набеги «крымских людей», продолжавшиеся многие десятилетия. После разгрома крымских татар под Тулой в 1552 году и взятия Казани в том же году границы Русского государства стали стремительно продвигаться в южном и восточном направлениях. В заокскую полосу были двинуты значительные силы «украинского разряда»⁴. Они были призваны обеспечить безопасность селившихся здесь русских земледельцев. Для этого, например, в 1556 году был создан новый укрепленный центр — Дедилов.

Примерно в это же время возникает Епифанский уезд, на территории которого располагалась большая часть Куликова поля. Создавая укрепления и заселяя территорию края, русское правительство стремилось блокировать традиционный путь набегов

кочевников — Муравский шлях. Впервые Епифанский уезд упоминается в писцовой книге 1571 — 1572 годов.

Изучение этих и более поздних письменных материалов позволило тульскому историку-краеведу Н. К. Фомину представить следующую картину заселения края в XVI—XVII веках. В середине XVI века земли Епифанского уезда принадлежали князю Мстиславскому, пытавшемуся собственными силами заселить и укрепить район. Помимо строительства Епифани он создал вблизи этого города восемь слобод, в которых поселилось 500 казаков. Холопы князей и пришлые крестьяне «сажались на 10-летней льготе на диком поле», т. е. на целинных землях или издавна заброшенных пашнях.

Освоение края осуществлялось с большим трудом. Основная масса редкого населения концентрировалась около Епифани, в то время как большая часть уезда оставалась необжитой. Существовала лишь редкая сеть слободок и починок, «что стоят на поле с приходу от Крымских людей и крепостей у них никаких нет, затем их дети боярские в поместья не имали, а селились те люди и крестьяне при князе Иване Федоровиче Мстиславском на льготе на диком поле»⁵.

Естественно, что подобная доморощенная система укрепления края не могла явиться существенным препятствием для продолжавшихся набегов кочевников. Ростки новой жизни Епифанского уезда были сметены страшной бурей нашествия крымских татар, прорвавшихся в 1571 году в центр Русского государства. Писцовая книга 1571 — 1572 годов свидетельствует о том, что в Болахнинской слободе, расположенной в 20 верстах от устья Непрядвы, «старцев всех Крымские люди побили, а иных в полон поймали, осталось в монастыре 1 келья да бойница дубовая рублена... а крестьянских дворов 9 и 13 селищ дворцовых сожгли Крымские люди»⁶. Эту цитату приводил в своей работе 1890 г. Н. И. Троицкий, восклицая: «И если в XVI веке от монастыря осталась одна келья да бойница, то что же здесь могло остаться в XV веке?»⁷

По данным Н. К. Фомина, после опустошительного набега 1571 года вотчина князя Мстиславского была конфискована и пущена в поместную раздачу. При царе Федоре Ивановиче в конце XVI века 300 казаков, набранных еще князем Мстиславским, было «поверстано» в ломещиків с целью активизации процесса освоения края. Новоявленным помещикам отводились дачи без крестьян на значительном удалении от их слобод. Помещикам-казакам Шсвыревской слободы близ Епифани отводились, например, «пустыни Дикого поля на речке на Непрядве и на речке Буйце пашни перелогом и дикого поля добрые земли»⁸.

Анализ писцовых книг Епифанского уезда приводит Н. К. Фомина к выводу, что в атом крае до 60 — 70-х годов XVI века не было земледельческого русского населения. Это тем более касается районов Куликова поля и реки Непрядвы, которые, таким образом, оставались незаселенными после Куликовской битвы около двух веков.

Перевод епифанских казаков в помещики не дал желаемого результата. Новые владельцы поместий не смогли привлечь на свои плодородные земли крестьян, еще опасавшихся переселяться к границам страшного Дикого поля. Эти опасения имели веские основания. Новый смерч набега «Крымских людей» в 1609 году (в эпоху Смутного времени) буквально стер с лица земли Епифанский уезд. Епифань и большинство казачьих слобод были уничтожены. Население уезда было в основном перебито или угнано в рабство.

С большим трудом возрождалась жизнь на епифанских пепелищах. Для укрепления края у южных окраин Куликова поля в 1637 году была возведена крепость Ефремов, которая блокировала Муравский шлях. Не успели ростки жизни набрать силу, как они вновь были сметены новой бурей набега. В 1659 году Крымская орда прорвалась через укрепления Белгородской черты и разграбила ряд южных уездов России, в том числе Епифанский. Истощенное продолжительной войной с Польшей (1658—1667 годы), Московское государство еще не в состоянии было выделить достаточно сил для постоянной охраны своих южных границ.

Но общее соотношение сил явно изменилось в пользу Москвы. С того времени татарские набеги уже никогда не достигали района Куликова поля. К ускорению процесса заселения и освоения края привлекаются силы и средства могущественной церкви. В 1674 году на Непрядве выделяются земли митрополиту Ростовскому и Ярославскому, митрополиту Сарскому и Подонскому, архиепископу Коломенскому и Каширскому и другим церковным иерархам. В 1675 году была дана послушная грамота царя Алексея Михайловича тульскому Предтечеву монастырю: «...в Епифанский уезд в пустош Дикое поле промеж Епифанского и Ефремовского уездов, что в Куликовых полях за речкой Непрядвой по обе стороны речки Ситенки» на 200 четей * (* **Четь - половина десятины.**)⁹.

Интересно заметить, что «Куликовы поля» упоминаются здесь во множественном числе и располагаются «за речкой Непрядвой», т. е. на ее правом берегу. Таким образом, несмотря на многочисленные набеги и опустошения края, в памяти народной всегда хранилось представление о географическом положении Куликова поля — поля Великой победы.

Сохранилась память и об освоении края во второй половине XVI века. В челобитной тульских граждан, поданной царям Петру Алексеевичу, Иоанну Алексеевичу и царевне Софье Алексеевне, сказано, что в прошлых годах «до московского разорения (Смутного времени.— Н. Х.), в Королевичев приход, прадеды и деды наши на ваших государевых службах, а иные от ран померли, и те прадеды и деды поселены были в Епифанском уезде, на Диком поле, что дано по указу отца вашего... царя и великого князя Алексея Михайловича... и те крестьяне ту землю Дикое поле распахали и дворы на той земле построили»¹⁰.

С 70-х годов XVII века начинается интенсивный и непрерывный процесс мирного заселения района Непрядвы. Осуществляется массовое переселение крестьян со старых монастырских и иных земель. Новые поселенцы энергично осваивают край: возводят деревни и села, распахивают «дикую» степь, строят мельницы. С этого периода начинается интенсивное, все более усиливающееся изменение ландшафта Куликова поля. Таким образом, **все три века отделяют нас от времени, когда ландшафт поля Великой битвы еще сохранял свой девственный облик!**** (** Эта фраза написана в 1985 году, до открытия М. И. Гоняным четырех древнерусских селищ XIII—XIV веков в средней части балки Смолки, в районе Зеленой дубравы. Селища небольшие: одноусадебные (около 2 тыс. кв. м) и двухусадебные (4 тыс. кв. м). Здесь найдены Многочисленные фрагменты бслглиняной древнерусской посуды, аналогичной той, которая была обнаружена на селищах и городищах в долине Непрядвы. Археологи только приступили к раскопкам, и пока еще рано говорить о хозяйственном назначении смолкинских селищ. Их находка не зачеркивает вывода, что большинство стальных участков правобережья Непрядвы сохранялись в первозданном виде вплоть до конца XVII века.)

В 80-х годах XVII века на Куликовом поле возникают села Рождественно (Монастырщина) и Куликовка. В начале XVIII века Тождественно было домовою вотчиной архиепископов Сарских и Подонских. В дальнейшем, после секуляризации церковных земель в 1764 году, оно перешло во владение Коллегии экономии, а позднее было приписано к московскому Донскому монастырю и получило название Монастырщина. В письменных документах конца XVII — начала XVIII века земли района Куликова поля характеризуются следующим образом: «...земля — черная, хлеб — средственный, покосы — хороши, лес строевой и дровяной дубовый, березовый, осиновый» * (* **Сообщение С. Р. Долговой на конференции по Куликову полю, проведенной Государственным Историческим музеем в 1985 году.**)

Безопасность и плодородие почв района привлекли к нему внимание крупных феодалов. По данным Н. К. Фомина, в конце XVII века Епифанский уезд, включая Куликово поле, был почти весь заселен. К началу XVIII века на землях уезда появляются

владения крупнейших боярских фамилий: Голицыных, Милославских, Нарышкиных, Прозоровских, Черкасских.

К концу XVII — началу XVIII века местное население края относило название «Куликово поле» к правобережной территории Непрядвы и Дона, т. е. к району Куликовской битвы. Вместе с тем в письменных и картографических документах этого и более позднего времени размеры Куликова поля увеличиваются, в частности в «Книге большому чертежу».

«Словарь Географический Российского государства» дает следующее определение географических рамок Поля: «Куликово поле — урочище Тульской губернии, в Епифанском уезде, простирающееся от вершин рек Упы и Зуши к востоку даже до Дона и вмещающее в себя кроме оных рек множество других рек, вершины и все течение реки Непрядвы со впадающими в нее реками»¹¹. Из этого текста следует, что границы Куликова поля расширяются как в западном, так и северном направлениях, охватывая не только правобережье, но и левобережье Непрядвы.

По свидетельству историка Е. Д. Маркиной, в отделе редкой и рукописной книги библиотеки Академии наук СССР хранится карта Епифанского уезда второй половины XVIII века с надписью: «Поле Куликово». Если начало и конец надписи, нанесенной параллельно течению Дона, принять за границы Поля, то его протяженность в меридиональном направлении составит около 40 километров¹². При этом северная граница Куликова поля проходит примерно по реке Ручей — правому притоку реки Сукромы, впадающей в Дон выше устья Непрядвы. Южная граница располагается за пределами Епифанского уезда, несколько южнее реки Рыхотки.

К началу XIX века на Куликовом поле располагались поместья и дачи графа Бобринского, графа А. В. Олсуфьева, С. Д. Нечаева, Афросимова и других помещиков. К этому времени, по свидетельствам С. Д. Нечаева и М. Н. Макарова, память народная твердо связывала Куликово поле, как место знаменитой битвы, с правобережьем Непрядвы.

Грозные события Отечественной войны 1812 года оживили интерес к древнерусской истории в широких кругах русской общественности. Взоры многих лучших людей того времени, естественно, обратились к эпохе Куликовской битвы, когда возрождавшейся молодой Руси также грозила смертельная опасность. М. И. Кутузов первым провозгласил связь этих двух драматических этапов русской истории. Собрав армию для контрнаступления в Тарутинском лагере на реке Наре, он воодушевлял своих воинов: «Река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные полчища Мамая»¹³.

Большой интерес к эпохе Куликовской битвы проявляли декабристы — наиболее искренние и бескорыстные радетели о будущей судьбе России. Они хорошо понимали значение прошлого для настоящего. Декабрист А. А. Бестужев писал в 1833 году журналисту Н. А. Полевому: «Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я берегу как святыню кольцо, выкопанное из земли, утучненной сею битвой. Оно везде со мной, мне подарил его С. Нечаев»¹⁴.

Здесь мы вновь встречаемся со Степаном Дмитриевичем Нечаевым — членом Союза благоденствия, директором училищ Тульской губернии, чудом избежавшим царских репрессий. Его дача — сельцо Куликовка — находилась на землях Куликова поля, в балке Средний Дубик. Он первым привлек внимание общественности к полю Великой битвы как к вполне реальному, существующему в природе географическому объекту, а не какой-то абстрактной, сказочной земле. Его статьи, опубликованные в начале XIX века в «Вестнике Европы» и в «Московском телеграфе», показывают нам автора как всесторонне образованного, талантливого человека с научным складом мышления. Этим работам еще предстоит сыграть выдающуюся роль в изучении эпохи битвы. Ведь многое из того, что успел сообщить С. Д. Нечаев, безвозвратно исчезло.

Затерявшийся в прошлом образ С. Д. Нечаева воссоздан благодаря усилиям историка С. Л. Мухиной¹⁵. Она по крупицам собрала материал, касающийся жизни этого прогрессивного историка, писателя, поэта и общественного деятеля первой половины XIX века. По ее данным, Степан Дмитриевич Нечаев родился 18 июля 1792 года в семье предводителя дворянства Данковского уезда Рязанской губернии. Окончив Московский университет, он недолго служил в канцелярии рижского военного губернатора Я. И. Лобанова-Ростовского.

Во время нашествия Наполеона в 1812 году С. Д. Нечаев по состоянию здоровья не был зачислен в действующую армию, но участвовал в формировании войск ополчения. С 1817 по 1823 год являлся директором училищ Тульской губернии, активно содействуя распространению популярной среди декабристов ланкастерской системы обучения для разночинцев и крепостных. В Туле он пытается создать тайное общество — Союз благоденствия — и публикует в это время ряд статей в «Вестнике Европы», созвучных настроениям передовой общественности России. В них он сравнивал крепостное право с «внутренней змеей» и «солитером», разрушающим живой организм страны, и призывал к тому, чтобы «наши писатели, отвергнув предрассудок высших сословий, более общались с простым народом и внимательно изучали его нравы, обычаи, мнения, чувствования».

С этими идеями и настроениями С. Д. Нечаев переезжает в 1824 году в Москву и становится чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне. Круг его знакомств расширяется. На заседаниях Общества любителей российской словесности он встречается с поэтами П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, декабристом Ф. Н. Глинкой, а также с В. Л. Пушкиным — дядей великого поэта. Среди его друзей и знакомых — В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский, Н. А. Полевой, А. С. Грибоедов.

Кстати, в 1832 году А. С. Грибоедов жил в имении своего друга Степана Никитовича Бегичева, близкого к кругам декабристов. Имение находилось на юго-восточной окраине Куликова поля, в низовьях балки Рыхотки. Здесь он написал отдельные страницы «Горя от ума». По устному преданию, А. С. Грибоедов приезжал к С. Д. Нечаеву в его имение Сторожево (ныне совхоз Полибино), расположенное в восьми километрах от имения С. Н. Бегичева. В Полибино до сих пор сохранился барский особняк Нечаевых, построенный в конце XVIII века.

Особенно трогательна дружба С. Д. Нечаева с декабристом А. А. Бестужевым, который жил в его московской квартире. Не только приятельские, но и деловые отношения связывали его с декабристами А. Н. Муравьевым, А. И. Якубовичем, В. Ф. Тимковским. Многие произведения С. Д. Нечаева печатались в декабристских изданиях: «Полярной звезде», «Мнемозине» и др. Его известное в те годы стихотворение «Застольная песня греков» заканчивалось следующими строками:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звон цепей.
И совершатся ожиданья
Отчизны истинных друзей.
Свободы песнь благословенна
Помчится по родным полям,
С землей забытой примиренна
Астря возвратится к нам.
Тогда мы братский круг составим
И, разогнав тиранства тень.
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!

Во время восстания декабристов в 1825 г. Нечаев находился в Москве и к следствию по их делу привлечен не был, хотя долгое время находился под подозрением. Важную роль сыграло, вероятно, покровительство князя Д. В. Голицына, который, «стараясь уверить царя, что в веренном ему граде все тихо и спокойно, затушевывал некоторые факты деятельности декабристов», проживавших в Москве¹⁶.

Этим, возможно, объясняется его дальняя командировка в 1826 г. в Пермскую губернию, в помощь графу А. Г. Строганову для изучения жизни и хозяйства уральских рабочих.

В последние годы жизни С. Д. Нечаев продолжал активно заниматься историей, археологией, литературной и общественной деятельностью. В 1838—1839 годах он был вице-президентом Общества истории и древностей Российских, а в 40-х годах — одним из главных инициаторов построения памятника на Куликовом поле в честь павших здесь воинов. Любуясь величественными мемориальными памятниками Куликова поля, мы не должны забывать имя Степана Дмитриевича Нечаева — яркой, незаурядной личности, так много сделавшего для увековечения памяти о выдающемся событии древней истории нашей страны.

Особый интерес вызывают свидетельства С. Д. Нечаева о находках оружия и других предметов эпохи битвы на Куликовом поле. Они позволяют ответить на вопрос: почему до нас дошло столь мало вещественных доказательств сражения?

Действительно, сейчас известно немного предметов, которые можно уверенно связать с Куликовской битвой. В экспозиции музея на Куликовом поле имеются четыре наконечника копья и три креста-энколпиона, найденных недавно в районе места битвы. Два наконечника копья, обнаруженные вблизи деревни Хворостянки в 1956 и 1983 годах, находятся в школьном музее в селе Михайловском. В областном Тульском краеведческом музее куликовская коллекция еще беднее: один наконечник копья и несколько медных образков. Кроме того, широко известна кольчуга XIV века весом 10 килограммов 300 граммов, найденная при неизвестных обстоятельствах на Куликовом поле и хранящаяся в Государственном Историческом музее. Здесь же имеется крест XIV века, вставленный (видимо, в XIX веке) в серебряную оправу с надписью на французском языке: «Крест найден на Куликовом поле, где московский князь Дмитрий разбил татар в 1380 г.». К этому перечню можно добавить несколько татарских стрел-срезней и звеньев кольчуг, обнаруженных недавно при археологических раскопках на Куликовом поле.

Вот и все, что сохранилось в государственных коллекциях нашего времени. Эти следы битвы действительно немногочисленны, хотя со всей очевидностью указывают на реальность и место сражения. Раньше они были более частыми и значительными, но стерлись временем и нерадивым нашим отношением к прошлому.

История вопроса такова. Стоя восемь дней «на костях», русские воины не только хоронили павших и залечивали раны, но и, несомненно, собирали по всему Куликову полю оставшееся после битвы оружие. Металл в то время ценился очень высоко, и все изготовленные из него вещи представляли ценность. Несмотря на сборы оружия непосредственно после битвы, в начале XIX века на Куликовом поле, по свидетельству С. Д. Нечаева и М. Н. Макарова, еще выпаживались многочисленные копья, пики, мечи, бердыши, наконечники стрел, а также медные и серебряные нательные кресты, нагрудные образки и перстни. Значительное количество куликовских реликвий собрал С. Д. Нечаев, описавший некоторые из них в «Вестнике Европы». В частности, он опубликовал рисунок татарской стрелы-срезня, не учтенной еще современными исследователями эпохи Куликовской битвы.

По свидетельству М. В. Фехнер, некоторые свои находки С. Д. Нечаев подарил декабристу А. А. Бестужеву, писателю Н. М. Карамзину, скульптору И. П. Марто-су, президенту Академии художеств А. Н. Оленину, тульскому губернатору В. Ф. Васильеву и др. Из этого можно сделать вывод о размерах коллекции С. Д. Нечаева, который, конечно, не мог раздавать своих «последних» вещей. Основные куликовские

находки С. Д. Нечаев хранил в домашнем музее в своем имении Сторожево. Эта коллекция, как и подарки С. Д. Нечаева, бесследно исчезла.

Другие куликовские помещики также смогли создать коллекции из находок на своих землях. Значительное количество вооружения, древнерусской медной, пластики, перстней находилось у графа А. В. Олсуфьева, владевшего землями на Непрядве, в районе села Буйцы. Часть этих вещей была передана в дар тульскому губернатору и в дальнейшем затерялась. Во всяком случае в областном краеведческом музее следов олсуфьевской коллекции не обнаружено.

Аналогичный путь проделала и другая куликовская коллекция начала XIX века. По свидетельству М. Н. Макарова, в 1826 году «некто Бергольц, распорядившийся богатейшим имением наследников покойного графа Бобринского, собрал все древнейшие сокровища, находимые на поле Куликовом... и подарил тульскому губернатору графу В. Ф. Васильеву»¹⁷.

Затем сообщения о находках на Куликовом поле прерываются. В 1890 г. Н. И. Троицкий сообщает о «еще одном бердыше», найденном и описанном археологом И. П. Сахаровым в 1819 году. Близ села Монастырщина он обнаруживает несколько складней и нательных крестов, а также серебряную золотоордынскую монету XIV века с надписью на лицевой стороне: «Султан Великий Узбек-хан»¹⁸.

Все эти предметы, переданные Н. И. Троицким в Тульское древлехранилище, не сохранились. Утрачены и два перстня с Куликова поля — золотой перстень XII века с изображением архистратига Михаила и архангела Гавриила и бронзовое кольцо-печатка, хранившиеся в Государственном Историческом музее.

Даже в 30-х годах текущего столетия, но словам местных жителей, трактором выпаживали на полях бывшего имения Олсуфьева предметы вооружения и нательные кресты. Эти вещи никто не собирал, и они не описаны в научной литературе. Вещественные следы Куликовской битвы могли еще недавно сохраняться в небольшом музее Епифани, который был закрыт в 50-х годах. Часть епифанской коллекции попала позднее в Тульский областной музей, где она до сих пор тщательно не исследована.

При рассказе об истории находок с Куликова поля приходится, к сожалению, часто повторять слова: «утрачены», «потеряны», «исчезли». Но эти слова дают ясный ответ на вопрос, почему так мало предметов, относящихся к Куликовской битве, дошло до нашего времени. *Сражение оставило множество вещественных следов*, частично стертых нашим пренебрежительным отношением к прошлому, частично еще хранящихся в земле Куликова поля. Особый интерес в этом плане представляют балки района, земли которых еще не распахивались.

Народная память о Куликовской победе запечатлена во многих историко-архитектурных памятниках прошлого. В память о погибших на Поле еще при Дмитрие Ивановиче в XIV веке в Москве была построена церковь Всех Святых «на Кулишах». Перестроенная в XVII веке, она сохранилась до наших дней. В XVIII веке были воздвигнуты «поминальные» храмы: Рождества Богородицы — в Симоновой монастыре в Москве и Дмитрия Солунского — в Новгороде. Сооружение последней церкви является косвенным подтверждением факта участия новгородских воинов в Куликовской битве¹⁹.

В 1792 году в Троицкой лавре установлен обелиск в честь подвига Перссвета и победы на Куликовом поле, «положившей основанием свержение и конец ига татарского»²⁰. Созданный в середине XIX века скульптором А. В. Логановским горельеф с изображением главных героев Куликовской битвы перед выступлением в поход существовал в храме Христа Спасителя в Москве.

Степану Дмитриевичу Нечаеву мы обязаны не только его важнейшими свидетельствами о Куликовом поле XIX века. Он был инициатором сооружения здесь удивительных по простоте и величю историко-архитектурных памятников, увековечивающих память о прошлом. Более 30 лет отдал С. Д. Нечаев этому важнейшему делу своей жизни.

Вместе с гражданским тульским губернатором В. Ф. Васильевым в 1820 году он обратился с ходатайством к генерал-губернатору Тульской и Орловской губерний А. Д. Балашову. Подчеркнув «сходство эпохи Мамаева побоища с современными отечественными событиями» — Отечественной войной 1812 года, — они просили согласия Александра I на сооружение памятника на Куликовом поле за счет сбора пожертвований среди «всех сословий государства».

Мечта С. Д. Нечаева, настаивавшего на сооружении памятника непосредственно на месте сражения, осуществилась в 1848 году. Вершину Красного холма увенчал созданный по проекту А. П. Брюллова величественный монумент — мемориальная колонна с надписью: «Князю Дмитрию Иоановичу Донскому от признательного потомства». Высоко вознесясь над Полем, памятник как бы подтверждает слова Великого князя московского об увековечении памяти о Куликовской победе в будущем.

8 сентября 1850 года состоялось торжественное открытие этого выдающегося исторического и архитектурного памятника. Надо прямо сказать, что по своей величественной простоте, суровой и торжественной лаконичности брюлловский памятник Дмитрию Донскому выгодно отличается от предыдущего «ампирного» проекта известного скульптора И. П. Мартоса. Незадолго до смерти С. Д. Нечаев организовал сбор средств на построение каменного храма на Куликовом поле.

В 1867 году в селе Монастырщина на месте старой деревянной церкви Рождества Богородицы сооружается одноименный каменный храм, стоящий, по преданию, на месте захоронения павших в битве воинов. Рядом с памятником Дмитрию Донскому на Красном холме в 1913 — 1914 годах сооружается храм в честь Сергия Радонежского, благословившего русских воинов на ратный подвиг. Автор проекта этого оригинального храма-крепости архитектор А. В. Щусев писал: «Это был первый мой опыт, где я шел по новому пути использования русской архитектуры, далекому от сухих академических схем». Мощью и неколебимостью веет от этого увенчанного шлемовидными куполами храма, как бы символизирующего дух русского воинства.

Удивительно цельный, единого настроения и звучания архитектурный ансамбль на Красном холме виден издали. Сказочно-былинным градом он как бы парит в воздухе над полем Великой битвы, утверждая нашу память о прошлом. К 600-летию юбилею битвы исторические памятники были отреставрированы. В храме Сергия Радонежского открылся с большим вкусом и любовью оформленный музей «Куликово поле», украшением которого стали находки последних лет в районе сражения.

Осенью 1941 года волна фашистского нашествия достигла пределов Куликова поля. По свидетельству местных жителей, фронт в это время проходил здесь по линии Михайловское — Красные Буйцы — Товарково. Новоявленным ордам не удалось захватить священные земли Поля. Сюда прорывались лишь отдельные отряды фашистов, которые в бессильной злобе сожгли деревню Моховое. Для борьбы с захватчиками в район балки Курцы был выброшен десант. В середине декабря 1941 года бойцы 346-й стрелковой дивизии полностью очистили Куликово поле от новоявленных поработителей.

Подтвердились пророческие слова А. Блока: «Куликовская битва принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение». Так осуществлялся *великий закон связи времен от прошлого к будущему и от будущего к прошлому*.

Яркими сполохами озарены некоторые страницы великой истории нашей страны. В самые тяжелые времена прошлого русские люди вместе с другими братскими народами являли всему миру величие духа, неимоверную стойкость и массовый героизм. К числу таких страниц, несомненно, относится Куликовская битва. В светлом образе победы на Непрядве советские люди неизменно черпали силы. Подобные периоды духовного подъема, предельной мобилизации народных сил привлекают особое внимание теперь, когда наша страна (в условиях сложной международной обстановки) охвачена свежими ветрами перестройки и обновления.

Но не только *прошлое влияет на будущее*. Происходит и обратный процесс: *будущее стремится ко все более полному восстановлению прошлого*.

Не точна поговорка: кто владеет настоящим, тот владеет и прошлым. Такая власть неустойчива, эфемерна в силу относительности понятия «настоящее время», постоянно уходящего в прошлое. Только будущее может полностью овладеть прошлым. Недаром говорят, что для оценки какого-либо события необходимо время, историческая дистанция. Благодаря непрерывному процессу развития науки, культуры и техники последующие поколения все более полно и разносторонне способны оценить и восстановить события и явления прошлого.

Примером может послужить эпоха Куликовской битвы. Более шести веков прошло со времени сражения. Неумолимый бег времени все более удаляет от нас это великое событие нашей истории. Но контуры его не отступают в «туманную даль», а как бы все время приближаются, становятся все более отчетливыми. Несомненно, что еще многие тайны Куликова поля будут раскрыты соединенными усилиями ученых различного профиля.

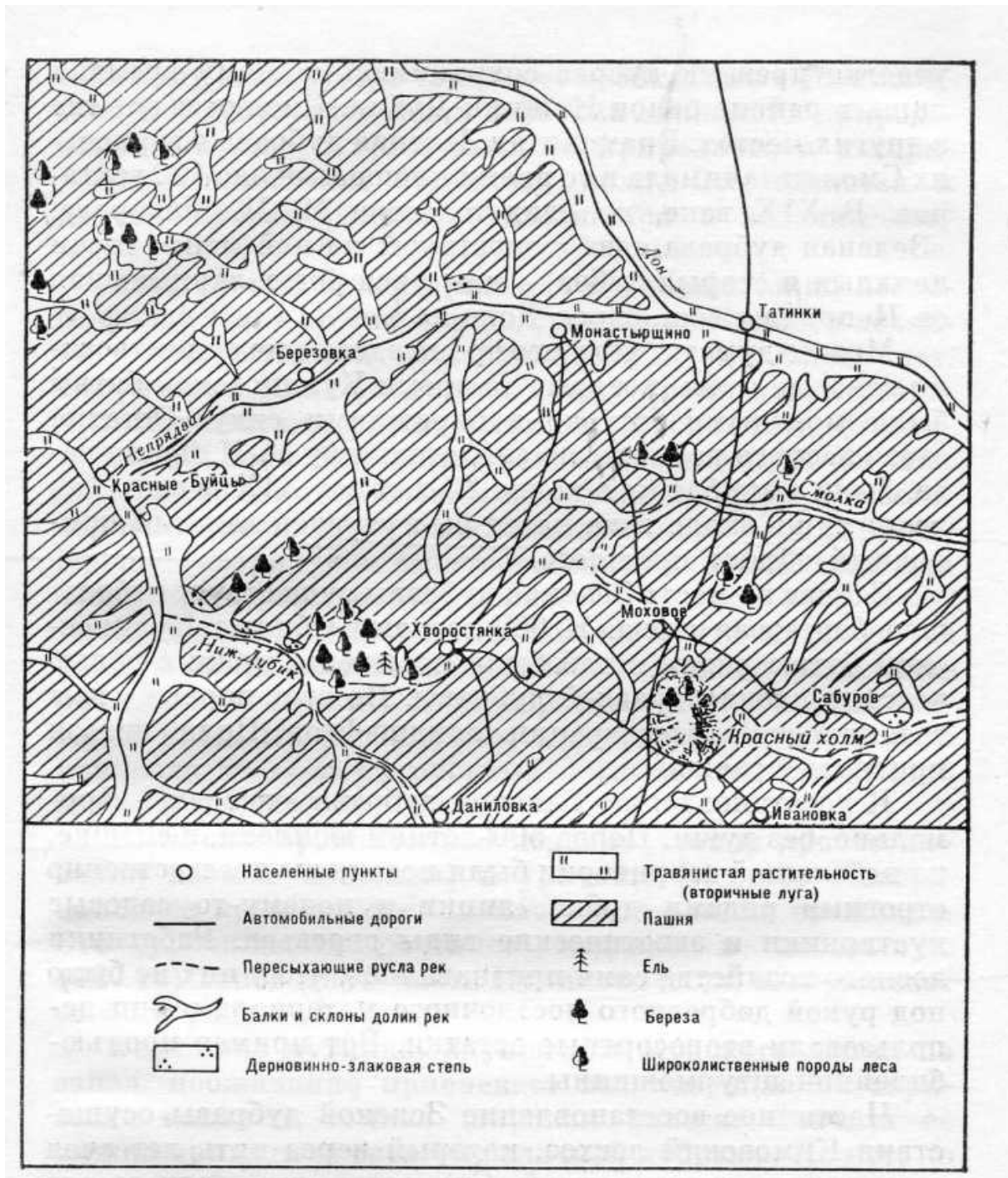
Конечно, нельзя пассивно уповать на будущее. Его основы закладываются теперь, сейчас, в настоящее время. Поэтому столь важны реальные конкретные и энергичные действия по дальнейшему выявлению, охране и восстановлению следов прошлого непосредственно на самом Куликовом поле.

БУДУЩЕЕ КУЛИКОВОГО ПОЛЯ

В лучах заходящего солнца темно-зеленая полоса дубравы была как бы подернута золотистой пеленой желтеющих берез. В этот сентябрьский день 1985 года она отчетливо выделялась на фоне бескрайних пашенных земель Куликова поля. Надолго запомнится первая встреча с Разуваевым лесом, расположенным в отрогах балки Смолки.

Балочная дубрава привлекла внимание нашего отряда географов, исследующих современные остатки былой природы Куликова поля. Спускаясь в балку Разуваева леса, мы вспугнули лисицу, огненно-рыжий хвост которой мелькнул и исчез в зарослях кустарника. Удивительно яркий пример приспособления диких животных к новым условиям среды — лисице каким-то образом удалось поселиться в небольшом перелеске, со всех сторон окруженном обрабатываемыми полями!

Вся дубрава Разуваева леса имеет порослевое происхождение. Иными словами, на протяжении многих веков она постоянно возобновлялась от пней после рубок деревьев. Последняя массовая рубка относится, вероятно, к годам Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют пни 40 — 45-летнего возраста. От этих остатков старого леса развились прекрасные дубы, простирающие свои кроны до высоты 25 метров. Сохранились здесь и кустарники, и травы, типичные для дубрав. На наших глазах, таким образом, происходит не только самовозобновление дубов — прямых потомков вековых дубов эпохи Куликовской битвы, но и всего первозданного растительного комплекса.

Ландшафтная карта Куликова поля в настоящее время

Однако способность природы к самосохранению и самовозобновлению не безгранична. Многие ранее дубравные балки Куликова поля ныне полностью обезлесели. Почти совсем «облысели» балки Смолка, Курца, Рыхотка и другие, где некогда шумели зеленые дубравы. В этих местах постоянные рубки леса сопровождались интенсивным выпасом скота, уничтожавшего молодые всходы.

Уже в конце XVIII века правобережье Непрядвы — место Куликовской битвы — стало почти безлесным. На составленном в 1785 году Геометрическом генеральном плане города Епифань и его уезда видно, что небольшие участки древних дубрав сохранились к этому времени лишь в районе балок Нижний Дубик, Смолка и кое-где в других местах. Знаменитая Зеленая дубрава в верховьях Смолки занимала в то время площадь около 100 гектаров. В XIX веке, по свидетельству М. Н. Макарова, «Зеленая дубрава едва

существует: на ней менее сотни дряхлых и старых дубов — вот и вся роща, занимавшая от Непрядвы весь берег Дона...»¹.

Можно думать, что в это время здесь еще существовали вековые дубы, которые во время Куликовской битвы были молодыми, только набиравшими силу. Остатки этого лесного реликта, по свидетельству Н. И. Троицкого, были вырублены в конце 80-х годов XIX века². Так всего лишь около века назад был утрачен важный природный объект прошлого.

Сейчас на месте Зеленой дубравы существует небольшая березовая роща. К 600-летнему юбилею Куликовской битвы рядом с ней были посажены дубки с целью восстановления древней дубравы. Но этот первый опыт ботанической реставрации ландшафтов Поля нельзя признать успешным.

К восстановлению Зеленой дубравы отнеслись формально, без души. Перед 600-летним юбилеем, в спешке, на небольшой территории были посажены неестественно строгими рядами дубки, липки и почему-то садовые кустарники и экзотические виды деревьев. Работники лесного хозяйства сами признавались, что у них не было под рукой добротного посадочного материала и они использовали второсортные остатки. Вот пример предъюбилейной штурмовщины.

Частичное восстановление Зеленой дубравы осуществил Кимовский лесхоз, который через пять лет счел свою задачу выполненной. Считается, что, если за это время дубки укоренились и набрали силу, дальнейший уход за ними не нужен.

Возможно, такое правило где-то и применимо, но не на Куликовом поле, где сохранившиеся остатки леса, а тем более новые лесопосадки должны находиться под постоянным уходом работников лесного хозяйства. Забота о лесе на Поле должна быть постоянной, а не временно активизирующейся во время юбилейных дат.

Ее предложили передать в ведение музея «Куликово поле», который не располагает средствами и специалистами для квалифицированных лесоохранительных работ и наблюдений. Теперь Зеленую дубраву передали местному совхозу, где также нет необходимых специалистов * (* Сейчас, после ряда публикаций на эту тему, положение изменилось: над Зеленой дубравой установлено шефство двух лесхозов — Кимовского и Богородицкого.). В результате таких действий снижается природоохранительный статус этого важного природного и исторического памятника Куликова поля. Это касается и других дубрав района, оказавшихся в ведении совхозов.

Тщательной инвентаризации и упорядочения лесного фонда Поля до сих пор не проведено. Единого хозяина — охранителя и восстановителя леса — здесь нет. Территория Поля разделена между тремя лесничествами: Куркинским, Кимовским, Богородицким, относящимися к трем различным районам. Некоторые из этих лесничеств заинтересованы не только в охране и восстановлении леса, но и в лесоэксплуатационных работах. Проще говоря, они заинтересованы в рубке леса для своих производственных целей.

Сказанное, конечно, не означает, что я ратую за полную неприкосновенность лесов Куликова поля, которые должны служить многообразным потребностям жителей края. Но необходимость ограничения и строгого контроля за любыми рубками леса на этой священной земле очевидна.

Ведь еще сравнительно недавно «топор дровосека» валил лесные исполины в урочище Водяное Поле — наиболее крупном лесном массиве в районе сражения. Это урочище, включенное недавно в небольшую (127 га) заповедную часть Куликова поля, заслуживает особого рассказа.

Внимание путника, идущего от Красного холма на запад, неожиданно привлекает возникающая на горизонте какая-то темная широкая полоса. Сначала ее можно принять за остатки балочной дубравы. Но нет, по мере приближения лес не редет, не распадается на отдельные перелески, а становится все более могучим, монолитным. Еще большее удивление охватит путника, вступившего в прохладную сень лесной чащи. Его

обступят могучие дубы, стройные мохнатые ели, корабельные сосны, достигающие высоты 30 метров. Кое-где встречаются береза и осина. Густой подлесок образуют бересклет бородавчатый, жимолость, калина, черемуха и ива.

Это настоящий лесной оазис — многоярусный лес, типичный для более северных районов. Лес находится в стадии удивительного биологического расцвета. Свидетельство тому — прекрасное возобновление дуба и других пород. В условиях особого микроклимата в урочище прекрасно чувствует себя ель, древостой которой достигают здесь первого лесотаксационного бонитета. Еловый подрост столь обилён, что во многих местах лишь с трудом удастся пройти через его колючий заслон.

Столь бурное развитие ели в лесостепной зоне заслуживает особого внимания. Ведь ельники подобного типа характерны для северных районов Русской равнины, где они смыкаются с зоной темнохвойной тайги.

Когда же попали на территорию Куликова поля эти посланцы севера? Находки пыльцы ели в древних отложениях болота близ деревни Березовка показывают, что эти представители тайги появились на Куликовом поле около шести тысяч лет назад. Находясь в лесостепи, у крайнего южного предела своего существования, ель чутко реагировала на малейшие климатические колебания, которые то ухудшали, то улучшали условия ее развития. Благоприятные для ели условия возникали при увеличении увлажненности лесостепной зоны. Последний этап такого увлажнения совпал с началом малого ледникового периода в XIV веке. Современный расцвет еловых лесов в урочище Водяное Поле свидетельствует, что период относительного похолодания и увлажнения климата продолжается до настоящего времени.

Наиболее древние ели и сосны урочища Водяное Поле имеют возраст около 80 лет. Они были посажены в начале нашего столетия, прижились и хорошо развивались до настоящего времени. Существовавшая здесь ранее дубрава гостеприимно приняла новых пришельцев, оградив их молодые посадки от жарких солнечных лучей своим прохладным лесным пологом. Окрепнув, слово-сосновые насаждения образовали с дубравой единый монолитный массив с особым микроклиматом, способным противостоять засушливым условиям лесостепной зоны.

Этот пример показывает, что в природе существует не только межвидовая борьба за существование, но и сосуществование, своеобразное «сотрудничество». Во всяком случае ценный, почти вековой опыт посадок ели и сосны в урочище Водяное Поле заслуживает внимания лесоводов для решения проблем выращивания деловой древесины в условиях лесостепи.

В условиях благоприятного соотношения тепла и влага хорошо развиваются и дубравные участки урочища. Отдельные дубы превышают по высоте 25 метров при диаметре ствола до 60 сантиметров. Земля вокруг отдельных деревьев буквально усеяна желудями, что говорит о хорошем состоянии леса.

Дубравы Водяного Поля имеют в основном естественное происхождение, хотя и встречаются посадки начала текущего столетия. Их жизнь поддерживалась путем семенного или порослевого возобновления. Многие современные могучие дубы возникли путем развития отпрысков от пней срубленных деревьев. Способность дуба, как и некоторых других древесных пород, к порослевому возобновлению буквально поразительна. Это свойство позволяет лесу выдерживать исключительно высокое антропогенное давление. Пример тому — судьба сохранившихся до наших дней балочных дубрав Куликова поля.

В течение многих веков их беспощадно и неоднократно вырубали. И все же каждый раз па мосте срубленной дубравы снова возрождалась жизнь. Молодая поросль неумолимо тянулась к солнцу, и через несколько десятилетий на месте вырубки вновь шумела зеленая дубрава.

Восторгаясь первозданной красотой заповедного урочища Водяное Поле, нельзя все же не заметить следы его изменения человеком. Наивно предполагать, что этот

лесной массив просуществовал до наших дней в нетронutom, девственном виде. Здесь уже не встретишь многовековых дубов — свидетелей Куликовской битвы, вырубленных, вероятно, еще в XVIII — XIX веках. Выявляются следы рубок начала нашего века, так как наибольший возраст дубов урочища не превышает 80 лет. Брали здесь лес и в более позднее время. Но даже в суровые годы Великой Отечественной войны этот уникальный лесной массив не был вырублен и, таким образом, был сбережен для будущих поколений.

Заметны признаки послевоенных, иногда близких к нашему времени рубок. Кое-где лесная чаща редет: коренные породы леса сменяются древостоями вторичного происхождения из березы, осины, ивы. Внимательный взгляд обнаружит на таких участках следы сплошных рубок, недопустимых в лесостепных дубравах. Они, к счастью, не нанесли серьезного ущерба урочищу. Но надо думать о будущем. Для местных жителей не секрет, что рубки леса на Водяном Поле под разными предлогами велись до самых последних лет.

После 600-летнего юбилея Куликовской битвы и придания урочищу заповедного статуса они были приостановлены. Только приостановлены, так как планы хозяйственного использования заповедного леса существуют. Это не означает, что рука человека вообще не должна касаться лесов урочища и других дубрав Куликова поля. Но рука должна стать «дающей», а не «берущей». Необходимы рубки ухода, оздоравливающие и укрепляющие лес. Но под их предлогом нельзя организовывать промышленную добычу древесины. Необходимы и продуманные посадки деревьев, желателен местным породам, которые могли бы заполнить бреши в лесной чаще.

Особого внимания, охраны и помощи заслуживает богатый животный мир Водяного Поля. Здесь нашли себе убежище лоси, кабаны, барсуки, енотовидные собаки, лисицы, зайцы и другие. Поселившиеся здесь недавно грациозные косули — самое ценное украшение фауны урочища. Шесть косуль сейчас обитают в урочище по свидетельству местного лесника. Они сами нашли этот обетованный край. Вот еще один пример стремления вида к самосохранению.

Чудом уцелевшая, пережившая много невзгод, природа Водяного Поля все же очень хрупка и беззащитна. Его покой нарушает не только стук топора, но и выстрелы охотников. Да, да, охотников, приезжающих сюда за легкой добычей (лес ведь невелик) из Тулы — охотиться по лицензиям. Одну группу таких «любителей природы» возглавил весной 1986 г. бывший начальник Управления лесного хозяйства Тульской области Н. М. Краснов.

Но кто может выдавать лицензии на отстрел животных в заповедном урочище? Ответа на этот вопрос пока нет. Однако ясно, что все принятые до сих пор решения о заповедном статусе отдельных участков Куликова поля являются как бы фиктивными, не реализованными. Так что я не уверен, что шесть косуль, о которых мне рассказывал лесник Водяного Поля летом 1985 года, еще здесь существуют.

Никто, кроме единственного лесника, не охраняет умножившийся за последнее время животный мир Водяного Поля. Никто здесь не подкармливает зверей, как это принято в заповедниках. Статус заповедного урочища, приданный Водяному Полю, без штата сотрудников и средств малоэффективен. Оно по существу остается пока обычным лесным участком Гослесфонда.

Но ведь это не обычный лес, а уникальный комплекс флоры и фауны, дошедший до нас через вереницу веков. Вместе с расположенным рядом степным участком ковылей он может по праву стать выдающимся памятником природы лесостепной зоны Русской равнины. Нельзя забывать, что этот памятник находится в центральной части Поля Великой битвы.

Неменьшую природную и историческую ценность имеют и сохранившиеся на Куликовом поле остатки былых степей. В первую очередь это относится к небольшим пятнам ковыльных степей, сохранившимся на южных склонах долин и балок района.

Это также бесценное наследие прошлого: та самая, упомянутая в летописях ковыль-трава, которая была свидетельницей Великой битвы. Побывавший на ковыльном склоне Нижнего Дубика знаток флоры Тульской области А. И. Алюшин был поражен обилием встреченных здесь редких степных растений. Он свидетельствует: «В конце июня или начале июля перистый ковыль распускает свои белые ости, и тогда склон становится особенно красив. Несколько позже выбрасывает жесткие ости ковыль волосатик. Сотни видов растений с весны до осени украшают своими яркими цветами склон речной долины... Не одно тысячелетие хранит здесь природа ковыль со свитой его спутников. Собрание столь редких для области видов делает растительный покров южного склона правого берега Нижнего Дубика крайне ценным. Это урочище со всей его флорой *должно быть сохранено для науки и грядущих поколений*»³.

Этот призыв пока не услышан. Будущее уникального участка степи на Нижнем Дубике находится под угрозой. Пашня здесь вплотную подступила к седому склону и сопутствующие ей сорняки уже вторглись в степные сообщества, нарушив его первозданную структуру. На отдельных участках цепкие корни пырея ползучего уже заглушили степные виды.

Особую опасность представляет интенсивный выпас скота, который в короткий срок может уничтожить все это степное величие. О реальности подобной угрозы свидетельствует судьба умирающего ковыльного участка в балке на Курцах, в восточной части Куликова поля близ деревни Яковлевка. Сохранившееся здесь небольшое пятно древних ковылей сокращается буквально на глазах из-за интенсивного выпаса скота. Домашние животные не поедают повылы, а просто вытаптывают их.

Дальнейшие поиски привели к находкам еще нескольких небольших участков реликтовых ковыльных степей на Куликовом поле. Они были обнаружены на южном склоне долины Непрядвы, примерно в двух километрах к западу от села Монастырщина, в районе деревни Большая Березовка, а также в долине речки Рыхотки у села Грибоедове. Во всех этих пунктах сохранились небольшие участки ковыльных степей, находящиеся под угрозой полного исчезновения. Необходимы срочные меры для сохранения этих реликтов природы эпохи Куликовской битвы.

Но самое большое ковыльное поле мы обнаружили в июне 1986 года на левом берегу Дона в районе села Татинки, где, по преданию, русские полки переправлялись на Куликово поле. Дон в этом месте неглубок и имеет удобные броды. Этот удивительный по красоте степной участок указал нам сотрудник музея «Куликово поле» Андрей Анисимович Родиончиков — большой знаток истории и природы края.

Крутые левобережные склоны Дона как бы подернуты белой, колышущейся пеленой. Это тысячи перистых ковылей, распутивших свои серебристые «страусовые» ости, трепетали при малейшем дуновении ветра. Местность эта называется Лягушка. Подтверждая это название, сотни лягушек на заходе солнца исполнили грандиозный концерт.

Утром мы подробно обследовали ковыльные склоны, общая площадь которых составляет около шести гектаров. Здесь встречаются участки почти первозданных ковыльных степей. Наиболее интересны сообщества, в которых ковыль перистый сочетается с осокой низкой. Этот растительный реликт ледниковой эпохи имеет возраст не менее десяти тысяч лет. На отдельных участках, нарушенных деятельностью человека, ковыль редеет и исчезает. Антропогенный пресс все сильнее давит на этот живописный уголок верхнего Дона, грозя стереть его с лица земли. Туристы из Кимовска и других мест собирают цветущие ковыли в букеты и тем препятствуют семенному возобновлению растений. Следы машин бороздят ковыльное поле, на котором к тому же пасется огромное стадо соседнего колхоза. А ведь этот край по своей исторической и природной значимости мог бы стать предметом гордости не только Кимовского района и Тульской области, но и всей страны.

Не менее печальна судьба степной растительности, восстанавливавшейся на многолетней залежи вокруг памятника Дмитрию Донскому на Красном холме. Здесь в 1850 году был выделен квадратный участок земли (4,5 га), огражденный канавой и живой изгородью. Для охраны территории и памятника был построен караульный домик, в котором жили два отставных солдата. Это была первая попытка выделения заповедного участка на Куликовом поле.

В течение прошедшего времени здесь начали частично восстанавливаться степи первоначального естественного облика. Появились дикие растения лугов и степей. Этот процесс естественного восстановления девственной флоры был нарушен. При подготовке к 600-летию Куликовской битвы «этот остаток целины у подножия обелиска почти полностью уничтожен: засыпан мощным слоем чернозема и засеян луговыми травами. Таким образом, на месте красочного русского поля, очень хорошо приспособленного к сухому степному климату, создан зеленый газон английского типа из луговых трав. К тому же этот газон обложен бетонными плитами. В результате нарушена мемориальная сущность памятника»⁴.

И все же английский газон не выдержал климата русской лесостепи, и вокруг памятника Дмитрию Донскому начала восстанавливаться естественная, хотя и несколько обедненная, луговая степь. Здесь встречаются степные и луговые виды, колокольчик сибирский, типчак, осока ранняя, чернобыльник, клевер белый, шалфей луговой, синеголовник, ромашка луговая. Попадают и сорняки: лебеда, бодяк полевой. Особенно много овсяницы, заглушающей лугово-степные растения.

Лесопосадки вокруг мемориального комплекса на Красном холме осуществлены также непродуманно, без учета ландшафтно-архитектурной перспективы. Вдоль дорог посажены ряды высокоствольных тополей, закрывающих, с одной стороны, обзор района битвы с Красного холма, а с другой — сам мемориальный комплекс, контуры которого с отдельных точек наблюдения размываются на фоне хаотичных лесопосадок. Заросли сирени, акации, ивы вблизи памятника Дмитрию Донскому не соответствуют исторической сущности памятника на Красном холме.

Эти примеры безответственного отношения к прошлому показывают, что при разработке и осуществлении проекта реставрации мемориального комплекса на Красном холме не было учтено мнение экологов и других природоведов. Проектировщики, архитекторы, строители просто не ведали, что, восстанавливая архитектурные памятники, они уничтожают памятник природы. Но ведь любой специалист, приступающий к работе на Куликовом поле, должен ясно осознавать особую значимость природы в истории края.

Делается все это не по злому умыслу или крайней хозяйственной необходимости, а по элементарному незнанию высокой ценности природных памятников прошлого. Сказывается недостаточная эффективность, оторванность от жизни системы экологического и природоохранного образования. В школьные годы взрослого поколения тружеников Куликова поля этим вопросам уделялось мало внимания. Современная молодежь лучше подготовлена к восприятию экологических проблем, к пониманию необходимости сбалансирования процесса взаимодействия между природой и обществом.

В этом меня убеждает встреча с учащимися средней школы поселка Ивановка, расположенного в самом центре Куликова поля. Ребята с большим интересом слушали рассказ о новых научных исследованиях на Куликовом поле и выразили желание принять участие в природоохранных работах. Будущее Куликова поля в большой степени будет зависеть именно от поколения молодых людей, которым вскоре предстоит трудиться на полях родного края.

Охрана дикой флоры и фауны Куликова поля вписывается в более общую, глобальную проблему сохранения генетического фонда живых организмов нашей планеты. Утрата каждого вида растения или животного — невосполнимая потеря для человечества, зияющая брешь в цепи эволюционного развития биосферы. Господствующее в мире до последнего времени утилитарное отношение к природе, наивное

представление о неисчерпаемости ее биологических ресурсов привело к исчезновению с лица Земли многих видов и форм живых организмов.

Специалисты в области охраны природы подсчитали, что с 1600 года было безвозвратно утрачено 140 видов растений, 36 видов млекопитающих и 94 вида птиц.

Все более ускоряясь, этот процесс оскудения биосферы Земли принял сейчас катастрофический характер. Теперь уже во всем мире 120 видов млекопитающих и 187 видов птиц находится на грани полного исчезновения. Аналогичная угроза нависла над десятью процентами видов флоры СССР⁵.

Важную природоохранную роль играет Красная книга СССР, «хотя юридическое положение внесенных в нее видов и форм недостаточно четко определено»⁶. Необходимо ясное пространственно-географическое осмысление понятия «редкий и исчезающий вид». Ведь многие представители растительного и животного мира, не включенные в эту общесоюзную книгу, являются в действительности и редкими и исчезающими для отдельных районов СССР. Это в первую очередь относится к степной и лесостепной зонам страны. Здесь антропогенная трансформация природы достигла таких масштабов, что все виды дикой флоры и фауны этих зон должны быть отнесены к категории редких и исчезающих.

Охрана редких видов осуществляется различными способами. Можно идти по пути сбережения исчезающих элементов растительного и животного мира в искусственных условиях: в ботанических садах, зоопарках и т. д. Но в последнее время специалисты все чаще приходят к выводу, что подобный путь не является главным. Оторванные от своих природных (геологических, экологических, исторических) корней, отдельные виды растений и животных со временем утрачивают некоторые присущие им первозданные качества. Поэтому охраняться должен не отдельный вид, а весь присущий ему биогеоценоз.

Вывод напрашивается сам собой: действенную охрану редких растений и животных без охраны их естественных местообитаний осуществить невозможно. Этим и объясняется то внимание, которое уделяется развитию и укреплению заповедного дела в нашей стране. Служба охраны биогеоценозов осуществляется в форме организации заповедников, заповедных урочищ, природных парков и заказников. Отдельные участки могут объявляться памятниками природы.

Наиболее перспективной для Куликова поля представляется организация системы государственных заповедных урочищ, предусмотренных Законом об охране природы РСФСР. Они «создаются для охраны популяций ценных форм растений и животных или представляющих особый интерес. В отличие от заповедников в заповедных урочищах охраняются природные комплексы неполного биогеоценотического состава... вследствие чего они могут оказаться неспособными к самовозобновлению и саморегуляции и требовать постоянного подменяющего вмешательства человека (подкормка, снособствование естественному возобновлению леса, регулирование численности животных и т. д.). Однако в заповедных урочищах сохраняются основные особенности типичных местообитаний — естественный состав и структура охраняемых компонентов и блоков биогеоценоза, естественный ход сезонных процессов и т. д. Заповедные урочища создаются бессрочно, на их территории должна быть запрещена всякая хозяйственная (производственная) деятельность»⁷.

Охрану современных остатков былого растительного и животного мира Куликова поля надо рассматривать в широком, перспективном плане. Сохранившиеся здесь представители дикой флоры и фауны могут послужить биологическим фондом для частичного восстановления древних ландшафтов района, соответствующих эпохе сражения. Ясно, как важно использовать для этой цели, например, местные виды диких растений, связанные своими корнями с прошлым, с той самой содрогавшейся от битвы землей, где «трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились».

Речь, таким образом, идет не только об охране, но и о **восстановлении** некоторых черт древней природы Куликова поля. Выдвигавшиеся ранее предложения о заповедности

всего Поля малореальны, так как в этом случае пришлось бы изъять из сельскохозяйственного оборота многие тысячи гектаров освоенных природных земель. В этом нет необходимости. Как показали наши археолого-палеогеографические исследования, здесь (еще задолго до Куликовской битвы) существовало древнерусское земледелие.

И все же интересы хозяйственного развития Куликова поля должны учитывать его значимость как выдающегося памятника природы и истории нашей страны. В этой связи сотрудниками Института географии АН СССР, Государственного Исторического музея, Всесоюзного научно-исследовательского института охраны природы и заповедного дела и Института спецпроектреставрации Министерства культуры РСФСР разрабатывается проект «Куликово поле». Проект направлен на создание на территории Куликова поля первого в нашей стране природно-исторического заповедника, сочетающего интересы дальнейшего развития хозяйства и туризма с охраной и восстановлением его древних ландшафтов, соответствующих эпохе битвы.

Программа проекта базируется на археолого-палеогеографической карте района, на которой выделены первоочередные и перспективные заповедные участки Поля. На ней показаны древнерусские селища и городища, а также растительность, почвы и другие компоненты ландшафта эпохи битвы. Осуществленные по этой карте исторические и ландшафтные реконструкции существенно увеличат музеефикационную значимость Куликова поля. Расширятся возможности экскурсионных маршрутов, ограниченных сейчас посещением только исторических памятников на Красном холме.

Реализация проекта в его природоохранной части должна начинаться с охраны и восстановления дубрав и степей на отдельных, наиболее ярких и представительных в ландшафтно-историческом отношении участках. Таким участкам придается статус заповедных урочищ или памятников природы, и сельскохозяйственная деятельность здесь прекращается или меняется на более «щадящий» режим. Урочища в первую очередь должны быть созданы на упомянутых ранее ковыльных участках степей, в балочных дубравах, а также в местах наиболее выдающихся археологических памятников Куликова поля и долины Непрядвы. Особый природоохранный режим должен быть выработан для территории, расположенной вокруг мемориального архитектурного комплекса на Красном холме. Следует расширить границы заповедного урочища Водяное Поле, включив в него наиболее интересные в ландшафтном отношении участки балки Нижний Дубик.

Необходимо выработать особый водоохраный режим для рек района Куликова поля. Сейчас пашня во многих местах вплотную подступает к поймам Дона и Непрядвы. Во время весенних очень бурных половодий богатый черноземом пахотный слой смывается в реки, вызывая их заиление и обмеление.

Выделение сравнительно небольших заповедных урочищ на Куликовом поле ни в коей мере не нанесет ущерба дальнейшему сельскохозяйственному развитию района. Потеря нескольких десятков гектаров совхозами может быть с лихвой компенсирована в результате совершенствования агрокультуры.

Расчет показывает, что увеличение урожайности на 2 ц/га только в совхозе «Куликово поле», расположенном в центре района битвы, позволит высвободить из сельскохозяйственного оборота около 400 га бывших под пашней земель.

Охрана выделенных заповедных урочищ может осуществляться различными способами, такими, например, как установление природоохранительных знаков для ограждения отдельных особо важных участков, как это сделано в Приокско-Террасном заповеднике.

В состав новых заповедных урочищ войдут территории, ландшафты которых изменены в разной степени. На отдельных участках эти изменения приобрели необратимый характер, так как земля здесь уже во многом утратила способность к самовосстановлению естественных биоценозов. Охранять же антропогенный ландшафт или уповать на его постепенную трансформацию в течение многих десятилетий не имеет

большого смысла. Специалисты установили, что процесс самозарастания распаханых степных участков может длиться не менее полувека⁸.

Образно говоря, вряд ли можно ограничиться охраной разрушенного здания, не пытаясь его предварительно отреставрировать. Поэтому нельзя ограничиться только охраной современного лесостепного ландшафта на Куликовом поле — необходимо приступить и к его восстановлению.

Восстановление естественных ландшафтов, а не только их охрана — вот главная проблема, дело и цель современной науки и практики природоведения. Конечно, даже частичное восстановление древних ландшафтов — дело сложное и кропотливое. Но ведь существует многовековой и плодотворный опыт лесовосстановительных работ в нашей стране. Учитывая его, можно с уверенностью говорить, что искусственное восстановление дубрав на Куликовом поле не представляет больших затруднений. Сложнее обстоит дело с воссозданием травянистой, в частности степной, растительности Поля. Специальных широкомасштабных исследований в этой области, к сожалению, еще не проведено.

Некоторые ученые пессимистически оценивают сложившуюся ситуацию: «Вопрос о том, какие меры необходимо предпринять, чтобы оградить взятую под охрану природу (заповедников стенной зоны.— Н. Х.) от дальнейшего воздействия антропопрессии, и какие условия необходимо создать, чтобы происходило естественное восстановление нарушенной растительности, пока не решен»⁹. Однако далеко не все согласны с этой неопределенной позицией.

Достаточно напомнить, что первая программа охраны черноземных степей была разработана еще в 1892 году великим русским почвоведом и географом В. В. Докучаевым. Первый метод посадки зерна для восстановления и реставрации травянистых сообществ был предложен в 1880 году А. Н. Красновым и в дальнейшем применен Г. И. Танфильевым, П. Д. Ярошенко и другими учеными¹⁰.

В ряде ботанических садов Украины уже созданы рукотворные ковыльные участки. Опыт воссоздания степных ценозов в естественных условиях накоплен геоботаниками Ростовского государственного университета, Степного отделения Никитинского ботанического сада и др.

По рекомендациям ботаников восстановление степи осуществляется подсевом семян или подсадкой необходимых растений. Для подсева выделенные участки взрыхляются и освобождаются от бывшей растительности. После посева семян ранней весной или в августе почва слегка прикатывается и обязательно поливается в засушливые дни. Еще более эффективен способ воссоздания степей путем посадки дернины, когда переносятся не отдельные виды, а целые растительные сообщества.

Куски степного дерна транспортируются с предосторожностью от пересыхания и высаживаются на территории восстанавливаемого участка. Посаженную дернину надо плотно прижать к дну лунки и поливать в зависимости от погодных условий. Чем гуще размещаются эти дернины, тем быстрее происходит возрождение степи по всей реставрируемой территории. Оптимальный срок проведения таких работ на Куликовом поле: август — сентябрь * (* В 1986 году Владимиром Ивановичем Даниловым, Андреем Анисимовичем Родиончиковым и автором этих строк совместно с учениками средней школы поселка Ивановка на Красном холме были посажены около тысячи дернин ковыль-травы.).

Геоботаники Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства на основе многолетнего опыта пришли к следующим важным заключениям. «В настоящее время принципиальная возможность воссоздания природной травяной растительности путем посадки дерна доказана, и применение ее в производственных условиях зависит только от разработки соответствующих средств механизации заготовки и посадки дерна... Экспериментальные работы по воссозданию травяных ценозов путем посева многовидовой смеси семян также дали положительный результат... Применение

обоих методов позволит в короткий срок решить задачу восстановления природной растительности на территории выделенных заказников»¹¹.

Эти строки звучат оптимистично. Опыт ставропольских специалистов, располагающих конкретными результатами работ по реставрации степной растительности, заслуживает широкого распространения, в том числе и на Куликовом поле.

На все создаваемые заповедные урочища Поля будут составлены крупномасштабные геоботанические карты, вплоть до нанесения на план отдельных экземпляров или групп особо важных растений. Необходимы и паспорта, фиксирующие историю создания и развития каждого заповедного урочища. После осуществления ботанической реставрации ландшафтов Куликова поля на заповедных участках можно будет подумать о возможности их частичного обогащения лесостепной фауной.

Конечно, реализация проекта «Куликово поле» — дело непростое. Оно потребует не только еще большей консолидации ученых различных специальностей, но и принятия определенных административно-хозяйственных решений. В целях координации работ необходим единый организатор, практически контролирующий осуществление проекта на всем Куликовом поле. Таким ответственным органом может явиться постоянно действующий научно-организационный совет по проблемам ландшафтно-исторической заповедности Куликова поля. Совет должен быть наделен не только научными, но и административно-хозяйственными полномочиями. Только таким путем можно полностью реализовать проект природно-исторического заповедника на землях Куликова поля, принадлежащих различным районам и совхозам.

Опыт осуществления проекта «Куликово поле» может стать примером для осуществления подобных работ и в других местах великих освободительных битв нашей страны. Пора обратить внимание на восстановление не только памятников истории, но и памятников природы, особенно таких, как Куликово поле.

И когда седые перья ковыля как символ некогда дикой степи снова взметнутся и зашелестят, сливаясь с шумом дубрав, мы выполним наш долг перед памятью о великом событии истории нашего Отечества.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Создание историко-культурного и ландшафтного заповедника связано с решением многих научных, организационных и хозяйственных вопросов. После проведения междисциплинарных экспедиционных работ в районе Куликова поля ученые дважды обсуждали итоги исследований, намечали планы дальнейших совместных действий. О том, какие вопросы рассматривались учеными, рассказывает автор этой книги — активный участник проекта заповедника «Куликово поле»

Первая конференция по результатам комплексных исследований на Куликовом поле была проведена в Государственном Историческом музее в мае 1985 г. На ней в основном были рассмотрены историко-археологические вопросы с частичным освещением природоведческих. Большинство участников совещания пришло к выводу, что Великая битва 1380 г. произошла на правом берегу реки Непрядвы, примерно в том районе, на который указал более 150 лет назад историк и краевед С. Д. Нечаев.

Это обосновывалось как историко-археологическими, так и природоведческими данными, в частности материалами крупномасштабной почвенной съемки, проведенной А. Л. Александровским, выявившим высокую степень лесистости левобережья Непрядвы. Особо важное значение для решения этого вопроса имел доклад сотрудницы Государственного Исторического музея М. В. Фехнер, доказавшей приуроченность большинства находок, связанных с эпохой битвы, к правобережному водоразделу Непрядвы и прилегающим участкам Дона.

Вторая конференция по изучению Куликова поля под названием «Проблемы охраны и восстановления исторических памятников» состоялась в Москве 6 — 7 апреля 1988 г. Организаторами ее были Институт географии АН СССР, Министерство культуры

РСФСР (институт «Спецпроектреставрация», Государственный Исторический музей), Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела Госагропрома СССР. На этот раз на первый план были выдвинуты природоведческие и экологические проблемы, однако историко-археологической тематике было также уделено должное внимание. Такой подход позволил высветить различные стороны комплексных исследований.

В центре внимания участников конференции находились две комплексные карты, подводящие итог многолетних историко-географических работ на Куликовом поле. На первой были показаны древнерусские селища и городища XIII—XIV вв., почвы, растительность, разрезы с пыльцевыми характеристиками и радиоуглеродными датами, а также геолого-геоморфологические показатели. Эта карта имеет исключительно важное ландшафтно-историческое значение. С одной стороны, она дает информацию для определения характера расстановки полков и их действий во время битвы, а с другой — показывает возможности в деле восстановления и охраны степных и лесных ландшафтов XIV в.

Вторая карта иллюстрирует проект охранных зон и зон регулируемой застройки поля, представленный институтом «Спецпроектреставрация». Большинство докладчиков постоянно обращались к этим двум картам, иллюстрируя те или иные положения своих докладов.

Конференция открылась выступлениями географов и ботаников Н. А. Хотинского, А. Л. Александровского, В. И. Данилова на тему «Охрана и восстановление природных памятников Куликова поля». Были намечены конкретные участки первоочередного и перспективного заповедания территории. Большинство идей докладов отражено в данной книге, и поэтому нет смысла повторять их.

В докладе «Почвы Куликова поля как отражение ландшафтной ситуации эпохи битвы» А. Л. Александровский (Институт географии АН СССР) уточнил некоторые характеристики распространения лесных и степных почв и, в частности, определил новые контуры Зеленой дубравы, которая занимала площадь в 46 га. Современные лесопосадки не вполне соответствуют месту древней Зеленой дубравы.

М. П. Гласко (Институт географии АН СССР) продемонстрировала геоморфологические позиции древнерусских селищ XIII—XIV вв., которые приурочены, как правило, к первым надпойменным террасам, а иногда к поймам Непрядвы и Дона.

Новые материалы по истории растительности Поля, возраст которой определен двенадцатью радиоуглеродными датами, получены в разрезе болота Большая Березовка (доклад Н. А. Хотинского, Н. В. Благовещенской, М. А. Гуман, А. Е. Черкинского). В частности, пыльцевая диаграмма болота показала, что земледелием на Куликовом поле занимались еще в эпоху неолита — около 5200 лет назад. Первые признаки пашенного земледелия фиксируются в районе Непрядвы около 930 лет назад, т. е. в начале XI в. (отсчет времени по радиоуглеродным датам рассчитывается от 1950 г.). Затем отмечается спад пыльцы культурных злаков, сменяемый новым подъемом на уровне 650 лет назад, перед Куликовской битвой.

С радикальными предложениями выступил Б. П. Степанов (ВНИИ охраны природы и заповедного дела). В докладе «Ландшафтно-исторический заповедник «Куликово поле» как модель рационального природопользования» он предложил осуществить на Поле широкомасштабный экологический эксперимент по созданию в районе Куликова поля своеобразного биосферного заповедника, предусматривающего коренное изменение системы ведения хозяйства на его территории. Докладчик отметил, что на Куликовом поле интенсивно используются пестициды и тяжелая сельскохозяйственная техника. Он предостерег от повторения ошибок, допущенных при заповедании поля Бородинского сражения, где экологическим вопросам не было уделено должное внимание. Представление о том, что новый тип заповедника, сочетающего охрану исторических и природных памятников с хозяйственной деятельностью, — дело убыточное, не

соответствует действительности. Докладчик привел примеры, когда при перепрофилировании совхозов и колхозов на семеноводческое производство кормовых трав и коневодство были получены хорошие экономические результаты. Именно такой хозяйственный эксперимент надо, по его мнению, осуществить на всей территории Куликова поля.

Я. Д. Янович (Институт «Спецпроектреставрация») в своем выступлении «Перспективы проекта охранной зоны Куликова поля» отметил, что сейчас еще нельзя ответить на все вопросы, связанные с организацией заповедника. Проект охранных зон Поля — это лишь первый этап работы, требующий дальнейшего развития. Однако определить заповедный статус отдельных участков Поля можно уже сейчас. При этом нельзя изымать из сельскохозяйственного оборота большое количество земель. Надо навести хозяйственный порядок на Куликовом поле: восстановить и благоустроить населенные пункты, улучшить дорожную сеть, не вести и не планировать нового строительства.

В. И. Данилов (ВНИИ охраны природы и заповедного дела) выступил с предложением об ограничении заповедника наиболее важными в историческом и природном отношении территориями. Высказывавшиеся ранее предложения о заповедании около 5 тыс. га земель ему кажутся неприемлемыми.

М. И. Гоняный (ГИМ) в докладе «Древнерусские археологические памятники Куликова поля и их охрана» отметил, что в результате многолетних экспедиционных работ в верховьях Дона (от Епифани до устья реки Рыхотки) и в долине Непрядвы обнаружено около 130 селищ, 7 городищ XIII — XIV вв., несколько грунтовых могильников. Выявляются своеобразные «гнезда» заселений, каждое из которых состоит из крупного селища (площадью до 2 га), окруженного мелкими. Докладчик высказал интересную идею о сохранении нетронутыми некоторых селищ и городищ для будущих исследователей, с тем чтобы в дальнейшем ученые могли проводить раскопки, дающие большую информацию о наших предках. Еще раз был поставлен вопрос об охране археологических памятников и предложен план поисков могил русских воинов.

А. К. Зайцев (ГИМ) в выступлении «Задачи музеефикации Куликова поля» дал краткий обзор истории исследований района Куликова поля. Он отметил, что с 1981 г. полевые научные работы ведутся главным образом по программе археологов и палеогеографов. Получен интересный материал, но исследования еще не закончены. Необходимы аэрофотоснимки полевых объектов, изучение которых позволит выявить древние дороги, броды и т. д. Докладчик подчеркнул важность разработки научной концепции будущего музея-заповедника «Куликово поле».

Н. А. Маливанов (Центральный государственный исторический архив СССР) отметил, что документы, хранящиеся в архивах, подтверждают почвенные данные и позволяют точно установить характер и место сражения 1380 г.

Выступавший на конференции представитель Советского фонда культуры В. М. Новиков отметил, что главная задача — это разработать и обосновать четкую научную концепцию заповедника. Советский фонд культуры уже включил в свои планы работы по созданию на Куликовом поле историко-культурного и ландшафтного заповедника. В ближайшее время необходимо найти заказчика по организации и финансированию комплексных работ. Продумывается план организации сбора средств от различных организаций и отдельных лиц. При обсуждении материалов конференции возник вопрос о судьбе Епифани, расположенной в 25 км от Куликова поля.

В принятом на конференции решении указывалось, что Епифань следует превратить в своеобразное преддверие Куликова поля. Целесообразно создать здесь специализированный историко-архитектурный и культурный центр для обслуживания советских и иностранных туристов. Необходимо провести работы по благоустройству Епифани, создать инфраструктуру туризма. Все это будет содействовать возрождению древнего города. Предполагаемому панораму Куликовской битвы следует создать

именно в Епифани, а не на самом Поле, что нарушило бы его историко-ландшафтную значимость.

В заключительном слове автор этих строк отметил, что процесс научных исследований является непрерывным и всегда будут оставаться историко-археологические, природоведческие проблемы, требующие дальнейшей разработки и уточнения. Но в этом нескончаемом процессе необходимо «ставить точки», фиксирующие и подводящие итоги уже проделанной работы. К настоящему времени имеются обширные археологические, палеогеографические, почвенные, ботанические и другие данные, позволяющие уже сейчас осуществить ряд конкретных работ по организации заповедника на Куликовом поле.

Для этого в первую очередь необходимо выделить средства на охрану важнейших историко-природных объектов, объявить эти ценности памятниками областного значения. Научная часть документации по этим памятникам готова.

Затем следует завершить проект охранных зон, разработать проект организации системы заповедных урочищ. Эти работы, которые предполагается завершить в 1990 г., возможно осуществить только на основе решения Совета Министров РСФСР.

Научная концепция заповедника в ее археологической и природоведческой части уже вполне разработана. Дело упирается в необходимость привлечения экономистов, юристов, специалистов по сельскому хозяйству, которые могут дать конкретные рекомендации по вопросам частичного отчуждения ряда мест Поля из сельскохозяйственного оборота, по переориентации участков совхозов и колхозов, расположенных на Куликовом поле, на новые формы хозяйствования.

Потерю нескольких сот гектаров пашни куликовскими совхозами и колхозами можно полностью компенсировать за счет совершенствования агрокультуры. Расчеты показывают, что увеличение урожайности зерновых культур только в одном совхозе «Куликово поле», расположенном в центральном районе битвы, на 2 ц/га позволит высвободить из сельскохозяйственного оборота около 400 га бывших под пашней земель. Надо признать, что средняя урожайность зерновых, составляющая в настоящее время 18 ц/га на плодородных черноземах Куликова поля,— крайне низкая цифра. В результате для выполнения всеувеличивающегося плана совхозы и колхозы распахивают все свободные земли. О перспективах организации на Поле биосферного заповедника можно будет говорить только в том случае, если первоначальные опыты по изменению системы землепользования и рекультивации земель приведут к положительным результатам.

Выступающий подчеркнул, что не следует пытаться создать на Куликовом поле первозданные степные и лесные сообщества. Возможно лишь восстановить элементы ландшафта лесостепи эпохи битвы. Вместе с тем нельзя, как это предлагали некоторые участники конференции, идти по линии создания паркового, приглаженного, «имитирующего» ландшафта, соглашаться с идеей создания на Куликовом поле национального парка, ориентированного только на туристов. Представляется кощунственным называть парком поле Великой битвы русского народа за свое освобождение.

На конференции было принято решение о создании рабочей группы по подготовке постоянно действующего научно-организационного совета по проекту «Куликово поле». Эта рабочая группа подготовит окончательный состав участников совета, который будет утвержден на заседании Советского фонда культуры. В совет войдут представители научных, административных, общественных организаций.

Участники конференции с одобрением встретили известие о том, что академик Д. С. Лихачев, впервые поставивший вопрос о восстановлении архитектурных и природных памятников на Куликовом поле, согласился быть почетным председателем будущего совета.

ЛИТЕРАТУРА

От автора

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 16.

² *Маркс К.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.

Тайны Куликова поля

¹ *Макаров М.* Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. М., 1826. С. 22.

² *Шкурка А.* О подвиге народном // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 28.

³ *Нечаев С.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. Ч. СХГХ. С. 125-128.

⁴ *Нечаев С.* Отечественные известия // Московский телеграф. 1825. Ч. I. № 4. С. 377, 379.

⁵ *Нечаев С.* Указ. соч. 1821. С. 127.

⁶ *Кучкин В. А.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8; *Флоренский К. П.* Где произошло Мамаево побоище? // Там же.

⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 62.

⁸ Там же. С. 188.

⁹ *Флоренский К. П.* Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8. С. 46-47.

¹⁰ Там же. С. 43.

Письменные источники

¹ *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 311, 323; *Буганов В. И.* Куликовская битва. М., 1985. С. 105, 106.

² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 155.

³ *Кирпичников А. Н.* Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 291.

⁴ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. Там же.

⁵ *Паиуто В. Г.* Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 283.

⁶ Там же.

⁷ *Чивилихин В.* Память. М., 1983. С. 240.

⁸ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 310.

⁹ Сказания и повести... С. 131.

¹⁰ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 311.

¹¹ *Рыбаков Б. А.* Кто же автор? // Неделя. 1985. № 19.

¹² *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 309.

¹³ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

¹⁴ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 323.

¹⁵ Там же. С. 330.

¹⁶ *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбицкого // Повесть о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Отчет о двенадцатом присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1910. С. 121.

¹⁷ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5.

¹⁸ *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 190.

¹⁹ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 347.

²⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. IV. М., 1955. С. 190.

²¹ *Кучкин В. А.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 48.

²² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 559; *Он же.* Путешествие Геродота в Скифию // Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 30.

²³ Азбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 160.

²⁴ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 138-156.

²⁵ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 291.

Новая информация

¹ Троицкий Н. И. Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1890.

² Монастырщина II — неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 120.

³ Курнаев С. Ф. Куликово поле в прошлом и настоящем // Природа. 1980. № 9. С. 4—9.

Летопись Непрядвы

¹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 134.

² Крайнев Д. А., Хотинский Н. А. Природа и неолитический человек Русской равнины в свете новых археологических открытий. // Природа. 1978. № 5. С. 102-113.

³ Бадер О. Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология // Первобытный человек и природная среда. М., 1974. С. 227-228.

⁴ Хотинский Н. А. Следы прошлого ведут в будущее. М., 1981. С. 57-62.

⁵ Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.). М., 1983. С. 61.

⁶ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 98.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь. Т. II. М., 1955. С. 216,

Волны кочевников

¹ Письмо венгерского монаха Юлиана // За Землю Русскую. М., 1983. С. 404.

² Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 198.

³ Карпини П. История монголов. СПб., 1911.

⁴ Долухакев П. М. Развитие природной среды и хозяйства первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии: Авто-реф. дис. д-ра геогр. наук. М., 1984. С. 9.

⁵ Кириков С. В. Человек и природа степной зоны. М., 1983. С. 108.

⁶ Марков Г. Е. Кочевники Азии: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1967. С. 4.

⁷ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 5.

⁸ Чжао Хун. Полное описание монголов // За Землю Русскую. М., 1983. С. 392.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 164.

¹⁰ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 26.

¹¹ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 45.

¹² Егоров В. Л. Указ. соч. С. 230.

¹³ Федоров Е. К. Ресурсы биосферы и развитие человечества // Ресурсы биосферы на территории СССР. М., 1971. С. 31.

¹⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 170.

¹⁵ Борисов Н. С. Комментарии // За Землю Русскую. М., 1983. С. 390.

¹⁶ *Грач А. Д.* Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 117.

¹⁷ *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // За Землю Русскую. М., 1983. С. 431.

¹⁸ *Карпини, П.* Указ. соч. С. 48.

¹⁹ *Кириков С. В.* Человек и природа степной зоны. М., 1983. С. 10.

Дыхание природы

¹ *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М., 1985. С. 18.

² *Хотинский Н. А.* Следы прошлого ведут в будущее. М., 1981. С. 89.

³ *Астапов О. Д., Боряз В. П., Мещеряков В. Т.* К проблеме полифинальности географической среды в общественном развитии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 52.

⁴ *Пушкин А. С.* Соч.: В 1 т. М., 1984. С. 489.

⁵ *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 436.

⁶ Там же. С. 688-689.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 8—9.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 238-239.

⁹ *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 170.

¹⁰ *Гумилев Л. Н.* История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1981. С. 35.

¹¹ *Клиге Р. К.* Основные результаты палеогидрологических исследований // Водные ресурсы. 1983. № 6. С. 80.

¹² *Абрамова Т. А., Турманина В. И.* Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. М., 1983. Ч. I. С. 62-68.

¹³ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горгане и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.

¹⁴ *Варущенко А. П., Варущенко С. И., Клиге Р. К.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 88.

¹⁵ *Абрамова Т. А., Турманина В. И.* Указ. соч. С. 64.

¹⁶ *Дуншен Л., Гуанжун Д., Чжисиэн, А.* Природная обстановка пустынных и лёссовых областей Китая в четвертичное время: Докл. 27-го Междунар. геол. конгресса. Секц. С. 03. Т. 3. М., 1984. С. 84.

¹⁷ *Виттер П., Дорофеев Н., Лийва А.* и др. Палсогеография голоцена и верхнего плейстоцена Центральной Монголии // Изв АН ЭССР. 1981. № 1. С. 81.

¹⁸ *Базилевич Н. И.* Первичная продуктивность и биохимические циклы наземных экосистем СССР // Современные проблемы географии экосистем. М., 1984. С. 95—100.

¹⁹ *Черепнин Л. Н.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-моиголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 187.

²⁰ *Философия Общего Дела: Статьи, мысли, письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. 1. Верный, 1906. С. 39-40.*

²¹ *Карсаевская Т. В.* Изменение биологии человека как социально детерминированный процесс // Человек и природа. М., 1980. С. 63-64.

²² *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1983. С. 292.

²³ *Григорян С. Н.* Средневековая философия пародов Ближнего Востока и Среднего Востока. М., 1966. С. 341.

²⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Т. 1. Л., 1984. С. 299.

²⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. 96.

²⁶ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли: Автореф. дис. д-ра геогр. наук. Л., 1973.

Русь перед Куликовской битвой

¹ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 91-92.

² Там же. С. 91.

³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946.

⁴ Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 91.

⁵ Лапшин В. А. Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской земли X—XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 101-102.

⁶ За Землю Русскую. М., 1983. С. 456.

⁷ Восстание против татар на Ростовской земле в 1262 году // Там же. С. 460.

⁸ Пушкин А. С. Соч.: В 1 т. М., 1984. С. 537.

⁹ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 461.

¹⁰ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 180, 31.

¹¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. 277-278.

¹² Гумилев Л. Н. С точки зрения Клии//Дружба народов. 1977. № 2. С. 328-329.

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана//Из истории Древней Руси. М., 1984. С. 132-139.

¹⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 537—538.

¹⁶ Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 98.

К Дону Великому

¹ Татищев И. Н. История Российская. Т. V. М.: Л., 1965. С. 139.

² Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 150.

³ Там же.

⁴ Абрамова Т. Л., Турманина В. П. Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. Ч. 1 М., 1983. С. 65.

⁵ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 141. Сказания и повести... С. 179.

⁶ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 142. Сказания и повести... С. 180. Книга большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 81.

⁷ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 142.

⁸ Мавродин В. В. Куликовская битва. М., 1980. С. 33.

⁹ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 145.

¹⁰ Венивитинов М. А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XIV. М., 1890. С. 318-319. Сказания и повести... С. 163.

¹¹ Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 71.

¹² Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 53.

¹³ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 137.

¹⁴ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XIV в. М.; Л., 1965. С. 91. Сказания и повести... С. 383.

¹⁵ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 145. Сказания и повести... С. 163. Там же. С. 219.

Где же Непрядва?

- ¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 145.
- ² Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 61.
- ³ *Нечаев С.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вест. Европы. № 13. М., 1821. С. 165.
- ⁴ Книга большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 59 — 60.
- ⁵ Сказания и навести... С. 40.
- ⁶ Там же. С. 187.
- ⁷ О приметах Дмитрия Волынца // Синописис, или Краткое описание от различных летописцев о начале славенского народа. СПб., 1762. С. 150.

Злая сеча

- ¹ *Распутин В.* Сибирь без романтики // Век живи — век люби. Роман-газета. 1984. № 17. С. 66.
- ² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 146.
- ³ *Голицын Н. С.* Русская военная история. Ч. 1. СПб., 1877. С. 188.
- ⁴ *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 297.
- ⁵ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 146.
- ⁶ *Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974. С. 13.
- ⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 43.
- ⁸ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. II. М., 1955. С. 566.
- ⁹ Сказания и повести... С. 168.
- ¹⁰ Там же. С. 134-135.
- ¹¹ Там же. С. 63.
- ¹² *Макаров М.* Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. М., 1826. С. 24.
- ¹³ Сказания и повести... С. 189.
- ¹⁴ *Гоголь Л. В.* О движении народов в конце V века // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 129.
- ¹⁵ Сказания и повести... С. 190.
- ¹⁶ Там же. С. 168.
- ¹⁷ Там же. С. 44.
- ¹⁸ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 146.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сказания и повести... С. 169.
- ²¹ Там же. С. 135.
- ²² Там же. С. 169.
- ²³ Там же. С. 191.
- ²⁴ Там же. С. 123.
- ²⁵ *Ситовский В.* 500 лет назад. Куликовская битва. СПб., 1880. С. 15.
- ²⁶ Сказания и повести... С. 99—100.
- ²⁷ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 148.

Восемь дней «на костях»

- ¹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 68.
- ² Там же. С. 68.
- ³ Там же. С. 171.
- ⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 149. Там же.
- ⁶ Сказания и повести... С. 194.
- ⁷ Там же. С. 69.

⁸ *Нечаев С.* Отечественные известия//Московский телеграф. Ч. I. 1825. № 4. С. 380.

⁹ Сказания и повести... С. 172.

Радость и плач великие

¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 150.

² Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 135.

³ Никоновская летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. XI. С. 69.

⁴ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 152.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С. 152-154.

⁷ Там же. С. 154.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984. С. 43.

¹⁰ *Чивилихин В.* Память. М., 1983. С. 701 — 702.

¹¹ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Вып. 1. Л., 1979. С. 229.

¹² *Костомаров Н. И.* История России в жизнеописаниях ее главных деятелей. Кн. 1. Т. V. 1915. С. 195.

¹³ Сказания и повести... С. 67.

¹⁴ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 172-173.

¹⁵ Собрание государственных грамот и документов. М., 1819. Ч. 2. С. 16-17.

Связь времен

¹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 135.

² *Татищев В. Н.* История Российская, Т. V. М.; Л., 1965. С. 166.

³ *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984. С. 68.

⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

⁵ Писцовые книги XVI века. Отделение II. СПб., 1977. С. 1588.

⁶ Там же.

⁷ *Троицкий Н. И.* Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1890. С. 86-87.

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 140, с. 290-315.

⁹ ЦГАДА, ф. 281, д. 4672.

¹⁰ *Троицкий Н. И.* Указ. соч. С. 89-90.

¹¹ Словарь географический Российского государства. М., 1804. Ч. 3. С. 962.

¹² *Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д., Фоломеев Б. А.* Куликово поле и его археологические памятники //Археологические памятники европейской части РСФСР. 1985 С. 49.

¹³ Куликово поле. М., 1980. С. 38.

¹⁴ *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. II. М., 1958. С. 651.

¹⁵ *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев)//Ист. зап. М., 1975. Т. 96; *Мухина С. Л.* Современник декабристов С. Д. Нечаев//Вопр. истории. 1983. № 10.

¹⁶ *Мухина С. Л.* Указ. соч. 1983. С. 185.

¹⁷ *Макаров М.* Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. М., 1826. С. 21.

¹⁸ *Троицкий Н. И.* Указ. соч. С. 86.

¹⁹ *Шкурка А.* О подвиге народном // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 32.

²⁰ *Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. Тула, 1980. С. 70-71.

Будущее Куликова поля

- ¹ *Макаров М.* Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. М., 1826.
- ² *Троицкий Н. И.* Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. М., 1890. С. 89.
- ³ *Алюшин А. И.* Растения Тульского края. Тула, 1982. С. 81.
- ⁴ *Курнаев С. Ф.* Куликово поле в прошлом и настоящем // Природа. 1980. № 9. С. 13.
- ⁵ *Рашек В. Л., Чумакова А. В.* Охрана редких видов растений и животных в заповедниках // Организация и охрана заповедных территорий. М., 1979. С. 18.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 24-25.
- ⁸ *Скрипчинский В. В.* Охрана природной флоры и растительности Ставропольской возвышенности // Степи и луга Ставропольского края. Ставрополь, 1980. С. 59. *Исаева-Петрова Л. С., Денисова Л. В., Никитина С. В.* Степная растительность СССР и проблемы ее охраны. М., 1983. С. 50. *Скрипчинский В. В.* Указ. соч. С. 60. Там же. С. 60-61.

Хотинский Н. А.

X85 Ковыль-трава на Куликовом поле.-1988.- 173, [2] с., [8] л. ил.: ил.

ISBN 5-244-00219-8

М.: Мысль.

Битва на Куликовом поле... Из поколения в поколение память народа свято хранит это славное событие русской истории. Кажется, что нового можно еще добавить? Но не все подробности битвы выяснены до конца. Автор этой книги — географ. Он убежден, что реконструкция древней природы прояснит некоторые спорные вопросы. А восстановить ландшафт поможет наука палеогеография. Но этого оказалось недостаточно. И автор взялся за изучение письменных источников. В итоге родилась эта книга, где обобщены интересные факты и пропагандируется идея организации на Куликовом поле ландшафтно-исторического заповедника.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Никита Александрович Хотинский

КОВЫЛЬ-ТРАВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Заведующий редакцией Ю. О. Гватовский

Редактор Ю. С. Макаревич

Редактор карт Л. Я. Строкина

Младший редактор Т. Н. Филатова

Оформление художника И. В. Тархановой

Художественный редактор А. И. Ольденбургер

Технический редактор Т. Г. Сергеева

Корректор Б. Г. Прилипко

ИБ №3768

Сдано в набор 29.10.87. Подписано в печать 12.07.88. А10944. Формат 84X X Ю8'/32. Бумага типографская № I. Печать высокая. Гарнитура «Обыкновенная новая». Усл. печатных листов 10,08 с вкл. Усл. кр.-отт. 15,33. Учетно-издательских листов 10,69 с вкл. Тираж 30000 экз. Заказ № 1267.

Цена 85 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград. 11-136, Чкаловский пр., 15.